Лидия Данневольф

Лидия Данневольф
Райнгольд Шульц

СЛЁЗЫ И ГРЁЗЫ

Повесть о поволжских немцах

Райнгольд Шульц

СЛЁЗЫ И ГРЁЗЫ

Повесть о поволжских немцах

Гиссен 2012

Лидия Данневольф, Райнгольд Шульц
СЛЁЗЫ И ГРЁЗЫ
Повесть о поволжских немцах

Документально-художественное издание

Главный редактор Владимир Крылов-Вальтер.
Корректор Эмма Хайде
Иллюстрации: Светлана Видергольд, Виктор Гурр
На обложке картина Изольды Хартван «Изгнание».
© Isolde Hartwahn Bild „Vertreibung“.
„Arbeiten von 1937-1990“, Katalog der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland e.V., Stuttgart 1992.

Шульц Р. А.

Повесть «Слёзы и грёзы» – это исповедь человека, которая захватывает с первых страниц и не отпускает до конца книги, а потом заставляет переживать и вспоминать ту или другую картину из прочитанного, которая виртуально переносит нас в жестокое и несправедливое прошлое. Сквозь строчки текста видны слёзы и грёзы простых людей из числа немцев России. Как болело материнское сердце героини от ответственности за судьбы детей и внуков на исторической родине. Как сниться ей детство по ночам. Как Родина, место, где она родилась, не даёт покоя, как старается она оставить после себя добрую память в виде книги о прошлом своего народа и своём трудном многострадальном пути в этой нелёгкой земной жизни.

© Р. А. Шульц
© С. Видергольд, В. Гурр

70-летию депортации советских немцев и 250-летию переселения немцев в Россию на основании манифеста Екатерины II

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Жизнь не для того, чтоб ждать пока затихнет буря,
она для того, чтоб научиться танцевать под дождём!

ОТ АВТОРА

Я, как автор, старался по возможности бережно сохранить язык, на котором говорит героиня повести Лидия Ивановна Данневольф. Я хотел аккуратно довести до читателя её драгоценные воспоминания, её образ мыслей, передать её переживания, чувства, ощущения, слёзы и грёзы.

Я старался нарисовать в воображении те картины, которые она пережила в Поволжье, на Алтае, в трудармии, в Сибири, при переезде в Германию и на исторической родине. Война вырвала её из детства, из привычной жизни и швырнула в нищету, в унижения, в неволю, в мучения. Она прошла выселение, разграбление, терпела унижения из-за своего национального происхождения, но осталась сильная духом с доброй душой и золотым сердцем. Поэтому я написал этот исторический документ не от третьего лица, а именно от первого лица, от её имени.

Эта повесть всего лишь краткое описание одной судьбы, одной поволжской немки. По каждому изложенному здесь эпизоду можно написать отдельные потрясающие жизненные рассказы.

Это книга – оригинальный сплав исповедальной автобиаграфической прозы и богатейших сведений из первых рук об истории, культуре, быте, борьбе немцев России. Читая, ясно понимаешь, что великая книга жизни пишется каждой человеческой судьбой, и судьба каждого из нас – есть краткое продолжение бесконечной истории нашего общего бытия.

Эта замечательная женщина с ясным умом и светлой памятью, щедро наделённая природным трудолюбием, здравым смыслом и чувством юмора, не смотря на драматизм происходящего, продолжала любить жизнь в неволе, за колючей проволокой. Но даже в таких условиях она не утратила душевной чистоты, веры, оптимизма, и её посетила большая настоящая любовь. Молодая семья уехала в Сибирь.

Когда там ей не хватало воздуха от обиды и переживаний, она выплескивала на бумагу содержание своей души. У неё красивый почерк, она написала книгу о своей жизни и послала рукопись в Москву, где она бесследно пропала. В Германии она снова взялась за перо, но года и здоровье не позволили ей это сделать.

Я постарался помочь ей осуществить её мечты, её грёзы. У книги память лучше, чем у людей.

Судьба Лидии Ивановны – олицетворение наших дорогих многострадальных матерей, стойкого и несчастного военного поколения советских немцев.

Работа над повестью была очень долгой и трудоёмкой работа, но в

этом моя благодарность всем немецким женщинам и мужчинам, всем немцам из СССР.

Райнгольд Шульц, Гиссен.

АННОТАЦИЯ

Повесть «Слёзы и грёзы» – это исповедь человека, которая захватывает с первых страниц и не отпускает до конца книги, а потом заставляет переживать и вспоминать ту или другую картину из прочитанного, которая виртуально переносит нас в жестокое и несправедливое прошлое. Сквозь строчки текста видны слёзы и грёзы простых людей из числа немцев России.

Маленькая героиня с детства мечтала стать лётчицей, но ничего у неё не получилось, война круто изменила её жизнь и жизнь целого народа, безвинно попавшего в немилость своей Родины.

Учиться ей не пришлось, малолеткой она работала в тайге и норму приходилось выполнять как взрослой, чтобы иметь свою пайку и по возможности дополнительное премблюдо.

Смерть косила трудармейцев несчитано. Девчонкой она умирала на лагерной больничной койке вместе с доходягами, но молодость, вера и оптимизм победили и, поправившись, она снова становилась убеждённой трудолюбивой «стахановкой».

Трудармейцы одичали и исхудали в тайге на лесоповале, поэтому, когда их привезли на железнодорожную станцию, вольные люди шарахались в сторону от одного их вида. Именно там нашла она свою любовь.

После войны молодая семья жила под комендатурой в сибирской глубинке, в самом глухом углу России, проводя день и ночь в тяжелой работе, опять же ради куска хлеба, забыв про права человека, про отдых. Тем не менее, она старалась быть хорошей женой, счастливой матерью, воспитывала детей и внуков. По праздникам не расставалась с шутками и песнями, веселя односельчан на новогодней ёлке.

Она постоянно отстаивала своё национальное достоинство – на улице, в магазине, на работе, когда её и её детей обзывали фашистами. Сама удивлялась, почему их семья завоевала уважение и авторитет односельчан и всё же, несмотря на положение и достаток, решилась всё бросить и переехать в Германию на ПМЖ.

Как болело её материнское сердце от ответственности за судьбы детей и внуков на исторической родине. Как снится детство по ночам. Как Родина, место, где она родилась, не даёт покоя, как старается она оставить после себя добрую память в виде книги о прошлом своего народа и своём трудном многострадальном пути в этой нелёгкой земной жизни.

НЕМЕЦКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Немецкие женщины по натуре очень добрые, богобоязненные, тихие, порядочные. Они хорошие матери, верные жены, замечательные хозяйки, они очень честные. На таких женщинах мир держится! Это невероятные трудяги, они всё вынесут на своём горбу, не боятся никаких трудностей, всегда выйдут из любого положения. Они кизяки слепят и саман сделают и в доме у них всё чисто вылизано, и тончайшие кружева сплетут, и вкусный обед приготовят, и за детьми уследят, и за стриками присмотрят, и мужа подбодрят. У них у всех умелые, трудолюбивые руки. Вот такие наши немецкие женщины. Мне это очень симпатично.

Героиня этой книги приятная, добрая женщина, такие женщины окружали меня с детства. Я знаю десятки, сотни подобных судеб. Все женщины старшего поколения невероятные трудяги. Очень нравится, что она не злая женщина, не таит в себе какую-то месть, не держит обиду, наоборот, она очень по-доброму отзывается о тех русских людях, которые помогали ей в трудные минуты.

Hilde Schurr, Konstanz

ОТКЛИКИ ЧИТАТЕЛЕЙ

Дорогой Райнгольд! Бывает так, что прочитаешь книгу с красивой обложкой, хорошо изданную, всё интересно, всё хорошо, но за душу не берёт. Захлопнул и забыл. А ваши рассказы за душу берут и всё там разбередят, да так, что покоя лишаешься и сна, так что, думаю, равнодушных читателей у вас быть не может. Спасибо Вам и творческих успехов.

В. Вальтер

Спасибо за «Слёзы и грёзы», за Ваш труд! При чтении плакала. Не только из-за судьбы героини. Перед глазами стояли мои дедушка и бабушка, их жизнь. Будто слышала, как бабушка рассказывает о депортации, трудармии. Вспоминались лица и голоса её подруг, которые приходили к нам. Спасибо Вам! Это нужно помнить.

Светлана Видерхольд, Берлин

Райнгольд! Если говорить о содержании, то книга «Слёзы и грёзы» очень волнующая, многие места трудно было читать без слез. Сразу же экстраполировал на свою маму, которая тоже работала на лесоповале в сызранских лесах. А дядя Боря тоже был в Вятлаге, в вятских лесах, тоже вернулся доходягой, долго лечился. Думаю и остальные читатели, чьи семьи прошли через это, не смогут быть равнодушны при чтении. Это незатейливое - и тем более СТРАШНОЕ – свидетельство человека, на долю которого выпали репрессии, депортация, трудармия.

В. Крылов, Новосибирск

Дорогой Райнгольд!

Das ist toll! То, что ты написал - это здорово! Книга обязательно должна быть переведена на немецкий язык. Люди должны знать правду! Я прочитала эту книгу взахлёб, просто проглотила её. Она действительно написана простым, доступным языком этой женщины. В ней до сих пор живёт дух борьбы, дух правды и справедливости. Так как она рассказывает самое лучшее, это каждый поймёт, до каждого дойдёт. Удивительная, замечательная женщина, она достойна огромного уважения. В общей сложности книга «Слёзы и грёзы» просто замечательная! Спасибо Вам обоим!

Эмма Хайде, Лейпциг

Многоуважаемый Райнгольд Шульц! Я сейчас взахлёб читаю вашу книгу «СЛЁЗЫ И ГРЁЗЫ» и даже прослезился. Это как-бы моя история. Большое спасибо за такой подарок. Книга очень поучительная, закончу читать дам дочери, пусть она прочитает и поймёт, какая у нас жизнь тяжёлая была. Ещё раз огромное спасибо! Желаю крепкого здоровья и долголетия.

Адам Руль

Lieber Reinhold, Dein neues Buch «Slösi i Grösi» habe ich mit Dankbarkeit bekommen. Bis jetzt bin ich in der Mitte beim lesen und bin davon begeistert. Natürlich schreibe ich einen positiven Stellungsname dazu. Vielleicht brauche ich dafür noch 1-2 Wochen.

Mit freundlichen Grüßen,

Heinrich Groth

Дорогой Райнгольд, спешу признаться, что всё, что ты пишешь мне очень нравится и нравится как ты это пишешь, твой стиль мне очень симатичен, что мне не хватает так это твоих произведений на немецком языке.

Я знаю как ты трогательно пишешь, поэтому готовлюсь и настраиваюсь заранее.

У меня мама в таком же возрасте, как и героиня твоей книги «СЛЁЗЫ и ГРЁЗЫ». Судьба у мамы трудная и похожа на судьбу Лидии Данневольф. Я маме не хотел давать эту книгу потому, что там так написано, что у меня самого порой наворачивались слёзы и я опасался за её самочувствие и здоровье, всё таки ей 85 лет. Но она сама нашла книжку и начала читать. Почитает, почитает, потом уходит в свою комнату, сидит и плачет.

–Ну зачем мне эта книжка на глаза попала! – сказала она вечером – Всю мою память всколыхнула. Как мы мучались, всё верно написано, передай автору большое спасибо.

Что я и делаю!

Райнгольд, ты молодец, ты так пишешь, я всегда рад читать твои вещи, а самое главное мне очень нравится то, что ты реальную жизнь оцениваешь критически и именно с нашей переселенческой точки зрения. Это мне очень нравится!

Ты всегда правдиво отражаешь действительность, какая бы она не была. Чувствуется что у тебя есть своя гражданская позиция и писательская смелость сказать об этом читателю и людям которые тебя читают это очень симпатизирует и очень нравится.

Виктор Фрис

Уважаемый Райнгольд, разрешите поблагодарить Вас за Ваши

книги. Все ваши произведения мы с женой с удовольствием читаем, они вызывают у нас огромную симпатию и интерес и я хотел бы заказать все книги которые Вы написали.

Я двухкровка, мне дороги обе стороны в этой истории, но особо близка тема о Российских немцах.

А ещё я удивляюсь Вашему трудолюбию. Мне кажется если бы я взялся только за одну маленькую часть Вашего творчества и то я наверное ничего бы не успел, а вы настоящий трудоголик.

Мы с женой просто удивляемся какую положительную энергию вы несёте в своих книгах, какую сильную харизму имеете, какой у Вас мощный темперамент! Ну вообще...

Я восхищаюсь вашим жизненым путём, он не был устлан розами и пальмовыми ветками, наоборот, но у вас всё равно очень содержательная и интересная жизнь. Нам было очень приятно открыть для себя нового автора и познакомиться с таким человеком.

Мы внимательно следим за всем вашим творчеством, ждём ваших новых произведений, нам очень нравится стиль вашего письма, мне кажется ваши мысли доступны и близки каждому человеку в самой большой и разнообразной аудитории, вас очень приятно и интересно читать.

Я за свою жизнь, с раннего детства много прочитал, моя мама была библиотекарем, у нас очень много книг и ваши полюбившиеся книги на самом видном и почётном месте в нашем доме. Спасибо Вам!

Скорупинский Сергей

С большой радостью и воодушевлением прочитал Вашу книгу «Перелётные птицы». Мне так понравилась эта книга, что я её наверное ещё раз прочитаю. Я Вам очень благодарен, я даже в душевном порыве отзыв написал. Мне понравилось описание, как вы в Германию через Польшу ехали своим ходом и многое другое, вот один из многих моментов который врезался в мою душу.

Когда я, от 54 страницы, читал рассказ «Мама Шульц», я как раз находился в больнице, в комнате ожидания и когда я это прочитал, поверите Вы или нет, я мужчина, мне 78 лет и я кое-что повидал в этой жизни, но у меня от переживания и сочувствия по обеим щекам лились слёзы, как у какой-то девочки.

Я чуть не заболел. Ну на столько трогательно, красиво, так сказать душевно, по-человечески это написано. И таких мест в книге множество. Ну и в целом обо всей книге у меня самое восхищённое впечатление.

Мы позовчера собирались у моей сестры, у её мужа был день

рождения, 80-летие. Несколько моментов из Вашей книги я рассказал всем присуствующим. Они удивлялись и сожалели, что не все наши люди одинакого интересуются нашей историей, жизнью переселенцев и нашего народа.

У меня есть один товарищ в Берлине – Вилли М., он тоже написал роман «Ты виноват уж тем, что немец» и вот моя книга «Тернистый путь российских немцев», ну как-то наши три судьбы, три биографии очень во многом схожи, но таких переплётов, как у Вас, в моей жизни вроде бы было меньше. Как-то мне Бог всюду помогал.

Некоторые наши переселенческие гемайнде, лютеране, пятидесятники или баптисты живут в отрыве, в ином мире, но надо же интересоваться и настоящей нашей жизнью на земле. Не всем удавалось легко прижиться в историческом отечестве. Вы честно написали в книге, что когда приехали в Германию, Ваша библия была мокрая от слёз и в ней не было незакапанных, чистых, сухих страниц.

Я очень жду Вашу новую книгу «Слёзы и Грёзы».

С огромным уважением,

Броцманн

Многоуважаемый Райнгольд Шульц! Хочу сказать, что в ваших рассказах потрясающий материал! Просто потрясающий! Вы снайпер слова! Страшной темой о немцах из России Вы мне рвёте сердце бьез всякой натуги.

Хотя в моей седой голове столько всего: и прочитанного, и профессионального, и опыт жизни, в том числе страсть к книгам. Но всё, что Вы написали о немцах-переселенцах, зарубцевалось в моей душе и ничего не ушло из памяти. Ничего не ушло! Ни-че-го!

Не могу забыть Вашу книгу «Перелётные птицы». Рассказ «Эмиль и Эмилия» – это что-то! Это надо только представить: ограбление, унижение, неволя, потеря детей, медленное умирание на каторжных работах и последняя перед смертью папироса, которую выменяли на любимый музыкальный инструмент Вашего деда, бывшего военного музыканта. Я знаю, что такое труба для трубача… Как можно было довести людей до такого состояния?

А рассказ про Эйца, этого мальчика, которому на лесоповале ноги перебило брёвнами, и который стал калекой на всю жизнь, и он в одиночку, когда ушла жена, воспитывал своих детей, таких же калек, как и он сам.

А эти замечательные рассказы про вышку, сеносплав, поднятую целину, перекати-поле, про Вашу маму, и прекрасное эссе «Чья во мне душа?», которое принесло вам победу в международном конкурсе «Национальная премия «Золотое перо Руси». Всё это волнует душу читателя, заставляет задуматься!

Просто незабываем рассказ о Вашем брате Гелечке, который прислал вам в армию деньги в конверте, и вы спрятали их в свой военный билет в кармане гимнастёрки, а ваши командиры ночью украли их у Вас, и у остальных солдат тоже. Это вот и есть правда о двуличии в Советской Армии!

Это всё документальный материал, и его потерять нельзя. Он должен остаться в памяти людей. Никто не забыт и ничто не забыто!

В Вашей новой книге «Слёзы и грёзы» очень здорово то, что вы привели родословную героев повести: кто чей папа, кто чья мама, где родились, где ушли в вечность. Это уже не мемуарная литература – это документ, подтвержденный конкретными фактами. Родословная с датами – очень удачный приём, просто великолепная находка. Написать ведь можно что угодно, а тут голые факты! А факты, как известно, упрямая вещь! Вся эта книга – кричащие факты, о которых хочется бить в набат!

К примеру, эпизод, когда руководители лагеря скрыли от трудармейцев факт о том, что трудармию уже отменили и люди, не зная о законной свободе, вынуждены были работать дальше в этих жутких условиях, хотя война для всего мира уже 2 года как закончилась. И лишь для немцев России она продолжалась ещё 10 лет: они были под жестокой военной комендатурой, а потом их навечно лишили права возвращения в родной отчий дом. За что, спрашивается, такие муки невинно осуждённому народу?

А этот урод в погонах, который отрывал крошечных детей от матерей и угонял в трудармию? Какой материнский плач висел тогда над страной! Это он сделал мать инвалидом на всю жизнь, бедная женщина с трудом выжила и жила потом, словно тень, дрожа от страха, бессилья и обиды.

А умирающая в лагерном лазарете тётя, которой Лидия сказала, что её дома ждут дети и муж, которого комиссовали из трудармии. Только надежда дала ей силы выжить и полуживой добраться до дома. А дома мужа нет, он, оказывается, давно погиб в трудармии, а дети на грани смерти, дикие и голодные, её уже не узнают.

Или этот факт, когда российский немец, муж Лидии, выполняя приказ начальничка, который торопился к себе домой, должен был переправляться в половодье вброд через бурлящую, вышедшую из берегов речку, унесшую мост. А когда телега застряла на середине, Андрей вынужден был в холодной воде распрягать колхозных лошадей и, спасая их, рисковать собой, чтобы его не расстреляли за «растрату колхозного имущества», а потом снова в ледяной воде плыть за ветеринаром, который не умел плавать, но отдавал глупые приказы. Немец-герой, который спас спесивого ветеренара и колхозных лошадей, не получил ни благодарности, ни добрых слов, ни извинения,

зато заработал на всю жизнь радикулит, больные ноги, костыли и страшные боли на старости лет.

Такие безголовые руководители командовали стройками, колхозами, страной, распоряжались чужими жизнями. Такие эпизоды выворачивают душу наизнанку, заставляют говорить, кричать о правде. Ой, Господи! Боже мой! Что же это такое творилось!?

Сталин и его коммунисты гробили свой народ за идею, а теперь эти же коммунисты предали идею, стали капиталистами и опять гробят, обманывают и оболванивают народы.

Книга «Слёзы и грёзы» настолько нужная, настолько актуальная, что нет необходимости её пересказывать. Это даже не мемуарная литература. Это жёсткий исторический документ, который обличает власть. Это то, что по Михаилу Ромму и называлось «Обыкновенный фашизм». Книга заставляет переживать и даже плакать, настолько страшная правда о советских немцах в ней рассказана. Но так было, и это факт. Подобные свидетельства надо собирать. Об этом надо говорить, об этом надо писать! Это ужасно, что творилось в СССР. Это очень ценная книга. Настоятельно советую её прочитать всем!

Наталья Наумова

БИОГРАФИЯ

Главная героиня книги «Слёзы и грёзы « Лидия Ивановна родилась 31 марта 1926 года в России, в городе Бальцере, в республике немцев поволжья, в семье талантливого немецкого музыканта Иоганеса Попп.

Являясь в семье старшей дочерью, с ранних лет Лидия Ивановна начала свою тяжёлую, трудовую жизнь. Ребёнком она была выгнана из родного дома и вместе со всеми советскими немцами по указу Сталина выслана на Алтай, в город Барнаул.

Не успев освоиться на новом месте, её подростком, через военкомат призвали в трудовую армию, на самом деле сослали в концлагерь, на лесоповал, в Вятлаг, где она оставила 4 лучших года своей молодой жизни, испытав холод, голод, унижение, болезни и медленную смерть, в таких условия крепкие немецкие мужчины умирали за несколько месяцев, так умер её дядя и отец, но её юный организм выдержал тяжёлые военные испытания.

Для всех людей на земле вторая мировая война закончилась в 1945 году, а для Лидии Ивановны она продолжалась ещё три длинных года и лишь в 1947 году она вернулась на «свободу» в места вечной ссылки советских немцев, в холодную Сибирь, в Красноярский край, в глухую деревушку Бескиш.

Приехала она туда вместе с мужем, тоже немцем из повольжья, Данневольфом Андреем который отбывал вместе с ней трудовую повинность в советских лагерях ГУЛАГа.

В маленькой сибирской деревушке она прожила почти всю свою жизнь. Много раз в трудные минуты становилась она на колени и со слезами на глазах разговаривала с Богом, доверяя ему обиды, тайны, проблемы, планы на будущее! Вместе с мужем она воспитала и подняла на ноги 5 замечтальных детей. Виктора, Ирму, Володю, Нину и Эмму. Сегодня у неё 10 внуков и 14 правнуков.

В жизни Лидия Ивановна добрый, выдержанный, умный, тактичный и трудолюбивый человек. Какое бы дело ей ни поручали, она всегда выполняла его добросовестно и с любовью, чем снискала себе всеобщее уважение окружающих. Она заслужила почёт и уважение людей, любовь своих детей, друзей и соседей.

Чем только не занималась Лидия Ивановна, она делала всю тяжелую домашнюю работу, вела подсобное хозяйство, огород, сарай, скот, дом, работала на государственном производстве, выращивала телят, доила коров, клала печки, выделывала шкурки, шила шапки, вязала, строила жильё, штукатурила, белила, помогала людям.

За трудовое отличие её неоднократно премировали на работе, награждали почетными грамотами.

Она была награждена медалью МАТЕРИНСТВА, о ней не раз печатали статьи в газетах. О своей судьбе, о трудной, но интересной жизни она написала книгу «СЛЁЗЫ и ГРЁЗЫ»

В 1992 году Лидия Ивановна вместе с мужем переехала в ФРГ и попала в переселенческий лагерь города Раштадт который находится на юге Германии, в земле Баден-Вюртенберг, недалеко от города Карлсруэ, на самой границе с Францией. Потом их перевели небольшой лагерь в Микимерлау возле Грюнберга, на земле HESSEN, а когда этот лагерь закрыли, их перевели в нотвоунунг, в Алендорф, что возле Гиссена. Потом она с мужем получила квартиру в Гиссене, в 2010 стала вдовой, а с 2012 года Лидия Ивановна проживает рядом с младшей дочерью в Вецларе.

Райнгольд Шульц

ВСТУПЛЕНИЕ

Я, Лидия Ивановна Данневольф, урождённая Попп, родилась 31.03.1926 года в лютеранской семье немцев Поволжья в городе Бальцер.

Я не такая уж грамотная, в институте не училась, даже школу не пришлось окончить, война помешала, успела окончить только 6 классов. Хорошо говорю на двух языках: по-немецки на диалекте, по-русски – с лёгким немецким акцентом. Я стала старой, руки трясутся, память уже не та. Я прожила трудную жизнь. Мне исполнилось 85 лет. А отчий дом на Волге вспоминаю часто.

Обо всём, что помню и знаю, я очень хочу рассказать своим потомкам, детям, внукам и правнукам, чтоб они знали, какую тяжёлую жизнь прожили их предки на своей родине в Советской России. Просто невероятно, как мы всё это вынесли, как я осталась жива, вырастила детей, как с Божьей помощью дожила до этих дней и достигла такого возраста. А дальше пусть молодые сами делают историю и пишут, как сложилась у них жизнь, если захотят писать и оставить о себе хорошую память.

Хочу рассказать всем как выжил наш народ в тех невыносимых, адских условиях.

Мой отец погиб молодым от тяжелой работы, он был бесправным рабом в трудовой армии СССР. Наша семья была депортирована в начале войны, всю войну мы провели в трудовых лагерях, дети немецких колонистов стали беспризорными и многие умерли с голоду. Такое вспоминать страшно, а позабыть нельзя.

Мне и сегодня очень обидно, потому, что я не могу показать своим внукам и правнукам даже на фотографии место, где я родилась, потому, что нет ни одной фотографии. Нет фотографии моих родственников и моего отца, их украли, когда мы были в ссылке на Алтае. Нет у нас наследства кроме памяти. Такая была судьба немцев в России.

Мой муж умер 28.12.2010 года в Германии в городе Гиссене в возрасте 86 лет и 8 месяцев.

Мы вместе прожили в хорошее и трудное время 63 года и 9 месяцев, из них 19 лет в Германии.

Мы никогда не думали, что доживём до такого возраста. После стольких переживаний, лишений, голода, сквозь годы обид, унижений и лишений вернулись на историческую родину в Германию. Но Волгу мы забыть не в состоянии, там мы родились – там наша Родина.

Нас не хотят помнить в России, стараются нигде о нас не гово-

рить, про наших людей нет ни одного художественного кинофильма, в день окончания войны вспоминают все народы, внесшие свой вклад в победу и мир на земле, а нас как будто не было и нет.

Будто не умирали мы в борьбе за мир, не теряли своих родителей, братьев, детей и друзей. Мы работали бесплатно, без выходных, многие погибли от презрения, от тяжёлого труда и голода в трудармии за колючей проволокой под конвоем и даже могильного холмика у них нет.

У меня было восемь двоюродных сестёр и братьев, о которых со времени депортации я совсем ничего не знаю. Где они сейчас, живы ли?

У папы была сестра Катя, и у неё было трое детей. Я о них ничего не слышала с тех пор, как нас с Волги выслали и разлучили. Был слух, что их эшелон попал в Казахстан.

У маминой сестры тёти Лоти тоже было трое детей. Но со времени депортации мы о них абсолютно ничего не знаем.

Как бы хотела я от всей души, чтобы нашлись дорогие моему сердцу люди и чтоб мы смогли посмотреть друг другу в глаза и обняться по-родственному. Нам было бы что вспомнить и рассказать о тех чудовищных временах.

Я бы очень хотела, чтобы нашёлся добрый человек, который написал бы трагическую историю поволжских немцев, суровую историю нашей семьи, нашу пропавшую молодость, чтоб люди знали о нашей печальной и трудной судьбе. Чтоб увидели и ощутили наши слёзы и грёзы.

Это была бы честная и интересная книга для наших детей и потомков. Плохой карандаш, лучше хорошей памяти, а хорошая книга – лучшая память о предках для будущих поколений.

Если бы такая книга вышла, я обязательно подарила бы одну президенту России Дмитрию Медведеву и одну Владимиру Путину, потому, что как мать могу сказать, что эти ребята, похоже, стараются сделать что-то хорошее для своего народа. Они уже много сделали, чтобы людям жилось лучше и это очень хорошо, просто прекрасно служить своему народу, своим людям, добру и справедливости. Пусть они помнят обо всех и о нас тоже.

Я раньше очень желала, чтобы такие руководители были в моей молодости, не пришлось бы тогда нам так страдать и мучиться. Жили бы мы сегодня на своей прекрасной цветущей родине, на нашей Волге. Там где я родилась – там моя Родина!

Волга, Волга, мать родная.
Волга русская река.
Ты в моё впадаешь сердце,

Широка и глубока.

Чтобы не было раздора
Между вольными людьми,
Волга, Волга, мать родная,
Ты мне Родину верни!

Волга, Волга, до сих пор болит о тебе моё русско-немецкое сердце!

Лидия Ивановна (Попп) Данневольф

В дореволюционной России 100-рублёвая ассигнация была украшена портретом императрицы Екатерины II. В народе эту денежную купюру любовно называли «Катенька», «Катя», «Катеринка», «Радужная», «Государственная». Время её хождения 1898-1917гг.

В 1898 году на Волге мешок муки стоил 4 рубля.
Дом пятистенный – 100 рублей.
Корова – 8 рублей.
Шкалик водки – 7-10 копеек.
Заработная плата рабочего была 20 рублей.
Профессора – 300 рублей.

При Николае II в самом дешёвом кабаке в Москве тарелка щей с мясом стоила 3 копейки. Тарелка гречневой каши – 2 копейки.
Ложа «Райская» в Большом театре (самые дорогие места) стоила 4,50 рублей.
Жалованье приказчика магазина средней руки составляло 15-30 рублей в месяц. Жалованье рабочего – 7-14 рублей.

СЛЁЗЫ И ГРЁЗЫ

Нет на свете ничего интереснее,
чем судьба каждого из нас!

Бедных немцев на Волыни не было. Немецкие колонии были там самыми зажиточными в мире. Жизнь держалась на трёх китах: религия, образование, состояние, и всё это достигалось внутренней дисциплиной, упорным трудолюбием и образцовыми семейными отношениями.

Потом по Волыни прошлась первая мировая война. Наступила антинемецкая истерия. В Москве, в Петербурге, в городах и в селах прошли немецкие погромы. Всех волынских немцев-колонистов русский царь выселил из прифронтовой полосы в Оренбургские степи.

Затем грянула революция, власть переменилась, и немецкие колонисты вернулись назад в свои оставленные хозяйства.

Гражданская война и Советская власть уже навели там свой революционный, разрушительный порядок. Через три года после революции часть Волыни отошла к Польше.

Дедушкина семья состояла из семи человек. Дедушка Лау Адольф, бабушка Амалия и пятеро детей. Старшая была Лида Лау – моя мама, потом родились Лотя, сын Вилуж, Матильда и Густав. У дедушки на Волыни был свой сахарный завод, и они с бабушкой всё время находились там на производстве. Дома у них работала служанка, которая готовила еду, следила за детьми, чистотой и хозяйством. Питалась она вместе со всеми, за одним столом и жила служанка в их доме, как равноправный член одной большой семьи.

Новая власть отобрала у дедушки завод и изгнала всех вон из родного дома. Кто страдал, тот этого не забудет.

БАЛЬЦЕР

В 1921 году после долгой дороги семья Лау попала на Волгу в город Бальцер, ныне Красноармейск. В город они прибыли на закате солнца. Из открытых окон одноэтажных, в основном из глины и кирпича построенных домов, доносился характерный стук ткацких станков. Здесь каждый житель был или ткач, или красильщик, или кожевник.

Немцы на Волге жили хорошо! Они строили дома трёх типов: кирпичные, деревянные и глинобитные с диким камнем. Немецкие

дома колонистов не были похожи на русские избы. Высокие потолки, большие окна, широкие двухстворчатые двери, маленькие печки. Мощные фундаменты под домами, сухие погреба, участки мощеных улиц. Много зелени! Перед домами палисадники в цветах, ухоженные огороды, сады, засеянные поля. Кругом чувствовался умный хозяин.

В богатом немецком городке на Волге имелись фабрики: ткацкая, швейная, трикотажная; механический, маслобойный, кирпично–керамический завод со своей узкоколейной дорогой, по которой самодельный локомотив возил из карьера глину. Это был крупный центр обучения ткацкому делу. Занятия проводились в учебно–показательной ткацкой мастерской. По окончании учебного заведения выпускники распределялись в ткацкие артели, и у всех была работа. Немцы на Волге жили не плохо.

– Немцы на Волге? Как они туда попали? – Спросит молодёжь.

В результате многочисленных войн Россия отвоевала у турок выход к Черному морю. В то время в России уже было много немцев. В русской армии немцев, которые приехали при царе Иване Грозном и Петре I, было до 30 процентов офицерского состава, но в этот раз стоял вопрос о том, чтобы закрепить за Россией отвоёванные, новые, дикие, целинные земли. Их надо было массово заселить трудолюбивым народом. Русские помещики со своими крепостными не готовы были на трудовой подвиг во имя Родины.

4 декабря 1762, русская царица Екатерина II, немка по национальности, подписала „вызывной“ манифест, который и послужил началом исторического переселения немцев в Россию.

Этот манифест был написан на русском, французском, немецком и английском языках. Коллегия иностранных дел разослала его своим дипломатам за границей, но манифест ожидаемого успеха не имел. Чтобы заинтересовать людей необходимы были гарантии и льготы.

22 июля 1763 года был обнародован „Манифест о даруемых иностранным переселенцам авантажах и привилегиях“. В нём было 10 параграфов: первые параграфы, с 1-го по 5-й, устанавливали, кто может переезжать в Россию, последующие с 6-го по 10-й провозглашали привилегии и льготы для иностранных колонистов.

Государство обещало в манифесте личную свободу каждому, кто иммигрировал в Россию. Россия гарантировала:

Свободное поселение в любой местности Российской империи, где кто пожелает.

Гарантия иностранным поселенцам право на местное самоуправление.

Свободу вероисповедания и право на сооружение своих церквей.

Возмещение путевых и кормовых расходов на переезд в Россию.

Предоставление беспроцентных ссуд на десяти летний срок. (На

постройку дома, обстановку и хозяйственное обзаведение).

Освобождение от всяких налогов на 30 лет.

Освобождение от воинской повинности.

Право выезда из России в любое время со всем нажитым капиталом.

Для немецких иммигрантов особое значение имело то, что предоставляемые права и привилегии распространялись и на их потомков, включая тех, кто родились в России.

28 августа 1765 года 105 немецких семей из Германии, из земли Hessen, выходцы из Пфальца, Вимпфена и Изенбурга, что недалеко от Франкфурта на Майне, основали на Волге это Лютеранско-реформаторское поселение, куда в 1921 году переехала семья Лау из Волыни.

Заселение проходило в три этапа. Самый массовый и активный был в 1767 году, когда в землях Германии нарастало недовольство столь массовым отъездом немцев и готовились запретить это повсеместно. Эмиграция была формально запрещена в Пруссии, Саксонии, Баварии, Гессен-Касселе, Пфальце и некоторых других германских государствах.

В Европе была тяжёлая обстановка шла семилетняя война. Немцы воевали с немцами. Пруссия победила Австрию и осадила Дрезден. Русские войска взяли Берлин. На Корсике в это время родился Наполеон.

Народ устал от войны и разорения, поэтому, несмотря на запрет, всё время прибывали желающие переселится. Вербовщики-агитаторы срочно вывозили всех немцев в Россию. Они понимали: богатство страны – это её люди.

Саратовская контора опекунства за иностранцами не успевала строить обещанные переселенцам дома. То жилье, которое только подходило к завершению, тут же заселялось, и поселенец сам доводил до ума своё жилище. Прибывшие первыми переселенцы получали деньгами от 30 до 150 рублей на семью, по одной корове, по 1-2 лошади и сбрую к ним в счёт ссуды. Корова в то время стоила полтора рубля.

Первые колонисты успели распахать по 5-10 десятин целинной земли. Нераспаханные просторы использовались под пастбища. Излишки зерна, мяса, молока, творога, сметаны, масла, сыра продавали на рынке. Многие из хлебопашцев превращались в ремесленников, становились кузнецами, столярами, мельниками, ткачами, учителями, священниками. В каждой колонии были построены церкви, школы, кузницы, мельницы, разные мастерские.

С 1773 по 1775 годы по Волге прокатилось крестьянское восста-

ние под предводительством Емельяна Пугачёва, пришлось колонистам создавать отряды самообороны и с оружием в руках воевать со степняками, которые нагло грабили немецкие поселения. Но вскоре всё постепенно успокоилось.

Трудолюбие, старательность, участок земли, дом, подъемные деньги и льготы, все сделало своё дело. Переселенцы активно включились в работу. С немецким трудолюбием и русским капиталом голый край превращался в цветущий оазис. Колонисты быстро и уверенно обустраивались на новом месте. Кто быстро становился на ноги, мог прикупить ещё землю и русских крепостных для работы в хозяйстве.

Немецкие колонисты преобразили Российское государство под Петербургом, под Москвой, под Новгородом, на Волге, на Волыни, на Украине, в Молдавии, в Крыму, на Кавказе, на Алтае, в Сибири.

Немцы в России были более состоятельны и лучше образованы, чем окружающее их местное население. Их бережливость, религиозность, старательность вызывали всеобщее уважение. Они владели земельными угодьями в России большими, чем бывшая территория ГДР. Порты Одессы на Чёрном море и Бердянска на Азовском море торговали зерном, которое поставляли почти исключительно немецкие колонисты.

Российские немцы, как отдельная немецкая группа, сформировались именно в России – задолго до начала объединения отдельных немецких земель в единое государство – Германия. Ни один немец, находившийся в России на государственной и военной службе, никогда не обвинялся в отсутствии российского патриотизма.

Немцы оставили яркий золотой след в истории славы Государства Российского. Гордостью русского отечества стали немцы: писатель Денис Фонвизин, поэты Афанасий Фет и Александр Блок, живописец Карл Брюллов, мореплаватель Иван Крузенштерн, адмирал Фаддей Беллинсгаузен, главный лекарь Москвы доктор Гааз, физик Борис Якоби, руководитель восстания на крейсере «Очаков» лейтенант Шмидт, пионер космонавтики Владимир Цандер, ученый Отто Шмидт, академики Борис Раушенбах, пианист Святослав Рихтер, композитор Альфред Шнитке и многие другие.

Немецкая колония, в которую переехала семья Лау из Волыни, расположилась в 70 километрах от Саратова и в 20 километрах от берега Волги. Первоначальное название получила от реки, Голый Карамыш, что значит на местном, тюркском языке «мутный, илистый», а определение «голый» указывало на расположение в безлесной степной местности. Поселение это ещё называли в народе «Панцирь». В 1918 году немецкую колонию «Голый Карамыш» переименовали в город Бальцер, по имени крестьянина из земли Гессен – Бар-

тули Бальцера, избранного первым Шульцем (старостой) немецкой колонии, и сделали город административным центром Бальцерского кантона.

Русские из соседних селений быстро привыкли к этому и всегда с уважением говорили: «Поехали к Бальцеру за хлебом», «Надо бы у Бальцера сарпинки купить»

В 1923 году Трудовую коммуну немцев преобразовали в Автономную Советскую Социалистическую Республику немцев Поволжья со столицей в городе Покровск, переименованном в город Энгельс. По территории, республика была равна нынешней земле Бранденбург со столицей Германии городом Берлином.

Немецкая республика быстро превратилась в единственную образцовую Республику в СССР. Она собирала рекордные урожаи, первой в стране ликвидировала безграмотность. Там было 8 вузов, 20 домов культуры, 2 театра, 20 местных и 5 республиканских газет. Печаталось огромное количество книг на немецком языке. Республику назвали «сталинским цветущим садом на Волге»

НА НОВОМ МЕСТЕ

Поволжские немцы отнеслись к волынским с пониманием. Перебравшись из Волыни, их старший сын Вилуж сразу устроился работать на мануфактурную фабрику, где ткали всякие ткани – сатин, ситец, помасей, сарпинку.

Дочь Лида Лау устроилась в дом хозяина бальцеровского магазина, готовила еду, следила за детьми, за чистотой, за хозяйством. Из госпожи она превратилась в служанку.

От потрясающих исторических и жизненных перемен, переживаний, дальней дороги, утраты своего состояния и положения дедушка Адольф с бабушкой Амалией тяжело заболели на новом месте и через год умерли. Пятеро детей остались круглыми сиротами.

Однажды хозяин магазина, в котором работала Лида Лау, отмечал день рождения. Собрались гости, и среди них был молодой, красивый музыкант, поволжский немец. Он всем разбередил душу замечальной игрой на удивительной скрипке. Голос скрипки был похож на живой женский голос, нежный и звонкий. Она звучала необыкновенно чисто, выразительно и задушевно, так что трепетала душа слушателей.

Молодой музыкант влюбился с первого взгляда и не спускал глаз с красивой, стройной, голубоглазой девушки с длинной чёрной косой, новой работницы хозяина магазина. Лидино сердце тоже растаяло от замечательных мелодий и ласковых взглядов музыканта с голубыми, как у неё, глазами.

Вскоре в местной церкви Иоганнес Попп и Лидия Лау обвенча-

лись, а в ЗАГСе города Бальцера зарегистрировалась новая немецкая семья. Иоганнес привёл молодую жену в родительский дом, на улицу Шиллера, 33. После свадьбы они сразу взяли к себе маминого братика Густава, которому было уже лет десять.

У Иоганнеса Попп отца тоже звали Иоганнес, а маму Катерина. Детей своих бабушка назвала также, Иоганнес, Райнгольд и Катерина. Это была очень музыкальная семья, как и многие другие немецкие семьи в России. В Бальцере во многих домах по вечерам частенько устраивались домашние концерты.

Иоганнес Попп младший, мой отец, был столяром, но работал плотником, по вечерам дома увлечённо играл на скрипке, а на праздниках участвовал во всех торжествах. Он играл на трубе, флейте, кларнете, на гармошке, мандолине, балалайке, гитаре, но скрипку любил больше всех. А его брату Райнгольду всегда приходилось играть на «корове», так в шутку музыканты называли виолончель, хотя он, как и его старший брат, мог играть по нотам и на слух на всех струнных и духовых инструментах.

Иоганнес очень гордился своей необыкновенной скрипкой, которую подарил ему один очень богатый человек, за то, что он растревожил игрой на ней сердце старого человека.

– Посмотри вовнутрь инструмента, – говорил он жене,– скрипке больше двухсот лет. Это уникальный инструмент великого мастера. Это скрипка Страдивари. Ей цены нет! Видишь внутри надпись на латинском Antonius Stradivarius.

Лиде очень нравилась музыка, и она любила слушать, как играл муж.

– Лидушка! В этом мире ты всего лишь человек, но для меня ты – весь мир! – Часто говорил Иоганнес своей любимой, молодой жене. – А музыка, это разговор Бога с людьми!

ЛИДУШКА

Вскоре у них родилась я, и назвали меня в честь мамы – Лидушкой, следом родилась Нина. Нина была крупнее меня, и мы выглядели как двойняшки. Мы вместе играли и росли. Наша мама стала домохозяйкой. У нас была самодельная, тряпочная кукла, которую смастерила мама, а папа сделал для куклы настоящую кроватку. Родители нас очень любили, но отец всё время мечтал о сыне, а мама опять родила дочь и назвали её Олиндой.

Однажды в воскресенье папа сказал, что у него есть немного свободного времени, и он хочет пойти в магазин.

– Давай, Лидочка, одевайся, и мы пойдём вместе покупать подар-

ки, – сказал папа. Я очень обрадовалась, и мы пошли. Я была такая счастливая! Папа взял меня за руку, и я всю дорогу шла рядом вприпрыжку. Когда мы зашли в магазин, я там впервые увидела столько замечательных вещей, что стояла, открыв рот от удивления. А продавец спрашивает у папы:

– Где ты взял такую красивую девочку?

– У меня дома ещё две есть, такие же красотки, как их мама! – Весело ответил папа. Он очень гордился своими детьми и своей семьёй.

Продавец принёс папе показать детское платье и шляпку с бантиком. Платье было из красного сатина с большими белыми горошками и красивыми складочками внизу. Я его сразу полюбила на всю жизнь. Папа одел мне на голову шляпку и примерил платьишко. Я была на седьмом небе от счастья.

Потом он велел продавцу принести такие же платья для Нины и Олинды. Затем долго выбирал подарок маме, и продавец старался ему во всём угодить. Они о чём-то долго и увлечённо разговаривали, а когда мы уходили, продавец крикнул папе вслед

– Передай привет твоей жене Лидушке! Мы всегда ее с добром вспоминаем.

– Папа! А откуда он знает нашу маму? – Спросила я.

– Наша мама, когда то у них работала!– Ответил папа.

На обратной дороге я всё время задавала папе разные вопросы и когда уже заходили в дом, спросила, когда мы снова пойдём в этот замечательный магазин?

Я была очень рада новому платью, хотя у меня уже был хороший матросский костюмчик. Синяя кофточка с большим нарядным матросским воротничком и юбочка. Мама говорит:

– Тебе костюмчик уже мал, давай отдадим его твоей сестрёнке.

– Это мой костюм, я его буду носить всегда и никому не отдам! – Сказала я и расплакалась, потому что думала, если я вырасту, то мой костюмчик тоже будет расти вместе со мной. Мама долго объясняла, что костюмчики расти не могут, растут только дети. Но я всё равно, ни за что на свете не хотела отдавать свой костюмчик. Мы были глупыми, наивными и доверчивыми, такими, как все дети нашей огромной Страны Советов.

Как-то раз мама послала меня разменять деньги к соседям, которые жили через дорогу. Я сильно стеснялась и не хотела туда идти. Но маме было некогда, она варила во дворе обед на примусе. Папа должен был придти на обед с работы.

– Ты ведь у нас самая старшая, ты моя первая помощница, – уговаривала меня мама. И я согласилась.

– Соседи, наверное, тоже сейчас обедают на летней кухне, так что ты в дом не заходи, а иди сразу на кухню. Я пришла, потихоньку от-

крыла дверь и увидела, что все Бендеры сидели за столом и кушали. Увидев меня, дядя Вильгельм встал и говорит мне:

– Лидочка! Садись с нами обедать!

А я испугалась, головой мотаю.

– Нет! Нет! Меня мама послала к вам деньги разменять, и протянула ему денежку–бумажку. Дядя Вильгельм сказал:

– Хорошо! Сейчас посмотрим! Достал из пиджака свой бумажник, вытащил оттуда все деньги и стал считать. Потом он пожал плечами, все денежки положил обратно в кошелёк и спросил что-то у своей жены, она отрицательно затрясла головой.

– Лидочка! Скажи своей маме, что у нас нет таких денег, не можем поменять.

Я заплакала и побежала домой. Мама спрашивает:

– Что ты плачешь?

– От обиды. Дядя Вильгельм не хороший. У него много денег, а он менять не стал.

– Они хорошие, добрые люди, – защищала соседей мама. Они трудолюбивые. У них в саду столько цветов, и ещё у нас нет колодца, и мы всегда у них берём такую вкусную воду.

Тут пришёл дядя Вильгельм, и они с мамой почему-то вместе смеялись надо мной. Но потом успокоились и объяснили мне, в чём дело. А я-то думала, что я им дам нашу денежку, а они дадут свою, поменяемся как маленькие девочки, которые меняются на улице конфетными фантиками. Конфеток мы уже давно не видели, и с продуктами в доме стало не очень хорошо. Люди поговаривали о голодной зиме.

ВОЛКИ

В голодные годы волки на Волге так осмелели, что даже заходили в город Бальцер. Рассказывали, что однажды волк забрался в чей-то хлев через дырку в стене, через которую из сарая выбрасывают навоз. Её на ночь не закрыли, чтобы заходил свежий воздух, и животным было бы легче дышать, а может, забыли закрыть отверстие. Через эту дырку в хлев залез волк и задрал всех домашних животных; нажравшись мяса, он не мог вылезти назад через маленькую дырку. Утром хозяин почувствовал странную тишину в сарае, заглянул в окно и ахнул. Он собрал соседей, и мужики прикончили серого разбойника на месте преступления.

В другой раз прошёл слух, что один мальчик возвращался в свою деревню из школы, которая была в соседнем селе, но поднялся снежный буран, и он потерял дорогу. Дома подняли тревогу, что пропал мальчик, и все пошли его искать. На снегу нашли валенки с его нога-

ми, больше ничего волки не оставили.

Наш папа часто рассказывал, как он однажды шёл вечером с репетиции домой уже по нашей улице и увидел, что впереди дорогу ему перерезает волк. У папы с собой ничего кроме скрипки не было. Папа попытался открыть ближайшую калитку и войти во двор соседа, но она была закрыта. Делать было нечего, он взял скрипку и начал играть, да так, что волк от неожиданности и красоты звуков сел на задние лапы и стал слушать, как загипнотизированный, а сосед услышал на улице музыку вышел, открыл калитку и пустил папу в дом. Музыку услышали другие соседи, вышли с ружьями, стали стрелять и волк исчез. Так музыка спасла папе жизнь.

Люди говорили, что был случай, когда рано утром рабочие толпой в центре города шли на фабрику, вдруг на них напал бешеный волк. Мужики стали обороняться. Волк не рвал, а кусал людей. Это видели все. Кто-то принес ружьё и волка застрелили, но все укушенные позже тоже умерли от укусов.

Наслушавшись от взрослых таких страшных рассказов, я стала очень сильно бояться волков.

ГОЛОД

Овца и волк по-разному понимают слово «свобода», в этом суть всех человеческих отношений. Правительство живёт хорошо, а народ живет плохо, потому что народ не работает в правительстве.

В 1933 году в Поволжье наступил голод. Говорили, что была сильная засуха и неурожай. Про продразверстку не говорили нигде, хотя у людей забирали последние остатки зерна и объясняли, что хлеб пойдет рабочему классу и Красной Армии, но везде ходили упорные слухи, что на самом деле хлеб отбирают для того, чтобы продать его за границу. В деревне даже были невеселые частушки: «Рожь и пшеницу отправят за границу, а трава-лебеда для колхозников еда. Дранку, барду, кукурузу – Советскому Союзу, а рожь, да пшеницу продали за границу», «Наша страна хлебородная – хлеб буржуям продала, а сама голодная.

В частушках, за пение которых грозила тюрьма, были очень правдивые слова. Люди в Бальцере умирали от голода. Отец говорил нам, что надо найти выход, чтобы выжить. Дядя Райнгольд и папа поехали в колхоз, где выращивали свиней. Там требовались рабочие для строительства свиноферм. Братья, устроились там на работу, и забрали свои семьи к себе в деревню.

Папа на лошади приехал за нами ночью, потому что днём надо было работать. Мы не хотели ехать в село. Папа сказал, что как только голод пройдет, мы сразу вернёмся назад в город. Бабушка наша

сразу наотрез отказалась ехать.

–Я лучше здесь умру в своём доме, но никуда не поеду, да и добро охранять кому-то надо!

Папа уговаривал свою маму, нашу бабушку, как мог, но она отказалась. Тогда папа с мамой одели нас потеплей и посадили в телегу, на которой приехал папа. Туда же погрузили сундук с вещами. Была осень, ночь и очень холодно.

– Теперь все держитесь очень крепко, – сказал папа, – потому что ехать придётся очень быстро.

Мама с Олиндой села вперёд, рядом с папой, а мы с Ниной уселись за ними, перед нашим сундуком. Все с нами попрощались – и бабушка, и тётя Катя. Папа сказал:

– Если всё будет нормально, завтра ночью приедет дядя Райнгольд и заберёт вас тоже. Приготовьтесь, чтоб всё было готово, может и ома ещё одумается.

Все заплакали и мы поехали. Мне было лет семь, я так боялась ехать на лошади ночью. Всё прислушивалась, не воют ли поблизости волки.

Ехали долго, потом папа говорит маме:

– Я сейчас сверну с дороги и напрямик поеду через поля, тут должна быть уже наша деревня совсем близко.

Телегу сильно трясло. Сундук хоть и привязан был к телеге, стал подпрыгивать и громко стучать, «Ну, теперь нас волки обязательно услышат», подумала я и громко заплакала.

Папа оглянулся, и стал меня успокаивать:

– Вот уже деревню видать, держись крепче я ещё быстрее поеду.

И мы помчались по дороге. В избах уже горел свет, люди вставали рано и собирались на работу. Нас встретил дядя Райнгольд и спрашивает:

– Вы почему так долго?

Папа сказал, что хотел срезать дорогу, чтобы было побыстрее, и заблудился, получилось наоборот дольше.

– Потом тут у самой деревни за нами гнался волк. Хорошо, что Лида заплакала, я оглянулся и заметил вдалеке две светящиеся точки его глаз. Он увидел, что мы уже въехали в деревню и отстал. Когда ты поедешь ночью за своей семьей, то поезжай лучше по дороге.

На другую ночь дядя Райнгольд тоже привёз свою семью. Только бабушка не приехала, а мы её так любили, так ждали. Она всегда нам много рассказывала про жизнь и всякие сказки.

Когда мы немного обжились в деревне, мы наскребли всяких продуктов, хотя продуктами это нельзя было назвать – набрали муку, которую на ферме свиньям парили, немного хлеба, картошки и папа ночью опять поехал домой и отвёз бабушке еду, а к утру вернулся,

чтобы на работу не опоздать. В следующий раз поехал дядя Райнгольд отвезти продукты, но уже не застал бывшку живой. Она умерла в Бальцере от голода и расстройства в 1933 году.

Дедушка умер ещё раньше. Он был специалистом по торговой части и уехал на пароходе в Астрахань, там они грузили на баржу арбузы. Дедушка очень вспотел, напился холодной воды и сел на сквозняке остыть. Возвращаяь домой на барже с арбузами, он сильно заболел и умер.

Дядя Райнгольд похоронил нашу бабушку и вернулся в деревню. Мы долго горевали из-за бабушки, наши две семьи всегда держались вместе в горе, и в радости, это была настоящая братская дружба нашего отца и дяди Райнгольда.

Когда в городе голод закончился и снова появились продукты питания, наша семья вернулась в Бальцер. Мы прыгали от счастья, что мы дома и с нами наши дорогие папа и мама – самые лучшие на свете.

Мы часто вспоминали нашу бабушку, её нам очень не хватало. Она всегда рассказывала очень интересные вещи. Бабушка грезила Германией и часто говорила, что там везде порядок: на улице, в доме, в душе! Там молодые почитают взрослых и всегда уступают им место. Немцы всегда гордились, что они немцы, как бы их ни долбили, как бы ни унижали.

– Мы же немцы, – говорили старые молодым или, – как тебе не стыдно, ты же немец!

Бабушка и мама учили детей молитвам, всегда просили нас молиться перед едой. Покушав, мы детки, некоторый раз выскакивали из-за стола и убегали. Бабушка возвращала нас к столу и просила, чтоб мы после еды благодарили Бога за хлеб, соль и остальную пищу.

Бабушка хорошо разбиралась в библии, и она говорила, что наступят времена, когда из одного котла будут кушать 1000 человек и больше. Что настанет время, весь белый свет будет обмотан проводами. И мы видели, как на улицах ставили столбы, и на них вешали провода, чтобы по ночам горели лампочки и не страшно было бы ходить по улице. Сбывались слова нашей мудрой бабушки.

ШКОЛА

Настало время идти и мне в первый класс. Наша учительница Эмма Эдуардовна Вигант была очень молодая и очень красивая. Она была такая умная, знала всё на свете и была для детей как Бог! Когда она заходила в класс, все вставали и поздравляли её с добрым утром. Дети на уроке сидели тихо, боялись даже дышать. Если у кого–то были вопросы, надо было поднимать руку и ждать, когда тебя спросят. Была строгая школьная дисциплина, и все уроки шли на немец-

ком языке. Во втором классе мы начали изучать русский язык, а с пятого класса каждый урок вёл другой учитель. В шестом классе стали учить французский язык у настоящей француженки, но вскоре она заболела, и иностранного языка у нас больше не было. Директором школы у нас был товарищ Helwich, он лично преподавал всем уроки истории.

Ученицей я была старательная, но училась тяжело и трудно. У нас в классе была девочка-отличница, она училась легко и просто, и я с ней тайно соревновалась. Когда нам задавали выучить наизусть стихотворение, она несколько раз его прочитает и уже запомнила, а мне приходилось зубрить его весь вечер. На уроке она красиво и с выражением рассказывала стихотворение и получала исключительно пятёрочки, а я волновалась, сбивалась и получала только четвёрку.

ПРАЗДНИКИ

Все дети очень любили праздники. На первое мая мы всей школой ходили на демонстрацию трудящихся и всей колонной громко пели немецкие песни. Нам с трибуны кричали

– Es lebe Genosse STALIN!

– Hura! Hura!!! – отвечал в колонах народ.

Вся улица была заполнена нарядными людьми с яркими цветами, с красными бантами, с алыми знамёнами, с плакатами, с лозунгами, с портретами Сталина, Ленина, Молотова и других членов правительства. Играли духовые оркестры. Всюду была музыка! Все радовались! Всё цвело красным цветом.

– Впереди коммунизм! Светлое будущее всего человечества! Советский народ первый познает вкус абсолютного человеческого счастья. Будьте счастливы! Пусть у вас слёзы будут только от лука. – Убеждённо говорила на уроках наша молодая учительница. И читала нам красивые стихи о счастье.

Счастье – это радость, смех и слёзы,
И любви большой водоворот.
Счастье – это сон, мечты и грёзы,
Взрыв желаний и души полёт.

Счастье, если в вашем доме дети,
Звонкий смех и щебет по утрам.
Счастье – жизнь, где вы за всё в ответе,
Счастье – мир, открытый щедро вам!

Мы, девочки, были занудами и хотели знать всё! Нам интересны

были незнакомые слова. Ну, про слёзы знают все девочки,.

– А грёзы – это что такое? Мечты? – Спрашивали мы учительницу.

– А чем отличается фантастика от мечты? Мечта от грёз? – Спрашивала она и сама же отвечала:

– Мечта есть у любого человека, она бывает и у целых народов. До сих пор вся судьба у немцев в царской России была – это слёзы и грёзы. Теперь у нас есть своя республика, свобода и цель – светлое будущее. Цель – это мечта с датой! Мечта – есть заветное желание, сулящее счастье. Это то, чем человек живёт, то, что даёт ему полноценную жизнь, это то, что заставляет его идти вперёд к намеченной цели. А грёзы – это ещё выше, ещё возвышенней! Это единая мечта народа, замешанная на большой любви каждого отдельного человечка. В мире грёз живёт мечта, желание и любовь. Мечта по характеру тихая, спокойная, а грёзы – ими человек бредит каждое мгновение. Это игра воображения, видение, мираж, речи во сне и наяву, в горячке, днём и ночью. Всё существо пронизано этим желанием, без осуществления которого теряется смысл жизни. Только любовь уносит человека в мир грёз и счастья. Нет ничего прекрасней слов, дающих для ушей блаженство!

– А что такое любовь? – Опять спрашивали мы.

– Любовь – это грёзы! Сладкие грёзы, солёные слёзы! – Почему-то сказала она, в задумчивости глядя на свой уже заметный животик.

– А сладкие слёзы бывают? – Не отставали мы.

– Бывают! Бывают! – Отвечала учительница и продолжала урок, вернувшись к теме.

Наша школа носила имя Владимира Маяковского. Все стены в ней были заполнены стихами, стендами о его творчестве и жизни. Мы знали о нём всё: где родился, когда застрелился, что сказал, что написал. Школьные годы были самой счастливой порой в нашей довоенной жизни.

Мы были оптимистами! Мы долго готовились к торжеству. В школе на перерывах учили разные песни. У нас был длинный широкий коридор, и мы с песней классами ходили по нему туда-сюда и репетировали. Особенно часто мы пели песню Эрнеста Тельмана «Hoch die Faust», но потом к нам подошла старая учительница и сказала, что эту песню больше петь нельзя! Ещё нельзя петь песню «Die Moor Soldaten». Мы долго не знали, почему нельзя, но спросить не смели.

РАДОСТЬ

В нашей семье опять произошло радостное событие. Родилась ещё одна девочка, и назвали её Эрна. Я как старшая, стала настоящей маминой помощницей и смотрела за детьми. Папа сделал маленькую деревянную кроватку, которую можно было качать, и мы с Ниной по очереди баюкали сестрёнку. Папа своими руками сделал всю мебель, которая была в нашем доме. На стенах висели фотографии в красивых рамках, которые он сделал сам.

В сарае у него стоял столярный верстак, там всегда вкусно пахло клеем и свежими стружками. У него было много всяких инструментов, которые он делал сам. Вся стена перед верстаком была увешена рубанками, стамесками, пилами, свёрлами, а ещё у него был таинственный железный ящик. В нём лежали всякие разборные фигурки: маленькие зайчики, петушки, баранчики, пастушок, собачка, голова оленя, снеговичок и ещё много интересного. Этот ящик всегда был закрыт на замок, чтобы никто не поломал формочки для новогодних игрушек.

Перед Рождеством папа заносил этот ящик в дом, открывал его и делал настоящие чудеса. Он разбирал эти формочки на две части, смазывал их внутри каким–то маслом, опять собирал, крепко скреплял обе половинки, обматывая их верёвочкой и устанавливал на столе вверх ногами. Затем разводил на воде алебастр, пожиже, и заливал его через дырочки в формы. Через сутки, когда алебастр застывал, папа опять разбирал формочки и на столе расставлялись красивые белые, как снег, игрушки. Все детки с любопытством окружали папу, любуясь диковинными фигурками. А папа их раскладывал и объяснял, как они делаются, потом он говорил, что их надо ещё раскрашивать, а детям уже пора спать! Нам не охота было уходить, а надо, ведь это не кто-нибудь, а папа велел!

Папа сидел за работой долго, до поздней ночи, а утром проснувшись, мы сразу бежали к столу, стояли как заворожённые, любовались большими и красивыми глазами у зайчика, а ротик как живой и, казалось, шевелится, а широкой красный бант на шее, как настоящий. А у петушка носик красный и блестит, а расписной, резной хвост такой яркий и разноцветный, как радуга. У оленя рога были чёрные, и весь он такой красивый и гордый. Все игрушки были как живые, ну просто замечательными, такими чудесными, что описать невозможно и забыть нельзя. Мы дети радовались от всей души!

Потом мама аккуратно заворачивала игрушки в бумагу, и писала к ним поздравительные открытки, а на рождество мы разносили их всем родным и знакомым. Это для нас было огромной радостью, потому

что приятно было дарить подарки и делать добро, а к тому же нам тоже все дарили подарки и везде нас хвалили, благодарили. А мы благодарили Бога, и мама говорила о подарке, который сделал всем Иисус Христос. Рождество было нашим любимым праздником.

Мы с Ниной ходили в школу, а дома всё ещё любили играть в куклы, которые нам шила мама. Потом из армии вернулся мамин младший брат, дядя Густав и привёз мне настоящую куклу. Когда её укладывали спать, она закрывала глаза, а когда её поднимали, просыпалась и глаза открывались. У неё было красивое шёлковое платье, беленькие штанишки и туфельки, которые снимались. Такую красоту я ещё никогда не видела. Я почти не расставалась с куклой, целый день носила на руках, а вечером брала к себе в постель, перед сном долго с ней разговаривала, любовалась и очень, очень берегла.

ПАРК

В нашем городе действовал настоящий немецкий театр, один из двух в Республике немцев Поволжья. Размещался он в двухэтажном кирпичном здании, отобранном советской властью у лютеранской церкви и превращённом в дом культуры. После концертов артистам и музыкантам устраивали хороший ужин. Наш папа со своей знаменитой скрипкой был всеобщим любимчиком и знаком всему городу. Он был среднего роста, с небольшими залысинами, вообще не пил ничего спиртного. За это ему разрешали забирать домой оставшуюся от застолья выпечку, конфеты, всякие торты и пирожные. В такие дни мы, дети, дома спать не ложились, а допоздна ждали папу с вкусными гостинцами, но мама велела спать. Зато утром мы шумно радовались вкусным папиным гостинцам.

За хорошую игру на скрипке нашего папу два раза приглашали на концерты в Москву. Он рассказывал, что в Москве есть огромный пятиэтажный магазин, который называется «Детский мир». В нём столько игрушек, что просто невозможно рассказать. Он привёз нам оттуда настоящий детский самовар и ещё всем дочкам и маме хорошие подарки.

Однажды было очень жарко, у нас начались летние каникулы. Мы играли в сарае, где было прохладнее. Девочки ставили самовар, лепили из глины блинчики, пекли всякие пироги и понарошку угощали друг друга всякими вкуснятинами.

К нам туда пришёл папа и сказал, что в воскресенье он поедет на озеро купаться и возьмёт с собой меня и Нину, пора мол, девочек учить плавать. На озере папа в воде лёг на спину, посадил меня на живот и поплыл далеко от берега, а я радовалась и смеялась от удовольствия. Потом он приплыл к берегу, высадил меня, посадил на

живот Нину и опять поплыл далеко. Я всё время смотрела, как папа дрыгает ногами и машет руками и решила, что я так тоже смогу. Я легла на спину, на воду и начала дрыгать ногами и руками и стала тонуть. Нина увидела, что меня нигде нету и закричала.

– Папа! Папа! Лиды нету!

Папа быстро приплыл к берегу, высадил Нину, нырнул и вытащил меня из воды, потом тряс на берегу, держа за ноги, пока я не пришла в себя. Он сильно испугался, долго меня ругал, мы собрались и поехали домой, так и не научившись плавать. С тех пор я стала бояться воды и плавать так и не научилась!

БЕЗБОЖИЕ

Как-то папа пришёл с работы домой сильно расстроенный и сказал, что завтра с нашей церкви будут снимать крест. Всем велено идти и смотреть на это. Он решил взять нас с собой, чтобы мы запомнили этот чёрный для людей день.

– Это большой грех! Кто это сделает, погубит свою душу, – сказала мама плача. Она была лютеранка и очень верующая.

– Это делают люди за очень большие деньги, – ответил папа. – За это взялся старый Гебель со своим сыном.

Столько людей вместе я ещё не видела. Милиция верхом на лошадях отгоняла людей от церкви, чтобы никого не убило падающим крестом. Люди вздыхали, охали и крестились, а когда крест упал и воткнулся в землю, многие громко плакали. Это было очень страшно.

Дома мы всё рассказали маме, и она сказала, что теперь всем будет плохо. Бог людей обязательно накажет. Мама плакала потому, что больше не могла ходить в церковь. Церковь закрыли, но люди стали собираться дома у пастора. Мама со своей сестрой Матильдой часто брала меня с собой на молитвенные собрания. Матильда так крепка была в вере к Богу, что осталась жить в доме пастора и мечтала стать монахиней.

Папа весь день работал на стройке, а вечером ещё занимался музыкой. Дети подросли, расходы увеличились, и папа устроился ещё на одну работу. На трикотажной фабрике имени Розы Люксембург по вечерам он учил детей рабочих музыкальной грамоте. Он создал там струнный оркестр, и два раза в неделю они репетировали. Потом он так же устроился на мануфактурную фабрику имени Клары Цеткин, где тоже два раза в неделю учил детей музыке. Дома он меня тоже учил играть на скрипке, но у меня плохо получалось, и я увиливала. Зато на цитре, на которой было 100 струн и десять клапанов, я научилась играть хорошо, и у меня развился тонкий музыкальный слух. Я даже мечтала научиться играть на рояле или на пианино. Тогда папа

купил у кого-то старенькое пианино, но оно было неисправное, а у папы было совсем мало времени, чтобы заняться ремонтом. Он говорил, что сначала надо подремонтировать дом, а потом возьмётся и за пианино. У нас в школьном коридоре стояло большое пианино, на уроках физкультуры на нём очень красиво играл старый, седой учитель, а на переменках иногда играла какая-то школьница, которой я очень завидовала.

ГОРЕ

Летом у нас случилось большое горе. За одну неделю умерли сразу две мои маленькие сестрёнки Эрна и Олинда. Дети тогда умирали как мухи, потому что ходила страшная болезнь, которую в народе называли «жалах». Сначала заболела и умерла четырёхлетняя Эрна. У всех у нас был шок!

Папа молча сделал гробик, и мы, плача, её похоронили. Наша спокойная жизнь превратилась в рёв с горькими слезами. Не успели похоронить маленькую сестрёнку, умерла 6-летняя Олинда. Мама совсем сникла от горя. Папа опять сделал гробик и все, рыдая от горя, закопали её на нашем кладбище рядом с дедушкой, бабушкой и Эрной. Улыбки исчезли с лиц наших родителей, траур поселился в сердце и в нашем доме. Мы часто видели слёзы на глазах у мамы, а папа молчал и делил своё горе с работой. Всё получилось так, как говорила мама, когда люди ломали церковь и сбрасывали Божий крест на землю.

ДЕСПОТИЗМ

В 1937 в Автономной Советской Социалистической Республике немцев Поволжья был собран рекордный урожай зерновых – один миллион сто семьдесят тысяч семьсот тонн. В этом же году наступило очень тяжёлое время. Утром, когда люди просыпались, они слышали плач, то в одном доме, то в другом. У нашей соседки ночью увезли мужа, у другой соседки – сына. К нам пришла какая-то тётя и сказала маме, что ночью увезли маминого брата, моего любимого дядю Вилужа. Его жена не смогла прийти к нам потому, что была беременна, и у неё от горя до срока родился ребёнок. Она еле живая лежала в постели, а дома ещё был двухлетний ребёнок, поэтому соседка прибежала сообщить родственникам неприятную новость.

Папа с мамой тут же собрались и пошли успокаивать тётю и поддержать её в горе. Взрослые тихо с оглядкой возмущались, за что забрали невинного человека, хорошего отца и любимого мужа, трудо-

любивого человека, передового рабочего. После этого ареста о нём ничего не известно до сих пор. Через два дня ночью, постучались к нам.

Папа открыл дверь, зашли двое с наганами и спрашивают:

– Ты Попп Иван Иванович?

– Я! – Испуганно ответил отец.

– Собирайся побыстрее!

– Зачем? Я не сделал ничего плохого! Я ничего не натворил. Я честно работаю день и ночь.

– Не разговаривать! – Сказали они и увели папу. Мы громко плакали, все звали отца, мама открыла окно, и мы с рёвом кричали ему что-то вслед. Это горе описать невозможно. Наревевшись, мы, обессиленные, валялись по дому и боялись смотреть друг на друга. Мама стояла в углу на коленях и, плача, молилась Богу.

Бог услышал молитву, и нам повезло, на следующую ночь папа вернулся домой. Его отпустил знакомый милиционер. Папа когда–то играл у него на свадьбе. Когда этот милиционер заступил на дежурство, он вызвал папу к себе и говорит:

– Иван Иванович! Иди домой пока ночь. Если схватятся, что тебя нету, то за тобой придут опять, а не схватятся, считай, повезло. Будешь жить и останешься со своей семьёй.

В нашей семье опять стало всё хорошо, мы опять были вместе, хотя всего боялись и вздрагивали при каждом подозрительном шорохе. В те времена страх жил в каждом человеке.

Люди рассказывали, что в одной семье хотели посадить отца семейства, но потом договорились с органами, чтобы отсидел младший сын, которого звали так же. Видимо, у советской власти был план по арестам и заключенным.

НОВАЯ ЭРА

Еще Екатерина Великая говорила: «Народ – ребенок! Его чем кормят, он то и ест!» Для строительства нового общества, новая власть хотела ввести новое время, новый календарь и новые имена: Тракторина, Авиабомба, Революция.

Новая эра должна был начинаться 7 ноября 1917 года. Власти хотели переименовать месяцы и дни недели. Вместо января месяц должен был называться теперь месяц Ленина, далее месяцы Маркса, Революции, Свердлова, Май, Советской конституции, Жатвы, Мира, Коминтерна, Энгельса, Великой революции и товарища Сталина. Дни недели по-новому звучали так: День Коммуны, Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Суббота и Воскресение убирались как ненужные.

Чтобы догнать и перегнать Америку, была придумана непрерыв-

ка, система пятидневной недели, в которой пятый день считался выходным, причём для каждого работающего он определялся индивидуально по скользящему графику. На практике выходные дни у членов одной семьи часто не совпадали, что являлось причиной частых прогулов. Не помогали ни выговоры, ни стихи В. Маяковского: «Пусть гибнущий быт обывателю бедствие! Всем пафосом стихотворного рыка я славлю вовсю, трублю и приветствую тебя – производственная непрерывка!»

Не оправдавшей себя пятидневке на смену пришла шестидневка с общими выходными 6, 12, 14 и 30 числа каждого месяца и семичасовая пятидневная рабочая неделя. Лишь в 1940 году народу вернули воскресенье и восьмичасовую шестидневную рабочую неделю.

СЫН

Через год в нашей семье поселилась радость. Мама родила сына. Как долго папа ждал этого. Папа назвал сына Виктором и летал на седьмом небе.

– Наследник мой! – Радовался папа. – Я научу его всему тому, что умею сам, научу его музыке и всему своему мастерству.

Отец опять стал радостным человеком, днём работал, вечером учил детей музыке, старался изо всех сил и очень, очень уставал.

От работы и перенапряжения у папы начала сильно болеть голова и его положили в больницу. Врачи признали у него страшную болезнь «рожу» и мазали голову чёрной, вонючей мазью. На него было страшно смотреть, лицо сильно опухло и изменилось до неузнаваемости. Вернувшись из больницы, мы с Ниной испуганно запирались в своей комнате и плакали навзрыд. Мы переживали, сострадали, молились, рассуждали, а что мы будем делать, если наш папочка умрёт. Как мы без него будем жить? Нам было очень страшно. Врачи будто слышали наш плачь, и отпустили папу домой. Умирать?!

Люди подсказали маме, что надо искать бабушку, которая лечит эту «рожу». Мама нашла такую бабушку, и старушка приходила к нам пару раз домой. Папа поднялся на ноги, окреп и стал ходить.

Маленький Виктор тоже начал ходить, и мы с Ниной любили обоих наших мужчин, а с малышом нянчились без устали. Папа выздоровел и вышел на работу.

По вечерам мы с Ниной брали братика на руки, садились на скамеечку возле палисадника перед самой калиткой и ждали, когда из-за угла на нашу улицу выйдет усталый папочка. Когда он появлялся, мы отпускали Витю на землю и он, увидев папу, топал ножками к нему навстречу. Папа хватал его на руки, целовал, поднимал высоко-высоко над головой, и оба счастливо заливались громким смехом.

Счастье опять поселилось в нашем уютном доме.

РАДИО

Однажды папа пришёл с репетиции и говорит:

– Лида! Тебе надо хорошо подготовиться. Мы с нашим детским оркестром будем выступать на радио, и ты будешь выступать с нами.

Я подготовилась старательно. На радио я рассказала новое стихотворение, а потом оркестр играл красивые мелодии, и я с ним тоже играла на своей цитре. После передачи нас похвалили, и мы все пошли домой. Как только мы вышли на нашу улицу, нас встретила довольная тётя Катя, жена дяди Райнгольда и радостно сообщила:

– Ой! Как вы хорошо играли! И стихотворение ты, Лидочка, хорошо рассказала! Молодец! Я вами так гордилась! Я всё слышала по радио.

Дома у многих была большая тарелка, сделанная из чёрной бумаги, которая называлась радио.

– Она у нас будет артисткой, – сказал папа и довольный похлопал меня по плечу.

– Нет! Нет! Я хочу стать лётчицей! – выскочила из меня моя тайна.

Тут из калитки вышла наша мамочка с Ниной и маленьким Витенькой, и все мы были счастливые и довольные жизнью, так довольны, что летать хотелось. Что может быть лучше у ребёнка, когда есть мама, папа, сестра, брат, свой дом, а в нём достаток, любовь и покой. Витя уже начал разговаривать и всё время лепетал что-то на своём детском языке.

РЕМОНТ

Весной 1941 года наш папа взялся за ремонт дома. Многие люди этим летом занялись ремонтом. Первым делом папа решил разобрать и выбросить старую печку, которая занимала много места. Он нанял настоящего печника, а сам со своим братом помогал ему. Выносил кирпичи, подавал инструменты, делал раствор. По вечерам, после работы, приходили папины друзья и все помогали ему в работе.

Мы выехали из дома и переселились на летнюю кухню. В хорошую погоду спали во дворе под открытым небом. Вечером воздух был прохладный и такой чистый-чистый, а над головой светились большие, яркие звёзды и слышно было, как в парке «Lustgarten» духовой оркестр играл танцевальные мелодии. Папа рассказывал, что все влюблённые вечером собираются там на танцы и потом гуляют по парку до глубокой ночи.

Я уже окончила 6 класс, перешла в 7 и у нас были каникулы. Ко

мне домой приходила моя школьная подруга Эмма, и мы часто играли вместе. Слушая доносившуюся из парка музыку, мы с подружкой решили посмотреть, как выглядят влюблённые, для кого так красиво играет духовой оркестр. Танцплощадка в парке днём всегда была закрыта, а вечером детей в парк не пускали. В один вечер я всё–таки решила обманным путём отпроситься у мамы в парк.

– Мамочка! Подружка всегда только у нас играет, можно один вечер я поиграю у неё? – спросила я разрешения и сконфузилась. Мама всегда говорила, что обманывать нельзя, это страшный грех. Мне стало так стыдно, что я маму обманываю, но мама ничего не заметила и отпустила меня ненадолго. От радости мы с подругой вихрем полетели в парк.

Смотрим, там всё открыто, киоск стоит, люди покупают какие-то билетики и дают их большому дядьке, который стоит на воротах. Он рвёт новенькие билетики и пропускает людей в парк.

Мы с подружкой спрятались в кустах и не знали, что нам делать, как попасть в парк и посмотреть на танцы. Денег-то у нас не было! Парк был окружён высоким деревянным забором. Дядька, который стоял на воротах, куда-то на минутку отошел, и мы с подружкой прошмыгнули в парк.

Там было очень красиво, везде асфальтированные дорожки, горели лампочки на столбах, было много скамеек. На них в обнимку сидели парочки. Посреди парка стояло большое помещение, там сидели люди, которые покупали билетики и смотрели кино. Кино уже началось, двери были закрыты, и на улице было громко слышно какое это интересное кино. Постояв немного, мы побежали туда, где играла музыка. Насмотревшись досыта как на танцплощадке под духовой оркестр танцевали парочки, мы с подружкой решили вернуться домой. Мы обегали весь парк, хотели найти дырку в заборе, чтобы убежать домой, но дырки нигде не было. Мы устали и сели на скамейку, а потом опять спрятались в кустах недалеко от ворот и ждали момента, когда можно будет проскочить обратно в город. Потом мы бежали по улице, как бешеные, а домой неслышно пробрались, как мышки. Я тихо открыла калитку, на цыпочках прошла на своё место и легла рядом с Ниной. Но мама не спала и всё видела, а утром она меня спросила, где я была? Мне стало стыдно, я всё рассказала, потом расплакалась и обещала, что такое больше не повторится. На этот раз всё обошлось, и мама простила мне мой грех.

Ремонт уже заканчивался, в доме получилось теперь четыре комнаты. Всё было красиво сделано, всё свежо побелено, покрашено и блестело от чистоты и новизны. Мама чего-то красивое связала для нас, девочек. Все радовались и готовились к заселению. Я спросила папу.

– Папа, ты ведь хотел в школьные каникулы нас с Ниной отправить в русскую деревню, чтоб мы учились разговаривать по-русски.

Отец говорит:

– Подождите! Сначала переедем в дом, а на следующее лето я отвезу вас к своему другу в деревню Ваулино, и к осени вы в школе будете отличниками по русскому языку.

Но этому радостному дню не довелось наступить.

ВОЙНА

В воскресенье наш папа пришёл домой какой-то совсем расстроенный, сел в палисаднике на скамейку, позвал всех нас к себе, обнял и говорит:

– Война! Гитлер напал на нашу родину! Теперь нам всем, советским немцам, будет очень и очень плохо! Слово «война» и слово «смерть» – это одно и тоже.

Его голос задрожал и он, что-то предчувствуя, громко заплакал. Мама тоже заплакала и прижалась к папе. Мы ничего не понимая, сильно перепугались, облепили родителей, такого папу мы ещё не видели. С тех пор жизнь наша превратилась в каторгу.

На другой день вечером пришёл папа с работы и сказал, что в школу, наверное, ходить мне больше не придётся. В город пригнали много солдат и поселили их в нашей школе. На следующее утро по нашей улице шёл военный отряд. Солдаты в строю пели песню, а сбоку шёл командир, громко командовал и всё чего-то считал: «Раз! Раз! Раз! Два! Три!»

Возле нашего дома солдаты остановились. Увидев наш чистенький, отремонтированный дом, командир подошёл к нему и заглянул в окна. Окна в доме были открытыми, чтобы всё проветривалось, и краска на полу хорошо просохла. Хорошенько все рассмотрев, он вернулся к солдатам, что-то скомандовал и строй пошёл дальше, а вечером этот офицер пришёл к нам с двумя солдатами и спросил:

– Где хозяин?

Папа как раз был в мастерской, за ним послали солдата и он привёл папу. Командир сказал, что хочет снять в этом доме комнату для своей жены, которая находится в положении и скоро должна родить.

Пришлось отцу показать комнату, и папа попросил чуть подождать с заселением, подождать пока высохнет краска, но солдаты сразу занесли вещи и принесли кровать. Отец очень расстроился, потому что краска ещё не совсем высохла, и солдаты своими сапогами оставили на полу грязные следы. Чтобы военные не забрали другие комнаты, мы тоже стали аккуратно заносить свои вещи и расставлять всё по местам. В доме всё выглядело свежо, чисто, красиво, хотя пока

было тепло, мы продолжали жить в летней кухне.

Командир жил в казарме со своими солдатами, а по вечерам приходил в наш дом к своей жене и привозил ей продукты. Нас, ребятишек, он тоже угощал пряниками и конфетками. Мы его благодарили по-русски, говоря «Спасибо!» Так нас научила мама. А он отвечал:

– Пожалуйста!

Так он приходил по вечерам к своей жене и потом о чём–то разговаривал с нашим папой. Папа неважно говорил по-русски, у него был сильный немецкий акцент и он всегда помогал себе руками, чтобы объясниться, но они понимали друг друга.

Командир рассказывал, что получает продукты для жены сухим пайком: крупу, пряники, конфеты. Хлеб получает в пекарне, а пряники и конфеты в кондитерский. Папа сказал, что в этой кондитерский работает его младшая сестра Катя. Наша мама тоже была в положении, но вела всё домашнее хозяйство, а когда варила обед, всегда первую тарелку относила беременной жене командира красной армии и мы жили с ней очень дружно. Но солдат перевели на другой конец города и командир забрал от нас свою жену к себе поближе.

На прощанье он отозвал папу в сторону вытащил республиканскую газету «Большевик» и стал читать вслух.

УКАЗ

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» за подписью председателя президиума ВС СССР Михаила Калинина от 28 августа 1941 года круто развернул судьбу советских немцев

«По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям никто не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья или в прилегающих районах, случится кровопролитие, и Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей и Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселенцев-немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР подпись М.Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР подпись А.Горкин

№ 21—160

28 августа 1941 г.»

РАЗМЫШЛЕНИЕ

– Что же они там понаписали? – Возмущался папа, когда командир ушёл, – получается, что по сигналу из Германии мы сами себя взорвать должны?

Написано: «Немцы, проживающие в Поволжье, по сигналу, из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья».

Мы что, дураки или самоубийцы? Что они там нам всё белыми нитками пришили?

Дальше они пишут, что о наличие шпионов властям никто не сообщал, следовательно, их там нет! Но «во избежание таких нежелательных явлений Верховный Совет решил переселить всё немецкое население в другие районы».

Вот тебе на! За то, чего нет, но могло бы быть, всем нам подлежит наказание: разорение, выселение, презрение, мучение, разлука, смерть, безымянство, позор, ненависть окружающих! Мы стали чужие среди своих! Посмотришь! Высылать будут не только с Волги, со всех мест подчистую! Но это ещё не всё! Они обязательно придумают еще, какую-нибудь страшную кару. Теперь мы все, советские немцы, обречены.

«На новом месте наделить всех землёй, сельхозугодиями и даже оказать государственную помощь по обустройству.».

Вот такая забота волка о своих овцах. Сами признают, что мы не

виноваты, но заботятся, заранее наказывают и без вины виноватых обрекают на Голгофу. Указ звучит бестолково, но очень страшно.

ДЕПОРТАЦИЯ

Собаки по всей Волге принялись выть ещё за неделю до выселения.

А тут среди людей стали ходить страшные вести, говорили, что солдаты с винтовками ходят по домам, записывают всё, что есть в доме и оценивают, сколько это стоит. Вечером папа пришёл с работы и принёс плохие новости. На работу больше ходить не надо, есть приказ всех немцев выслать в Сибирь. Мама так и села. Слёзы брызнули у неё из глаз, а мы дети опять сильно перепугались.

На другой день к нам пришли военные, всё переписали, оценили дом, хозяйство и выдали квитанцию. Потом велели корову отвести в какой-то двор на окраине и предупредили, чтобы мы ничего не закалывали, ни свиней, ни кур. Кто ослушается, того поймают солдаты и расстреляют. Папа сразу послушно отвёл нашу корову Машеньку на этот двор.

Коз и коров в городе держать было нелегко, но многие люди все же держали. Рано утром женщины выгоняли на улицу скот и гнали его по улице за город, на место сбора. Коровы паслись на лугах, а когда становилось совсем жарко, пастух гнал их к реке на водопой. Коровы стояли по колено в воде и жадно пили. Вечером стадо возвращалось к городу и все шли встречать свою кормилицу, чтобы забрать домой.

У меня с Ниной была обязанность идти за город, встретить нашу Машеньку и пригнать её домой. Потом мама поила нас тёплым парным молоком.

Зимой корову надо было кормить сеном, и каждую осень папа ездил в деревню искать сено. Потом сельчане привозили нам душистое сено и солому. В обмен на сено папа доставал в городе для деревенских хорошие вещи, которые они у себя в деревне и не видели, да и денег на селе народ не имел. Так люди выручали друг друга, меняли вещи на сено, сено на вещи.

Когда нашу корову Машеньку папа загнал в указанный двор, там уже было много коров. Они стояли недоенные, вымя у них разбухло, болело, и коровы страшно мычали, это было слышно в городе далеко-далеко. Папа, чуть не плача, оставил там нашу Машеньку, печальный и расстроенный вернулся домой.

Мы начали собираться в дорогу. У папы было много всякого инструмента, который невозможно было взять с собой, чтобы люди ничего не растащили, он всё необходимое сложил в ящик и закопал его в землю возле уборной.

– Война кончится, мы вернёмся, всё очень пригодится, – сказал он.

Папа серьёзно готовился к отъезду, он вытащил из всех рамочек семейные фотографии и как самое дорогое сложил на дне сундучка. Папа говорил, ято, когда война кончится, мы вернёмся в свой дом и все фотографии опять вставим в эти рамочки, и всё будет опять на своих местах, как прежде. Фотографий будет даже больше, их будет много и мы заведём фотоальбом. Потом положил в сундучок все документы, расписки, квитанции, закрыл сундучок на замок и положил на дно большого сундука. Затем он положил туда разные вещи, мою цитру и сказал:

– Ты, Лидия, в руках понесёшь мою скрипку. Она в крепком, красивом футляре, а Нина будет нести мою флейту, а мама возьмёт на руки Виктора. Я всё узнал, женщин и детей повезут до Волги на автобусе, а мы с моим братом, с дядей Райнгольдом погрузим багаж на телегу и поедем за вами на лошади.

– Когда нас повезут? – спросила я.

– Это я не знаю, – сказал отец. – Может завтра, может через неделю. Нам просто повезло, что мы не первые. Первые даже не успели ничего с собой взять.

Тут подошла наша мама и отозвала папу в сторонку, что-то шепнула ему на ухо, и они вместе ушли к соседям, к дяде Райнгольду, который жил рядом с нами, на углу нашей улицы и улицы Шиллера. Вскоре папа вернулся один, взял какие-то тряпки и опять ушёл, а когда вернулся, сказал нам, что к нашей семье прибавилась ещё одна девочка и зовут её Элеонора. У нас родилась сестрёнка! Мы с Ниной даже запрыгали от радости! Не знали мы, что за радостью нас ждало впереди большое горе. Страшная, жестокая война!

Папа сложил в шифоньер все свои музыкальные инструменты, которые не мог взять с собой, и закрыл на замок. Мы с Ниной вымыли кругом полы, а папа на летней кухне приготовил кушать.

Ещё несколько дней мы жили дома. Там всё осталось нетронутым: мебель, сделанная папиными руками, картины с природой, которые подарил папе его друг и художник. Над моей кроваткой висел ковёр, который вышила наша мама. На нём посередине был вышит необыкновенно большой цветок и вышитыми готическими буквами, было написано по-немецки «Спите, дети спокойно с Богом», а по краям сидели красивые ангелы. Над каждым окошком висела гипсовая голова оленя, сделанного папой на рождество.

В каждом немецком доме в Бальцере был подвал, и в нашем тоже. Вход в него был в сенях, дверь в полу. Надо было спуститься вниз на десять ступенек и попасть в большой каменный погреб. Он имел естественную вентиляцию, поэтому зимой и летом в нём было сухо и

стояла постоянная температура, зимой там казалось тепло, а летом прохладно. В подвале мы хранили картошку. На полках лежали самодельные консервы, тушёнка, компоты, закрутки, продукты. На полу стояли большие бочки. В самой большой бочке мама солила арбузы, а в бочке поменьше была квашеная капуста, ещё были бочки с мочёными яблоками, сливами, солёными огурцами, с помидорами. Зимой вечером мама приносила из погреба солёные арбузы или мочёные яблоки и угощала нас перед сном. Это было так вкусно. Мы ели с удовольствием и шли спать. Папа отнёс в погреб много вещей, всё аккуратно запаковал и спрятал. Собаку Шарика мы отпустили с цепи на свободу. На улице постоянно патрулировали военные. Тихонько, чтобы не заметили солдаты, папа зарубил несколько кур, и мама приготовила их в дорогу.

Мама наварила толчёную кашу и фасоль с мясом. Она всегда солила фасоль, когда та ещё была зелёная. Она нарезала стручки вдоль и получалась тонкая как лапша стружка. У неё это получалось так вкусно! Не успели мы покушать, как к нам пришли военные и сказали, что пора ехать.

– Кто же за хозяйством смотреть будет? Они же живые! – Спросил папа, показывая на кур.

– Я не знаю, – ответил военный, – и это не твоё дело! Собирайся быстрее!

Никто не мог нормально кушать, у всех были слёзы на глазах, а мама плакала навзрыд. Папа насыпал курам побольше зерна, поставил собаке много корма. Закрыл сарай, дом, летнюю кухню, ключи спрятал. К нам подъехал папин друг на лошади, и они с дядей Райнгольдом стали грузить наш сундук на телегу.

У нас в городе автобуса не было, а тут откуда-то подъехал автобус. Первой зашла мама с Элеонорой на руках, за юбку держался маленький Виктор. У меня в руке была дорогая скрипка, другой рукой я держала Нину, чтобы не потеряться. У Нины в руках был футляр с папиной флейтой и кларнетом. В автобус натолкали столько людей, что пошевелиться было нельзя. Женщины с тяжёлым чувством смотрели на свои дома и плакали. Автобус поехал на пристань. По дороге в сторону Волги пешком шло много людей с чемоданами, узелками, сумками на плечах.

На берегу Волги нас высадили, там было столько людей, что весь берег шевелился как живой. Милиция указала нам наше место. Всё было распределено по районам, каждая деревня, каждый город отдельно. Мы стали ждать нашего папу и очень боялись, что он не найдёт нас в этой толкучке. Но наш папа нашёл нас, они с дядей Райнгольдом разгрузили наши вещи на землю. Тётя Катя, папина сестра, жила на другом конце города и их отправляли не с нами. Мы их тогда

потеряли и не нашли до сих пор.

Папа посадил меня на сундук и велел охранять добро. Дядя Райнгольд и тётя Катя на свой сундук тоже посадили своих детей, их у них было трое: Борис 6 лет, Нина 4 и Виктор 2 годика. И у нас четверо: я, Нина, Виктор и Элеонора. Целый цыганский табор получается.

Бойкие соседские ребятишки из ближних колоний решили сбегать обратно в село. Без дела на одном месте сидеть скучно, а дома в садах ещё были не собраны яблоки. Сбежав от охраны, они быстро добрались по знакомым местам в село. Но там они сразу забыли про яблоки, так как за несколько сот метров был слышен рев скотины. Местные жители покидали свои хозяйства в уверенности, что за их добром кто–нибудь обязательно присмотрит. И что же увидели дети?

Полная пустота. В селе не было ни одного человека. Если крупнорогатый скот куда-то угнали, то что же было делать со свиньями, собаками и кошками? Ведь их с собой брать не разрешалось. Дети были в полном шоке. В сараях орали некормленые козы, овцы и свиньи. А стая собак почти километр бежали за детьми. Конечно, это было огромное потрясение для детской психики и ещё больше для взрослых, которым они, вернувшись, всё рассказали.

Что будет с нашими домами? С хозяйством? – переживали все.

Они ещё не знали, что сразу же после выселения немцев, в город Бальцер хлынули беженцы из Украины, Белоруссии и западных областей России. Чтобы хоть как-то перезимовать, а зима 1941–го года была ранняя и очень холодная, на топливо вырубили все сады и палисадники, в печку пошли заборы, мебель, надворные постройки, крыши, полы, оконные рамы незанятых домов. Со временем стены этих домов были разрушены, обвалились погреба, всё заросло бурьяном, но немцы об этом ещё ничего не знали.

Поохав, повздыхав, поплакав, тётя Катя стала кормить всех детей, а мама пробовала кормить грудью Элеонору.

Вдруг на берегу раздался страшный крик, плач, возник непонятный большой шум. Папа с дядей Райнгольдом пошли узнать, в чём дело. Вернулись они грустные и сказали, что у семьи Фольк большое горе. Утонул их 18 летний сын. Он с другом купался в реке, нырнул и больше не вынырнул.

Мать кричит там, волосы на себе рвёт, падает на землю и никто не может её успокоить. Отец утопшего спрашивал милиционера, не могут ли они остаться, чтобы найти и похоронить сына, но милиционер не разрешил. Он сказал, что сейчас подгонят баржу и начнётся погрузка. А сына без вас найдут и похоронят. Мать кричит на грани безумия:

– Вы у нас всё отняли, заберите и то, что у нас есть, но сына своего я вам не отдам!

Но тут загудел пароход, и к берегу подплыла большая баржа. С неё спустили трап и началась погрузка.

Людей стали вызывать по фамилиям и грузить на баржу. Дошла очередь и до нас. Мы попали в трюм. Там было темно и страшно. Папа с дядей Райнгольдом переглянулись и о чём–то шептались. Потом прошёл слух, что нас «русланд дойче» хотят утопить в Волге. У людей был большой страх, они всему верили и всего боялись.

Когда пароход потянул баржу на середину реки, женщины и дети громко плакали, а старые люди молились на коленях. Сколько мы так ехали, трудно вспомнить, но в конце концов баржа пристала к большой пристани и нас стали выгружать, вызывая по фамилиям. На берегу всех повели на железнодорожный вокзал. Там стояли товарные вагоны длинного-предлинного эшелона.

Набралось много народа из Бальцеровского кантона, частично с Добринского, Золотоваского и из посёлка Красный Текстильщик. Во все вагоны погрузили 2370 человек, кто-то сказал, что поезд идёт на Алтай. Этот предпоследний эшелон № 892 ушёл с Саратовской станции Увек 16 сентября 1941 года.

ПУХОВО

В древней столице бывшей Золотой орды, в городе на Волге Увеке при отправке поезда железнодорожники рассказывали, что на станции Пухово, примерно в двухстах километрах, была стоянка предыдущего поезда с высланными немцами. Люди высыпали из вагонов, стали разводить костры и готовить себе обед.

Вдруг в небе появились немецкие самолеты и начали бомбить станцию. Земля тоннами улетала в чёрное небо, вокруг всё горело: деревья, дома, вагоны. Всюду огонь, дым, паника, окровавленные части человеческих тел, стоны, грязь, хаос.

Одна бомба попала в водопроводную колонку, где заправлялись водой паровозы, и в небо забил высокий, мощный фонтан, вода вылилась из разбитой водонапорной башни. Вся станция, все пути были полностью залиты водой. Там, где была станция, образовалось озеро. В воде, которая залила все рельсы, плавали мёртвые, их вещи и разные предметы из разбитых вагонов и отражалось пламя пожаров.

Все произошло в считанные минуты: станция Пухово была разрушена, эшелон разбит, многие погибли.

ДОРОГА

В наши вагоны телятники бальцеровских немцев набили так много, что не было места ни лежать, ни сидеть. По бокам вагона были

устроены деревянные нары. В углу стояло большое ведро, это был туалет – параша. Какая-то женщина повесила перед ним большую тряпку. За эту занавеску часто ходили дети, а взрослые вначале старались дождаться остановки. В вагоне были старики, дети и молодежь. Многие сидели на полу, там и кушали. Если поезд останавливался в тупике, все скорее выбегали по нужде, кто под поезд садился, кто куда, но конвой уже шёл вдоль состава и загонял всех в душные вагоны.

Наконец-то каждая семья определилась и нашла свой угол. Чтобы на полу для детей было больше места, женщин помоложе и молодёжь посадили на верхние нары. Поезд останавливался часто и надолго. Чтобы не загружать основные железнодорожные трассы, по которым на фронт шли воинские эшелоны, составы с поволжскими немцами, идущие на восток, отправлялись окружным путём. Люди потеряли счёт времени.

В крытых товарных вагонах ехало по сорок и более человек вместе со своим имуществом. Спали на нарах и просто на полу, постелив солому. Постоянно была проблема с пищей и водой, особенно когда эшелоны шли по степям Казахстана. С наступлением осени появилась проблема борьбы с холодом, отопления в вагонах не было, люди простужались, болели и умирали без медицинской помощи.

Из-за плохого качества воды, которую люди порой черпали из луж, и антисанитарных условий были вспышки инфекционных заболеваний. Первыми умирали дети. Вдоль железной дороги появлялись свежие могильные холмики, иногда и хоронить не было возможности, родных просто оставляли на остановках. Поезд шёл на восток.

Наконец эшелон с репрессированными остановился на большой станции, на вокзале было написано «Алма-Ата». Мужчины побежали купить, что-нибудь поесть. Папа принёс всем по яблоку, таких больших и вкусных яблок я ещё не видела, у нас на Волге росли яблоки, но не такие большие.

После долгой стоянки поезд пошёл дальше. Под перестук колёс мужчины собирались по углам вместе, курили и шептались. Они возмущались, почему всех советских немцев обвинили в предательстве, если никто никого не предавал. За что всех лишили собственности, личного имущества. Разорвали семейные и родственные связи. Наплевали в души людей.

А поезд шёл ещё долго и наконец, 29 сентября 1941 года, после 14 дневного пути по маршруту Увек–Уральск–Актюбинск–Аральск–Чимкент–Джамбул–Алма-Ата–Семипалатинск остановился наконец, на станции Барнаул в Алтайском крае.

АЛТАЙ

В нашем телятнике открыли двери и всем приказали выходить. Люди рады были выйти на свежий воздух, размять ноги, но все боялись, у всех на лицах отразился дикий страх.

«Что же будет дальше?» – думал каждый. Опять начали вызывать по фамилиям и грузить людей на телеги. Отец где-то узнал, что надо будет работать в колхозе.

Каждый колхоз из Сорокинского и Павловского районов набирал себе людей. Все приехавшие немцы были голодные и усталые, но на душе стало немного легче.

Семью дяди Райнгольда и нас привезли в маленькую деревню. Уже наступил вечер, темнело, было довольно холодно, осень. На краю деревни стоял брошенный деревянный дом, в котором уже давно никто не жил. Окна и двери были заколочены досками, крыша прохудилась. Возчик остановил лошадь и сказал:

–Тут вы будете жить! Завтра утром придёте в контору, и директор с вами обсудит, как быть дальше.

Папа говорит:

– Нам кушать нечего! У нас маленькие дети голодные!

Возчик пожал плечами и уехал. Папа и дядя Райнгольд стали в темноте чего-то искать в ограде, чиркали спичками, потом нашли калитку. Зашли на крыльцо, оторвали от дверей доски, и мы зашли в избу.

В дороге от расстройства у мамы пропало молоко, маленькая Элеонора сосала пустую грудь и громко плакала. Все дети тоже плакали, хотели кушать, а взрослые успокаивали их и слегка радовались, что есть хоть крыша над головой.

Папа и дядя Райнгольд очистили от мусора один угол. Чего-то бросили на пол и все одетые легли, прижимаясь, друг к другу, чтобы было теплее спать. Но спать мы не могли, маленькие дети хотели кушать и сильно плакали.

Я лежала на холодном полу, вспоминала наш красивый и сытный дом на Волге и тоже плакала от обиды и голода. На шум из деревни пришла какая-то женщина и спросила, почему дети плачут? Папа сказал, что они голодные и хотят кушать. Женщина ушла домой и вскоре принесла молока, хлеба и одну свечку. Потом она, глядя на нас, молча, перекрестилась у дверей и ушла.

Мы не ели, мы смаковали пищу. Вечером каждая крошка была такая вкусная! Мама и тётя Катя покормили детей и они уснули.

Утром папа и дядя Райнгольд пошли в контору. Председатель выписал им накладную и велел идти на склад. На складе чего только не

было! Они получили кастрюли, чтоб варить, вёдра для воды, тарелки, кружки, ложки, картошку, крупу и даже хлеб на один день. Всё это они с гордостью принесли домой.

Какая это была радость, самый большой праздник за последнее время. Папа сказал, что им надо немедленно идти на работу, а нас оставил наводить порядок и обживаться! Мы с Ниной нашли старые веники и стали подметать двор, а маленькие дети играли в песке на улице. В огороде стояла старая баня, мы там нашли таз и ковшик. Тётя Катя сказала, что это нам очень пригодится. Она натаскала из речки воду, и они с мамой мыли в избе полы и стены. Везде была грязь и паутина. Стены когда-то были крашенные, но непонятно чем.

Ребятишки тоже бегали повсюду и если находили что-то интересное, несли к мамам и все вместе радовались полезной вещи. Потом пришли две старушки и принесли для детей постельное бельё и старую одежду. К вечеру от работы все очень устали. Папа с дядей Райнгольдом пришли поздно и легли спать, хотя и не сытые, но теперь уже на чистый пол.

Утром папа сказал, что возьмёт с собой на работу меня и Нину. Там дети снопы таскают, и наши девочки тоже могут это делать. За работу на обед всем дают лепёшки и кисель. Пусть хоть немножко покушают. Хлебоуборка давно уже закончилась, в полях везде стояли снопы и скирды, их надо было молотить. Когда мы пришли на поле, один старичок расставил всех взрослых по местам, а дети должны были подносить к барабану снопы.

Но когда старик включил молотилку, мы так испугались грохота, что хотели убежать, куда глаза глядят, но увидели как другие дети носят снопы, тоже стали помогать. На току было столько суеты, шума и пыли, что почти ничего не было видно, но мы старались что-нибудь заработать себе на обед. Сначала было страшно подходить к молотилке, но мы терпели и быстро бегали, так быстро, как только могли. Вскоре мы так сильно набегались, что я думала, что больше не выдержу и просто упаду от усталости. Но тут старик остановил молотилку и говорит:

– Обед! Отдых!

Все женщины расселись около скирды, достали из своих котомок продукты и стали кушать, у кого что есть: хлеб, сало, молоко, яйца. Только у нас в заначке ничего не было. Мне одна добрая женщина подала шанежку, другая дала Нине пирожок с картошкой. Мы были очень рады и сказали им спасибо.

Отца и дядю Райнгольда женщины тоже угостили. Чуть позже на лошади подъехала повариха и всем налила по кружке киселя и дала по лепёшке. Мы пили кисель с радостью и удовольствием, а лепешки несли домой, чтоб поделить на всех.

Потом женщины развеселились и начали играться. Они свалили папу и взялись за дядю Райнгольда. Женщин было много и мужчины не поняли в чём дело, а мы чуть не плакали от страха. Но рядом стоящая женщина сказала, чтобы мы не боялись, это только игра. Тут дядя Райнгольд освободился и давай одну за другой сбрасывать с себя и потом освободил нашего папу, они встали на ноги и все засмеялись.

Вдруг я увидела как одна женщина ножом давила у другой на голове вшей. Мне стало плохо! Я видела, как этим же ножом она резала хлеб. Я решила этот хлеб больше не есть, лучше буду голодной. А потом я узнала, что эта женщина ножом не вшей давила, а волосы щёлкала. После такой процедуры голове становится хорошо.

Обед закончился. Старик крикнул:

– По местам! Работать!

Мы работали до вечера, а потом, когда надо было идти домой, папе дали четыре лепёшки хлеба. Это была для нашей семьи такая радость. На ужин нам всем досталось по куску хлеба!

Некоторое время мы с отцом и дядей продолжали молотить снопы и скирдовать солому в этом колхозе. Но это было не очень долго, потому что отец нашёл какую-то газету, в которой прочитал, что в деревне Драчёнина Сорокинского района нужны строители. Он написал туда письмо и вскоре получил ответ, и приглашение, чтобы мы туда переехали.

ДРАЧЁНИНО

Папа погрузил всех нас на телегу, а дядя Райнгольд свою семью на другую телегу и мы поехали в деревню Драчёнино. Там нам дали помещение для жилья. Папа и дядя Райнгольд стали строить барак и столовую для какого-то лагеря. С ними были несколько рабочих. Папа был старший и указывал все, что надо делать и сам работал наравне со всеми. Строили всё их горбылей, которые пилила пилорама. Кожура с досок не очищалась. Говорили, что этот барак строился для заключённых. Мы с Ниной в эти бараки часто бегали посмотреть.

Наступила зима и надо было топить печку. У нас дома была железная печка, а дров не было. Мы попросили у соседки санки и возили от пилорамы, где работал отец, всякие отходы древесины. Так мы спасались от холодов всю зиму.

Взрослые работали без выходных. Только в воскресенье отпускали вечером пораньше. В такой вечер папа и дядя доставали свои музыкальные инструменты и начинали играть. Это не сразу получалось, потому что с тех пор, как нас выслали с Волги, они не играли. Папа сказал и мне:

– Давай и ты Лида помогай нам!

Отец начал играть божественную песню «Jesu geh voran“. Папа наш хоть особо в Бога не верил и в церковь не ходил, но знал все божественные и церковные песни, а мама была очень верующая и дома на Волге всегда посещала цурковь, пока ее не сломали. Поэтому здесь в ссылке она очень обрадовалась возможности служить Богу. Мама и тётя Катя очень красиво запели вместе, мы с девочками им помогали. Получилось так здорово и красиво, что в конце все заплакали от радости.

С тех пор у нас по воскресения всегда играла музыка, и мы пели немецкие песни. К нам на концерт послушать песни стало приходить много деревенских людей. Все хотели послушать и попеть с нами знакомые песни. Местным нравилась наша музыка и нам стали приносить, кто семечки, кто тыкву, кто брюкву или картошку. Одна девочка принесла кусок сала и говорит:

– Это мама дала для вас за то, что ваш отец отремонтировал дверь в нашем доме.

Так мы и жили.

Как-то к нам пришёл местный мужчина и сказал, что у них в колхозе состоится какой-то праздник и нужна музыка. Папа согласился, и они с дядей Райнгольдом весь вечер у них играли.

Отец помогал людям, чем только мог. Мужиков в селе не было, все ушли на фронт. В деревне жизнь тоже была не сладкая. Но у людей были свои дома и еды досыта. А у нас ничего не было. Но пока у нас был отец, мы тоже не совсем голодные были. Мама всегда какой-нибудь суп сварит, из тыквы или из муки, все равно всегда чего-нибудь находилось. Папа получал немного хлеба. Голодными мы не были, но кушать хотелось всегда. Постепенно мы стали уже привыкать к такой жизни.

К нам много людей приходило и общались с нами. Мы с Ниной познакомились с местной девочкой, и она пригласила нас вечером на лужок. Молодежь по вечерам собиралась там, шутили, гуляли по улице, играли на балалайках, пели частушки, плясали по-всякому и вприсядку. Так интересно было и весело. Она нас уговорила, и мы отпросились у мамы на час, сказали, что пойдем к ней домой.

А сами пошли на лужок, где они собираются, но мы только смотрели издалека, нам было всё очень интересно. Они нас заметили, подошли и сразу туда потащили. Мы стеснялись, не хотели. Но все равно пошли к ним. Немного побыли с ними и сказали, что нам пора домой. Новую подружку звали Вера, она и ещё две девчонки пошли нас провожать до самого дома.

Они нас уговаривали, чтобы мы к ним всегда приходили на лужок. Мы, конечно, обещали, что когда будет возможность, обязательно придем. Мы с Ниной уже стали понемногу говорить по-русски.

В школе мы все русские слова выучили, только предложения не умели правильно складывать. Но все равно нас учили и заставляли писать предложения, все это пригодилось в жизни. А тут мы еще лучше научились говорить, это была практика.

Мы стали уже привыкать к этой новой жизни, хотя были полуголодные, но все еще живые и все вместе. Общаемся с людьми, с подружками, и они с нами также. Папа говорит:

– Здесь мы будем жить, пока война кончится, потом поедем домой на Волгу, а сюда когда-нибудь, приедем в гости к товарищам и подружками, и они к нам будут ездить.

Настала настоящая зима, стало холодно. К нам пришла повестка, чтоб папа и дядя Райнгольд явились в районный военкомат. Мама сильно плакала, она чуяла большое горе, но отец ее успокаивал, говорил, что может опять нам другую работу нашли, но он уже хорошо знал, что будет.

Утром отец с дядей уехал в район, а мы все время смотрели на дорогу и ждали, что он приедет. На другой день мама укладывала Элеонору спать, а Нина с подругой была во дворе. Вдруг Нина забежала в дом и кричит:

– Мама! Там целый отряд немецких мужиков идет, наверное, с ними наш папа.

– А ну быстрей бегите туда, и всё разузнайте. Когда Элеонора уснет, я тоже приду.

Мы все побежали на дорогу, бегали вокруг идущих мужиков, звали папу, но его там не было. Отряд шёл по направлению к баракам, которые строил папа.

Мы вернулись домой и всё рассказали маме. Мама оделась и пошла к ним. Оказалось, что все мужчины были из нашего города Бальцере, но их выслали в Новосибирск, наш эшелон попал на Алтай, ещё один эшелон попал в Алма-Ату, другие в Красноярск и ещё дальше. С Волги было отправлено 46 железнодорожных составов с немцами Поволжья.

Наша мама долго разговаривала с мужиками, и они ей сказали, что нашего папу все знают, его и дядю Райнгольда уже погрузили в поезд, который должен был уйти по направлению Пермь. Ваш отец успел написать и передать для вас маленькую записку. Там на станции было много бальцеровских мужиков. Целый длинный эшелон набитый людьми. Так что не ждите его здесь.

Наша мамочка пришла домой и они с тетей Катей ревом ревели весь день, на это было страшно смотреть. Так жизнь наша стала ещё хуже и ещё страшнее. Мама от переживаний стала совсем худая и молчаливая.

Мы с Ниной бегали смотреть, как мужики живут в бараке и что

они там делают. Они должны были строить узкоколейную железную дорогу. Трудармейцы рубили мерзлую землю и на тачках вывозили её к насыпи железнодорожного полотна. Все женщины из деревни убирали с дороги снег. Мы пришли домой, все рассказали маме и тете Кате. Мы решили тоже там работать, потому что за работу кормили.

Тетя Катя, я и Нина пошли проситься на работу, а мама должна была сидеть дома с ребятишками. Тетя Катя была немного крепче, чем наша мама. На свежем воздухе, на холоде и ветру, мы целый день махали лопатой, которая была сделана из фанеры и чистили снег. Слабые, полуголодные, в плохой одежде, а работать надо, чтоб прокормиться, а бедная мама сидит дома с пятью голодными детьми. Они постоянно плачут, хотят есть и пить молочко, а у неё ничего нет. Мама должна смотреть на это весь день, у нее сердце кровью обливалось, а сделать ничего не могла.

Нам на обед, привозили какой- то жидкий суп и кисель, а вечером давали пайку хлеба. Хлеб мы несли домой, и делили на всех. Так мы бедствовали – хуже некуда.

Всех очень плохо кормили, а у мужчин была очень тяжелая работа. К трудармейцам на санях из Новосибирской области приезжали их жены и привозили своим мужьям продукты.

Тётя Катя возмущалась, что это за сволочь такая, которая выслала нашего папу и дядю Райнгольда в Пермь! Могли бы и здесь оставить на строительстве этой железной дороги. Это тоже трудармия, и они были бы здесь, рядом со своей семьей. Эти местные сволочи, настоящие вредители.

Это была инициатива местного сельсовета, и еще фантазия кое-кого из издевателей.

Если бы коммунисты правильно руководили и в школе говорили правду, то все бы знали, что мы – свои люди. Мы – российские немцы, у нас на Волге есть своя Республика. А у них была задача только обманывать людей и вызывать к нам ненависть, а это было очень больно и очень обидно.

Мамочка наша стала искать в сундуке, что можно было продать из папиных вещей или обменять на молоко для Элеоноры, потому что у нее от горя молока в груди не стало. Элеонору можно было бы от груди уже отучить, но ведь кормить ее нечем. И мама давала ей сосать пустую грудь. Мы думали, что это самый тяжелый момент нашей жизни, хуже не может быть. А настало время и стало еще хуже.

ТРУДМОБИЛИЗАЦИЯ

Однажды нашу маму и тетю Катю вызвали в сельсовет и сказали, что им надо собираться в дальнюю дорогу. Завтра всех заберут в

трудармию.

– Как же так? – Развели они руками,– у нас маленькие дети.

Нашему младшему братику Вите было 4 годика, а Элеоноре чуть больше годика, Нине –14. Мне только исполнится 16 лет – и мне тоже надо собираться? У тети Кати было трое маленьких ребятишек: старшему Борису 7 лет, Нине 5 лет, а Вите 3 годика. Ответ наша мама и тетя Катя получили такой:

– Это ваши дети, нас это не волнует и не касается! У нас приказ!

На другое утро на лошадке, запряженной в сани, к нашему дому подъехал комендант и старичок–извозчик. Комендант зашел к нам в дом, открыл дверь нараспашку и сказал:

– Выходите! Быстро!

Мама как раз давала Элеоноре грудь. Комендант грубо вырвал у неё ребёнка и бросил его на полати, где мы спали. Все испугались, Витя схватился за мамину юбку и заплакал, сразу заплакали остальные дети. Тетя Катя была бойкая, она стала рвать себе на голове волосы и кричала:

– Я от своих детей не уйду! Хоть стреляй! Не пойду!

Комендант молча вынул из кобуры револьвер и направил на тетю. Глаза его налились ненавистью.

Я испугалась, быстро всех поцеловала и выбежала на улицу. Следом, шатаясь, как безумная, вышла плачущая тетя Катя и упала лицом вниз, в сено на санях. Потом вышла мама. Глаза залиты слезами, идёт как слепая. Руки, ноги, подбородок, – вся трясётся, сказать ничего не может.

Старичок-извозчик вскочил, помог ей сесть в сани и сам чуть не заплакал, только вздыхает, качает головой, а сказать ничего не может. Он тоже не имел права голоса против такого государственного зверя в военной форме.

Все дети повыскакивали, ревут, а комендант дал старику приказ:

– Отчаливай!

Старик дёрнул за поводья и быстро поехал. Все дети остались с моей 14 летней сестрёнкой и ревели они вместе на все лады. Мама с тётей Катей бились на санях в истерике. Когда отъехали подальше дед говорит:

– Я думал, он одумается, и оставит матерей с детьми, но, видимо, такой это человек, сердца у него нет.

Старичок-извозчик старался отвлечь нас от ужасного потрясения и рассказывал, что ехать до железнодорожной станции нам придётся несколько дней и впереди у нас дорога длиной в 100 километров.

Когда мы выехали на шоссейную дорогу, был такой хороший день, светило солнце, мороз щекотал щёки, лес у дороги стоял сказочный. Снег искрился, как серебро. Воздух обжигал лёгкие. Дорога шла

чуть на спуск, а у горизонта в гору. Перед нами сверху открылась широкая панорама алтайской природы. Мы смотрели на эту картину, и нам показалось, что огромная живая змея ползет по дороге. По всей дороге, друг за дружкой, рысцой бежали лошадки, запряжённые в сани, они везли наших руссланддойче в трудовую армию. Людей собрали, наверное, из нескольких районов. И так хорошо и далеко, далеко было видно. Я оглянулась назад, а там такая же картина, за нами тоже ехали много, много людей. Дедушка чтоб нас немного успокоить и отвлечь, всю дорогу что-нибудь рассказывал, а женщины во всех санях ревут в голос и такой рёв стоял над дорогой, что просто жутко становилось на душе.

НЕКРАСОВ

Я раньше сама писала стихи и вспомнила, как в школе «про стон» учила стихотворение Некрасова и стала его в уме переделывать на свой лад.

Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется –
Российских немцев уводит конвой.
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля,–
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
За невинность, покорность, работу,
Повели под ружьём на Голгофу.
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Русский немец сейчас не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он по лесам и баракам,
Замерзает в буранах, в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьему, солнцу не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
В чём же немец Руси виноват?

– Да! – Тогда одиночный стон был на Руси, а сейчас хоровой, материнский рёв висит над матушкой Россией. – Сделала я горький вывод и встряхнулась от своих мыслей.

БУРАН

Дедушка погонял лошадку и рассказывал, что знает эту дорогу, как свои пять пальцев. По бокам от неё есть много маленьких деревень, и он все знает, потому, что часто ездит в Алтайск, это его работа.

А сейчас до ближайшей деревни, которая находится на этой дороге, нам придется ехать 40 километров. Это большой район, и нам надо через него проехать. Там мы передохнем и поедем дальше. После обеда солнце незаметно скрылось, быстро стемнело, появился лёгкий ветерок, по дороге побежала позёмка. Дедушка поглядел на небо и недовольно сообщил, что погода изменится, буран будет. Тут на Алтае такие бури бывают, страшно сказать. Это очень плохо, что мы не доехали до района. Вздохнул он и поторопил свою лошадку.

Ветер усилился, и через мгновение такая буря поднялась, что страшно стало. Снег и ветер объединились и замели дорогу. Ничего не видно, лошадка уже не могла тянуть сани и встала. Старик сказал, что нам надо слезть и идти пешком.

Мама и тетя Катя идти не могли, а я и дедушка пошли рядом. Немного продвинулись и лошадка опять остановилась. Дедушка пошел немного вперед, там стояла еще одна подвода, и не могла двигаться дальше, за нами ещё одна лошадка остановилась. Дедушка собрал возчиков, посоветовался с ними, и они решили, что до района мы не доедем, все погибнем.

Тут рядом должна быть деревня. Если мы туда попадем, то останемся живы. Никто не хотел умирать, и все согласились. Дед развернул коня в сторону деревни, и все поехали за нами. Снег был глубокий, лошадки по пузо в снегу еле-еле двигались. Но страх давал силу, чтобы не погибнуть, все упорно шли дальше. Останавливались, отдышались немного и опять вперёд. Вдруг старик улыбнулся и весело закричал:

– Бабоньки, не горюйте! Говном пахнет, деревня близко!

Мы прислушались и услышали лай собак. Эти дедушкины слова я в жизни не забуду. В таком тяжелом положении, в котором мы находились, он сумел всех успокоить и развеселить своей простой деревенской шуткой. Он был настоящим русским человеком, он многим людям спас тогда жизнь.

Когда мы заехали в деревню, там уже кроме нас было несколько подвод, возчики которых тоже нашли туда дорогу.

ЛЮДИ ДОБРЫЕ

Всех прибывших распределили по домам. Мы попали в дом, в котором жили старик со старухой.

Наш старик-извозчик сразу им про нас все рассказал и нам сообщил, что у стариков один сын был на фронте, а другой уже погиб.

Радостной встречи хозяева нам не устроили, но мы были рады, что находимся в теплом помещении. Наш дедушка попрощался со всеми и ушел, у него в деревне были ещё хорошие знакомые.

Хозяева нас посадили на лавки, которые стояли вдоль стен. Это были просто широкие, крашеные доски. Посреди избы стояла большая русская печка, рядом ведро с водой и умывальник. В углу иконы, на стене фотографии, на окошке занавески, у входа на гвоздиках висела вся их одежка. На большом столе тускло горела керосиновая лампа.

Бабушка велела нам раздеться. Наша одежда была вся мокрая от снега. Старушка повесила её сушить и увидела, что у нас были отмороженные лица, а у меня кроме того еще были отморожены коленки. Бабушка разохалась, всплеснула руками и принесла гусиный жир. Мы стали мазать обмороженные места. Мама не могла себя мазать, ее мазала бабушка.

Одежда на нас была ветхая. Чтобы мне было теплее в дороге, мама велела мне надеть папины кальсоны, а сверху натянула на меня бурки. Бурки были тряпочные, когда я бежала за санями и шла по глубокому снегу, кальсоны вылезли из бурок, и бурки наполнились снегом, мои коленки были голые и обморозились. Бабушка щедро мазала наши раны, не жалея жира.

Тут дед чего-то заворчал на старушку, и она стала накрывать стол. Поставила горячую картошку в мундире, квашеную капусту, грибы и немного хлеба. Я подумала, что они с дедом сейчас будут ужинать, а у нас с собой ничего нет. Но это было не так.

Бабушка пригласила нас за стол и сказала, что они уже поели. Ой, какая это для нас была радость! Мы жадно кушали и счастливо переглядывались. Мы старались не спешить, нам было стыдно сразу опростать все, что на столе стоит. Бабушка заметила, что нам неудобно, но мы еще не наелись и сказала:

– Кушайте! Кушайте! Все скушайте, что на столе стоит. У нас картошки много, на зиму хватит.

Мама совсем ослабла. Тетя Катя очищала картошку и кормила маму. Когда мы наелись, встали из-за стола, поклонились старикам в

пояс и сказали:

– Большое спасибо!

Мама медленно подошла к бабушке с дедушкой, ласково взяла их за руки и помолилась по-немецки. Потом на ломанном русском языка сказала им, что Бог их отблагодарит. Старики аж прослезились от такой благодарности.

Для нас это был самый печальный и такой радостный день. Нас утром выкинули из дома, зато после такой бури мы остались живы.

– Вы понимаете нас и немного говорите по-русски. Откуда вы? – Спросил дед.

Я, как смогла, рассказала, что мы родом с Волги, из города Бальцера, недалеко от Саратова. Мы советские немцы. Там была наша немецкая республика. Мы ходили в школу и учили русский. Я и писать по-русски умею, и написала ему: «Волга, Волга, мать родная, Волга русская река». Дед немного усмехнулся.

Мы сильно устали, бабушка бросила на лавку шубы и предложила всем лечь спать. Вдруг моя мама громко заплакала и сквозь слёзы сказала:

– Мы тут в тепле, наелись, а дома наши детки голодные и холодные сиротками сидят.

Тетя Катя утешает её и говорит:

– Лидия! Мы с тобой сегодня перед смертью были, но Бог послал нам людей, которые нас укрыли, накормили, спать предложили, и дома может быть, кто-то пожалеет наших детей. Будем за них молиться. Мама немного успокоилась, и тетя Катя говорит:

– Мир без добрых людей не бывает. Мы сегодня в тепле, хорошо поели, а завтра, Бог знает, что нас ожидает.

Так мы и уснули.

Утром хозяйка встала и приготовила завтрак. Хозяин управлялся на дворе. А мы спали.

Бабушка стала нас будить:

– Вставайте девоньки, готовьтесь в путь-дорожку.

Мы встали, бабушка достала гусиный жир, и мы в первую очередь опять стали мазать наши болячки. Потом она посадила нас за стол и говорит:

– Сперва покушайте хорошо! Бог знает, кто вас еще покормит?

Дед зашел и тоже сел завтракать. Потом приехал наш возчик, наш спаситель:

– Собирайтесь в путь-дорожку! Коня я накормил, он должен сегодня довести нас до места.

Мы поблагодарили добрых хозяев за все хорошее и попрощались. Бабушка сунула тёте Кате в руку банку с гусиным жиром, а дед на прощанье сказал:

– Что эта проклятая война наделала!

День опять выдался такой же хороший как вчера. Светило солнце, мороз щекотал щёки, лес у дороги стоял сказочный и сильно запорошённый. Снег искрился, как серебро. Воздух обжигал лёгкие. Всё выглядело беспечно и невинно, как будто ночью ничего не произошло. Мы выехали из деревни, и опять попали на нашу шоссейную дорогу, по которой вчера не могли двигаться дальше.

Присмотревшись, мы увидели страшную картину. Рядом с дорогой был сугроб снега, из которого торчала спина замёрзшего человека. Дедушка наш перекрестился и говорит,

– Жаль, у нас места в санях нет, а то бы мы довезли труп до места сбора. Я, наверное, потом должен буду собирать всех замёрзших по всей дороге, их тут много.

Мы поехали дальше и увидели с другой стороны замёрзшую лошадь, а в санях много мертвых людей. Чуть дальше было видно, что ночью, спасаясь от холода, люди сожгли стог сена или соломы и свои сани. Только пепел и головёшки валялись вокруг сгоревшего стога. Снег растаял и почернел, а, вокруг молча сидят замёрзшие люди

Чуть дальше видно было как на санях лежало несколько человек, и их вместе с лошадью сильно занесло снегом. Дальше вдоль дороги мы видели много ужасных картин вчерашней трагедии. Всюду видны были занесённые пургой люди, лошади, брошенные сани, сгоревшие стога.

СБОРНЫЙ ПУНКТ

Наконец мы приехали в Алтайск на место сбора, куда должны были прибыть уже вчера. Лошадь остановилась у большого дома с высоким забором. Около двери стоял человек и всем объяснял, кому куда надо идти. В первом кабинете надо было отмечаться, а потом в следующую дверь, там надо было ждать, когда нас вызовут. Мы пошли отмечаться, и с нами пошёл наш старичок-извозчик.

Он сразу все рассказал коменданту, комендант деду чего-то сказал и дед вышел. Потом комендант нас обо всем расспросил. Мы все рассказали. Он сразу обратил внимание на то, что лица у нас у всех были сильно помороженные, а мама простудилась и вся тряслась от температуры и нервного перенапряжения.

Комендант открыл рядом дверь и пригласил врача, чтобы он нас осмотрел. Врач сказал, что мама работать неспособна, а на нас все заживет пока доедем до места. Санитар, грубо толкаясь, выпихнул нас в большой зал, там, наверное, был клуб и сказал:

– Ждите тут пока вас вызовут.

Мы вошли в зал, там было так много людей, что мы удивились.

Кругом как на вокзале – шум, крик, плач. Присмотрелись: все из нашего города Бальцер, многие из нашего эшелона.

В этом большом помещении было много скамеек. Мы посадили заболевшую маму отдыхать, а сами пошли искать знакомых, нашли многих, особенно повезло тете Кате. Все рассказывали свои новости и горько плакали.

Я неожиданно нашла свою соседку. Она была с нашей улицы, из моего Бальцера, её тоже звали Лидия, она была на несколько месяцев старше меня, ей уже исполнилось 17 лет. На Волге они жили рядом, фамилия у них Späd. Ее отец был хороший сапожник, он ремонтировал нам обувь.

Я подумал, что если бы все это сфотографировать и показать в кино, это было бы страшное зрелище, которое невозможно было бы смотреть без слёз. Я с Лидой уже не могла на этот ужас смотреть и сказала маме, что мы пойдем на улицу подышать.

– Нельзя! Может, вызовут, а тебя не будет, – говорит мама

– Мы пойдем в туалет и сразу вернемся, – ответила я.

Мы с подругой вышли во двор, и пошли в сторону туалета. Смотрим, а там за домом, с другой стороны привозят мерзлых людей и разгружают трупы, которые нашли после метели. Их было уже больше 40. Их так и разложили, как нашли: группами по 3, иногда по 5 трупов. Кто-то стоял и записывал, у кого какая фамилия и имя, и из какой деревни. Мы со страхом подошли поближе. Как раз записывали новеньких: это была мать с двумя дочерьми. Их тоже призвали в трудармию, но возчиком у них был молодой парень. Они замерзли все вместе. Тут еще подвезли мерзлых немцев. Милиционеры нас заметили и прогнали.

Мы быстро побежали назад в клуб. Там было очень шумно и невыносимо душно. Мы сперепугу все рассказали маме и тете Кате. Мама с тетей переглянулись и сказали, за то, что мы еще живые, надо тысячу раз сказать нашему дорогому дедушке огромное спасибо! Он часто ездил по этой дороге, все знает, весь свой алтайский край. А молодые парни еще дорогу не знали и все погибли.

Тут по радио объявили, сколько людей замерзли в дороге и сколько еще не нашли. Затем нас

вызвал комендант и говорит:

– Пора в путь-дорогу, вас уже ждут на улице. А твоя мама остается тут и поедет домой.

– А как она домой попадет? – Спросила я.

– Это не ваше дело! – Ответил комендант.

Мы заплакали и стали прощаться. Нам было радостно и обидно, страшно и неизвестно. Кого куда раскидала судьба и что с нами будет завтра? Но нас уже выталкивали, и надо было идти. Ревем и идем, а

куда ведут – неизвестно.

На дворе нас уже ждал наш знакомый, дорогой дедушка, он успокоил нас, посадил в сани и повез на железнодорожную станцию. По дороге сказал, что, когда поедет обратно, то заберет с собой мою маму. Так ему приказал комендант. Немного успокоившись, мы поехали. Дед нам все время что-то рассказывал, чтобы мы перестали плакать. Потом много расспрашивал о том, где мы жили до войны? Я ему рассказала, как хорошо мы жили в Саратовской области, на Волге, в городе Бальцер.

Дед задумался и спросил:

– Значит, вы здешние, наши немцы? Советские?

Я говорю:

– Да!

– А я и не знал, что у нас в СССР живут немцы. – Ответил дед.

Так мы подъехали к станции Новоалтайск. На путях стоял длинный эшелон с телячьими вагонами. Дедушка подъехал и спросил, куда нас сдать. Ему сказали, чтоб ехал дальше, и там ему уже руками махали и звали:

– Сюда! Сюда!

Мы подъехали, человек открыл ворота грузового вагона и говорит:

–Тут еще места есть!

Мы попрощались со своим спасителем, добрым дедушкой, поблагодарили его за всё и полезли в тёмный холодный вагон. Дедушке надо было ехать, у него впереди была длинная дорога домой с моей дорогой мамочкой. Он помахал нам рукой, повернул лошадку и поехал в свою путь-дорожку.

МЕННОНИТЫ

В вагоне, в который мы попали с тетей Катей, были не наши немцы. Они были не высланные. Они родились и жили на Алтае. Их родина был Алтай. Они были, тепло одеты, у них было с собой много разных продуктов. Они говорили на другом немецком языке, мы не понимали, что они говорят.

Среди них была женщина лет 40-45, с ней была восемнадцатилетняя дочь. Мать дочери что-то громко сказала и отправила с чайником на станцию. Тетя Катя вздрогнула и сказала мне тихонечко:

– Как она так может на свою дочь говорить? Такие бранные слова?

Женщина услышала, что тетя Катя сказала, и начала с нами разговаривать на нашем немецком языке. Она объяснила, что они немцы-меннониты и разговаривают на платдойч, но умеют и по-нашему говорить. И то, что она сказала дочери – это не были ма-

тершинные слова.

Когда она отправляла свою дочь за водой, попросила чтобы она поторопилась: быстрей!

–Это на вашем языке похоже на плохое слово.

Мы обрадовались, что теперь можем говорить друг с другом. Она стала нам объяснять, что они уже двое суток находятся тут. Все вагоны уже полные, а наш еще нет, поэтому нас и не везут. Надо ещё ждать. У нас действительно половина вагона была пустая, но вагон не заполнялся людьми. Сколько нас было столько и осталось. Замёрзших в пурге людей естественно не хватало, но ждать их не было смысла.

Вагон был оборудован грубыми нарами из нестроганых досок. Мы с тетей Катей залезли на них.

Менонитам хорошо! Им тепло! У них есть еда, а у нас ничего нет.

Менониты стали рассказывать, что у них в доме всегда был достаток и цветущее состояние быта. В менонитских деревнях дворы обсажены садами, домики просторны и светлы. Есть школа, церковь! Все верующие, аккуратные, грамотные и трудолюбивые люди! Их вера как у баптистов, но отличаются ещё более строгой нравственностью, простотой жизни, чуждой роскоши и насилию. Они избегают военной и гражданской службы, клятвы, присяги. В отношениях между собой отличаются честностью и правдивостью. Поговорив, менониты собрались в кучку, помолились и сели кушать, а знакомая уже женщина спросила нас:

– Почему вы с собой ничего не взяли, ведь нам предстоит долгий путь.

Мы переглянулись и не знаем, что нам отвечать, стало так стыдно и неудобно. Они, наверное, думают, что нам было просто лень собраться в дорогу или стряпать хлеб. Тётя Катя заплакала и сквозь слёзы сказала, что у нас нечего было брать с собой. У неё трое маленьких детей остались одни, без кусочка хлеба. Что она день и ночь думает, как они там одни. Мы будем терпеть, сколько выдержим, лишь бы вернуться к детям.

Тетя Катя, всхлипывая, все им рассказала. Как нас выселили с Волги, это была наша родина. У нас было всё также, но у нас все отобрали. Выслали на Алтай. Вот я теперь сижу с вами, и у нас ничего нет, а дома брошенные, голодные дети!

Менониты замолчали и переглянулись. И тут раздался гудок, поезд тронулся, застучали колёса и покатились мы навстречу нашей судьбе.

Менониты стали ужинать. Они достали молоко, масло, яйца, нарезали хлеб и мясо – все у них было в изобилии.

Мы с тетей легли на нарах и отвернулись лицом к стенке, чтобы не смотреть им в рот, не видеть, как люди едят, а кушать-то все равно

охота. Вдруг я почувствовала, что кто-то ко мне притронулся и шевелит, я напугалась и быстро села. Смотрю, пожилая женщина подает мне кусочек хлеба, намазанный сливочным маслом, и моей тете тоже протягивает кусочек. Мы обрадовались, сказали ей большой спасибо.

– На здоровье! – Ответила она. – Я человек верующий. Бог велел всем делиться. Я вижу, что у вас ничего нет, вот и поделилась.

– Видишь, – сказала мне тётя, – опять Бог послал нам хороших людей. Может, выживем мы и наши дети тоже. Будем надеяться на Бога!

Мы с удовольствием съели этот кусочек хлеба, хоть не наелись, но в желудок попал хлебушек, и можно было дальше жить.

Наступил вечер, стемнело. Стучали колёса, поезд шёл в темноту, а мы сидели на нарах и разговаривали с менонитами.

Рассказывали им про всю нашу жизнь. Про Волгу, про нашу первую образцовую Республику. Потом они рассказывали нам свою историю.

Как только поезд останавливался, все сразу бежали за кипятком. Меннониты и нам тоже дали бидончик. Я с ними бегала на станцию за водой, мы тоже хотели пить в дороге.

Мы ехали очень и очень долго, много разговаривали и крепко подружились с меннонитами, очень хорошими людьми, нашими советскими немцами.

Один раз, когда поезд остановился, и открыли ворота вагона, к нашему вагону подошла женщина с эмалированным ведром, в котором дымился суп.

– Быстрей опорожняйте ведро, мне надо еще следующий вагон кормить! – Крикнула она.

Пожилая меннонитка приняла у неё ведро и подняла в вагон. Она черпала из ведра суп, быстро и всем одинаково разливала в подставленную посуду. У каждого меннонита была своя миска и кружечка.

У нас не было ничего, ни чашки, ни ложки. Кто первым поел, полоскал свою посуду и дал нам, нас тоже накормили горячим супом. Потом ещё немного супа осталось в ведре, и они нам вылили все остатки. Наконец-то мы хорошо поели! Пустое ведро отдали обратно.

Стало так хорошо в желудке, что опять можно было несколько дней жить дальше. Меннониты спасли нам жизнь! Они сильно поддержали нас, поволжских немцев.

То одна семья подаст нам кусочек хлеба, то другая. Их было шесть или семь семей по два и по три человека. Мы размышляли и радовались, ведь это Бог так сделал, чтобы мы попали в вагон с меннонитами и не умерли с голоду. В вагонах, где ехали только немцы Поволжья, картина была катастрофическая. За всё время в пути нас кормили только два раза тёплым супом. Много разговоров было в

поезде пока мы доехали до места назначения.

ВЯТЛАГ

Паровоз дал долгий, протяжный гудок, с шумом выпустил оставшийся пар и остановился на железнодорожной станции. Ворота вагона распахнулись и глаза заслезились от обилия и белизны блестящего на солнце снега.

Нас высадили из вагонов и повели в дремучий лес, в тайгу. Охрана сказала, что это Кировская область, Верхнекамский район, учреждение К–231 или короче – Вятлаг. Город Киров раньше назывался Вятка.

В зоне за колючей проволокой, с караульными вышками по углам, всех поселили в барак, с нарами вдоль стен. Там было темно, страшно и ужасно грязно. Пол в бараке можно было только подметать, потому что он, как и нары, был сделан из нестроганных досок. Всё было построено из горбыля. Лес давал доски и стройматериалы. Барак большой и длинный, много народа туда загнали, пока все нары не были заполнены.

– Кто помоложе, занимать верхние нары, а кто постарше – нижние нары! – Приказал начальник.

Я быстро залезла наверх, а моя тётя заняла место внизу подо мной.

Так началась наша трудовая армия. На нарах лежали какие-то матрацы, и в них было напихано немного соломы. Это была вся наша постель. Посередине барака стояла железная печка, её надо было топить, чтобы в бараке было тепло. Печку надо было топить постоянно день и ночь.

Выбрали самую пожилую женщину, ей было около 60 лет, ей пришлось топить печку, чтобы было тепло и мы не замерзли.

Про еду никто не вспоминал, все люди голодные и слабые. По дороге рассказывали, что в других вагонах многие умирали с голода. Нашлась одна бойкая женщина и говорит:

– Я пойду и потребую, чтобы людей накормили, как они могут работать, если они голодные. Пусть меня расстреляют, все равно нам всем тут смерть, но я пойду и потребую это.

Она пошла, нашла контору и все высказала начальству:

– Вы должны людей накормить. Все люди голодные, как они завтра смогут работать? А вы все, что нам положено, наверное, себе прикарманиваете?

Начальники громко засмеялись:

– Кто не работает, тот не ест! Завтра будете работать. И сколько заработаете, столько и получите. Вот вам список – норма выработки

на одного человека пять кубометров леса, и чтобы длина бревна была полтора метра. Каждое дерево, которое свалите и очистите от сучков надо распилить на куски по полтора метра длиной. А вечером свое рабочее место надо прибрать, чтобы в лесу все было чисто. Все ветки сжечь, а бревна, которые напилили, сложить в поленицы. Вечером придет десятник и измерит, сколько кубометров вы сделали. Бригадир будет принимать работу. Если не все будет сделано, как надо, оставит на сверхурочные работы, чтобы всё доделать. Вот вам и еда будет.

Было уже поздно, ночь на дворе, надо идти спать. Рано утром всем надо было идти на работу, а спать не можем, кушать охота, и мы с надеждой ждали бойкую женщину. Она пришла и сообщила всем то, что слышала. Так началась наша тяжелая трудовая жизнь.

Я лежала на верхних нарах и тихонько плакала. Солому в мешке я стряхнула в одну сторону, и это стало подушкой. Под голову я положила свою тужурочку и лежала в одежде. Каждый думал, что будет дальше? Вспоминали Волгу, родной дом, достаток и сытный ужин.

Тетя Катя легла на нижние нары, но только мы не могли уснуть, ведь страшно хотелось кушать. Люди не могли успокоиться, кто-то плакал в подушку. К полночи все потихоньку успокоилось. Я уснула, но повылазили клопы, кусались безбожно и мешали спать.

Рано утром, еще было темно, загудела сирена и дневальный закричал:

– Подъем!

Все соскочили, все уже в одежде, зашло начальство, велели всем встать в одну шеренгу.

Будет утренняя перекличка. Начальство будет называть по списку фамилии, надо отвечать:

– Я!

Кто будет работать в первой бригаде, встанет налево. Другая бригада пойдет направо. Всех разделили, я попала в первую бригаду. Бригадиром выбрали женщину из нашей бригады, каждому дали по 300 граммов хлеба и всех под конвоем погнали в лес работать.

ЛЕСОПОВАЛ

В лесу тем, кто захотел работать вдвоем, сразу выдали топор и пилу. Каждому показали рабочее место и сказали, сколько и докуда надо валить лес, чтобы выполнить норму.

– Кто хочет работать один? – Спросил начальник.

Осталась я и еще две женщины. Нам тоже показали рабочее место. Я решила работать для себя, потому что была молодая, крепкая, работящая, а есть люди больные, старые, ленивые – выполняй потом за них норму.

Мне выдали топор и стахановский лучок – это такая лучковая пила, и я начала работать. Весь свой участок свалила, и стала от ствола отрубать топором все сучки. Ветки стаскала в одну кучу и сожгла. Потом стволы распилила на куски по полтора метра в длину. Теперь их надо было собрать в одну поленницу, чтобы вечером их измерил десятник.

Зимой быстро становится темно, целый день по пояс в снегу, я уже ходить не могу, устала, а все равно шевелюсь из последних сил. Уже слышно голоса бригадира и десятника, которые начинают измерять дневную выработку. Все ближе и ближе ко мне голоса слышатся, а мне еще осталось стаскать в кучу немного распиленных брёвен.

Я была наивная дура и себя нисколько не жалела. Я была молодая, обид в жизни не было, и я хотела, чтобы меня хвалили и давали больше хлеба. Но когда подошел ко мне десятник, это был мужчина, из бывших заключенных, он как увидел, сколько я леса навалила, покачал головой и что-то сказал бригадирше.

На второй день я не могла даже половину нормы сделать, у меня все кости болели, но жаловаться некому, жалеть некому, надо было привыкать к тяжелому труду.

Тетю Катю и еще несколько женщин от нас увели в другой лагерь, Болотное. Теперь у меня из своих никого не осталось. Расставались мы с тетей Катей и думали: наверное, больше не увидимся. Но жизнь шла дальше, надо было работать на износ, и я выполняла норму.

В нашей бригаде была одна крупная и крепкая женщина, намного старше меня, и мы с ней все время соревновались: кто больше напилит леса. Получалось по-разному, то она больше меня напилит, то я больше её. Вот так мы и работали за пайку и кусочек премблюда.

Повара наварят кашу погуще, выложат на лист, выровняют плашмя, и нарежут на кусочки как печенье. Этот кусочек засушенной каши назывался премблюдо – премиальное блюдо. Премблюдо давали не всем, а только тем, кто хорошо работал и выполнял норму. Вот за такой кусочек каши люди себя не жалели.

Однажды вечером в барак пришла наша бригадирша и принесла мне целую чашку каши, и громко так чтобы все слышали, закричала:

– Попка, вставай, я тебе за хорошую работу кашу принесла! Кушай! Ты сегодня больше всех норму сделала!

Моя девичья фамилия была Попп, и она меня дразнила «попкой». Бригадирша специально кричала, громко, чтобы другие слышали. Она была очень вредная, ее все боялись. Она очень любила, когда ее бригада выполняет план и её хвалило начальство. Она громко кричала, чтобы все смотрели и завидовали, как я эту кашу буду кушать, чтобы они тоже старались лучше работали. Если бы она была добрая женщина, она бы потихоньку зашла, чтобы никто не видел, и дала бы мне

мою кашу, и я бы ела тихонько, и не стесняясь, и чтобы никто не смотрел в рот. Ведь все люди были голодные.

Эта каша оставалась в столовой, и её раздавали тем, кто хорошо работал. Бригадирша уже приносила раз кашу и получила её та женщина, с которой я тайно соревновалась. Бригадиршу нашу звали Мария.

Бригадиры всегда поздно приходили из конторы, когда мы уже вечером шли с работы. Мы сразу бежали в столовую и всей бригадой становились в очередь. Через раздаточное окошко нам наливали в котелок черпак баланды и выдавали с наперсток каши. В этой баланде плавали листья от свеклы или капусты. Те листья, которые мы на Волге выбрасывали свиньям, когда очищали кочаны, чтобы посолить на зиму капусту. В большой чан повара клали всякий силос и варили для нас жидкий суп.

Бригадирша стояла у раздачи, пересчитывала всех нас и отмечала в своём списке. У поваров тоже был такой список от каждой бригады, и они тоже вели свой учёт. В конце раздачи они сверяли свои записи.

Потом Мария шла в хлеборезку и получала на бригаду хлеб, пайку для каждого из нас. А мы шли в барак, ложка нам была не нужна, пока мы доходили до своего барака на ходу просто выпивали из котелка всю баланду, а котелок тщательно облизывали, хотя там уже ничего не было.

В бараке все сидели на нарах и ждали наш хлеб, а хлебушек этот был предназначен на завтра. Надо было его оставлять до утра, но он, как семечка в кармане, не давал нам покоя и все мысли только о нём, только о еде. Голод боролся с нашей силой воли и всегда побеждал. Люди не могли его оставить на утро и съедали весь хлеб вечером. А хлеб черный-черный, как чернозём и тяжёлый и сырой, как земля матушка. Возьмешь пайку, сожмешь в кулаке, получается кусок теста. Несколько раз откусишь – и хлеба нет. Небольшой кусочек весил 500 граммов, а если нормы не выполнишь, получишь только 300 граммов.

Хлеб был тяжёлый, как камень, не такой лёгкий как сейчас. Сегодня 500 граммов хлеба за день люди не съедают, потому что сытые, жира хватает и всякого другого питания, а тогда мы ничего не получали: ни жиров, ни сахара, ни фруктов, ни рыбы, вообще ничего.

Чтоб работникам хоть что-то попало в желудок, решили хлеб выдавать утром, приходилось нашей бригадирше вставать пораньше и бежать в хлеборезку получать хлеб. Вечером она поздно приходила из конторы, и ей тоже мало приходилось спать.

Несколько раз ночью нас всем лагерем поднимали по тревоге и сотни людей пригоняли на станцию грузить вагоны лесом. Под погрузкой, как правило, стоял целый железнодорожный состав. Его надо было срочно загрузить баланами, толстыми, тяжёлыми брёвнами.

К вагону без крыши по наклону ставили несколько брёвен и по ним в горку с помощью багров, ваг, веревок, десятки людей закатывали брёвна наверх и от туда они с грохотом падали на дно, от чего весь вагон вздрагивал, стонал и качался как живой.

При погрузке нередко бывало, что тех, кто не успел увернуться от падающего в вагон бревна придавливало и никто уже не в состоянии был это бревно в вагоне сдвинуть с места. Состав так и отправляли с придавленным человеком.

На станции назначения, при разгрузке, несчастного освобождали из неволи и можно только представить какими мучительными были его последние часы, если смерть не наступала сразу.

Мы так похудели, что от многих остались только кожа и кости. Раз в месяц нас водили в баню. Сидя мыться мы не могли, из того места на котором сидят, торчали кости под тонкой кожей. Сидеть было не на чём, мылись стоя. Потом мы стояли, обняв столбы в мыльном отделении, и ждали, пока принесут нашу одежду из прожарки, где паром выводили вшей.

Если сравнить с кадрами военной кинохроники, где показывают узников концлагерей, то мир увидел бы, что наше состояние было хуже. Их не заставляли работать, так как нас. Мы должны были не лежать на нарах, а тяжело работать, без выходных по 12 часов подряд. Нас презирали, мы были бесправнее древних рабов.

КАРТОШКА

Однажды вечером пришла наша бригадирша, принесла что-то в котелке, подошла ко мне и спросила:

– Не спишь?

– Нет! – Говорю.

И она подала мне котелок с мерзлой картошкой. Там было примерно килограмма полтора. Мария пошла дальше, другой котелок отдала Оле и легла спать. Я сразу встала, взяла свой котелок, налила туда воды, поставила на печку и стала варить. Печку у нас дневальная топила круглые сутки. Картошка ещё не сварилась, она только горячей стала, а я её уже начала чистить и жевать тихонько, одну за другой. Вдруг я увидела, что одна пожилая женщина слезла с нар, села напротив меня и смотрит мне в рот, как я жадно грызу эту мерзлую картошечку. Чтобы никого не разбудить, она рукой показывает мне: мол, дай мне одну картошечку. Я дала ей две, а сама думаю, хоть бы никто больше не проснулся, я больше никому не отдам ни одной картошки. Не поменяю её даже на золото, хоть раз наемся досыта. В этой

картошке моя жизнь!

С тех пор я вечером не могла уснуть, пока наша бригадирша не приходила в барак. Я все время её ждала, может, она опять принесет мне чего-нибудь покушать.

Когда человек голодный, он думает только о еде. А голод был такой, что люди совесть теряли. Эту картошку в наш лагерь привезли, когда был сильный мороз. И видно ее прихватило морозом, а чтобы добро не пропало, картошку решили отдать передовикам в каждую бригаду.

Вот мне и перепал подарок от самого Деда Мороза, с тех пор я всегда ждала, чтобы на складе еще замерзла бы картошка и мне бы её принесли поесть. Но мороза больше не было, и мне больше не приносили мерзлую картошку.

ВАЛЕНКИ

На втором году отбывания трудовой повинности нам с фронта привезли ватные штаны, бушлаты и шапки. Только от шапок были оторваны звездочки, и на бушлатах были пятна крови и дырочки от пуль. Видно с убитых и раненых поснимали одежду. Наши вещи были изношены до основания и порвались.

Мария принесла эти вещи в барак и всем раздавала. Мне нечаянно досталась шапка со звездой. Женщины сразу прозвали меня «наш солдатик».

Однажды вечером наша бригадирша принесла в барак новые валенки и за хорошую работу их дали мне и Оле. Мы были очень рады, но ещё большую радость доставил бы нам кусок хлеба.

Обувь у нас была страшная. Чулки, стеганные ватой, а на них мы одевали чуни. Чуни были сделаны из автомобильных колес. Мы привязывали их к чулкам веревкой, чтобы не потерять. Так мы и ходили, как бурлаки на Волге. Чучело огородное и только, мы на людей то не были похожи.

Я взяла эти валенки, и положила их себе под голову, как подушку, и размечталась.

Валенки эти я носить не буду, а когда окончится война, и нас отпустят домой, я их одену и приеду красавицей домой, если, конечно, жива буду. Мама увидит меня и обрадуется. Как она там живёт? Почему нам не разрешают писать домой письма. Неизвестность, она так мучает.

Вот такая была я, сказать, экономная, или настоящая дура. Я очень жалела свою обновку, мне было жалко порвать новые валенки в лесу. Я продолжала ходить в лес со своими чунями, работала, и старалась изо всех сил. Я такой человек, я не могла иначе, хотя чувствовала, что я стала такая слабая, но я не поддавалась свои чувствам, и

старалась, чтобы трудовая норма была выполнена, хоть кровь из носу.

ПРИМЕР

На выходе из лагеря на работу, солдаты охраны всех предупреждали, словно мы были заключённые уголовники:

– Шаг влево, шаг вправо, стреляем без предупреждения!

Утром, когда мы проходили через проходную нас остановил начальник лагеря и начал инструктировать и наставлять, чтобы все хорошо работали, чтоб каждый давал норму. Это надо фронту, это надо для победы. Он вывел меня из строя и велел всем брать пример с меня, малолетки.

– Она маленькая, а план выполняет, как большая! – Кричал он. – Значит, так надо работать всем!

Я была молодая, в политике ничего не понимала, верила всему, что нам говорят, и думала: лучше умру на работе, а норму свою выполню.

А пожилые женщины вспоминали своих оставленных детей, много плакали от горя, их душила жалость, неизвестность и обида, поэтому норму свою они выполнить не могли.

Моральное состояние и здоровье доводили их до истерии и припадков. Они быстро становились доходягами, умирали от бессилия, тоски и душевной боли. Ни о какой норме они не думали и впадали в заколдованный круг. Не выполнишь норму, не получишь еду, не покушаешь, не сможешь выполнить норму и всё пойдёт под откос. Многие женщины от расстройства заболели эпилепсией и бились в припадках. Когда я впервые увидела это, то очень испугалась и мне долго было плохо.

ПЕРЕЛОМ

Когда шли с работы и в бригаде не хватало человека, нас в зону не пускали. Все усталые и голодные ждали на холодном ветру и ругали тех, кто еле плёлся.

Бывало кто-то умирал в лесу, на рабочем месте – упал в снег и конец. Тогда бригадирша докладывала об этом охране, они пофамильно устраивали перекличку, составляли акт недостачи, бригадирша подписывала его и нас запускали в зону.

Однажды у меня случилось несчастье. В этот день было немного ветрено, и я спилила уже все деревья, которые мне надо было для нормы, кроме одного. Оно было большое толстое, в нем было много кубиков, то есть кубометров. Я прибрала все сучья в кучу, распилила все стволы по размерам, сложила в поленницу и взялась пилить толстое дерево, с расчётом, чтобы оно упало рядом, и мне поближе было таскать, ведь дерево было толстое и тяжелое.

Я сделала топором на стволе зарубку и стала пилить, чтоб оно упало туда, куда мне нужно. Но ветер дул в противоположную сторону, был против меня, зажимал пилу в стволе, не давал работать.

Я взяла вилы и стала давить, чтобы дерево упало в нужную сторону. Вилы эти похожи на ухват, которым ставили чугунки в русскую печку, только ручка была намного длиннее.

Я долго мучилась, но угадала тот момент, когда ветер ослаб, и дерево упало, так как мне надо было. И я упала вместе с ним.

Я немного полежала и встала, пощупала все ли у меня цело. Чувствую, что сил во мне больше нет, не могу работать, вроде как болею. Кое-как зажгла костер и села у огня. Дерево распилить я уже не могла. Настало время собираться домой, подошла наша Мария и десятник мерить выработку.

А я сижу на пеньке и не работаю. Это для бригадирши как острый нож в сердце.

– Ты тоже лениться стала? Работать не хочешь? – Закричала она. Я ей сквозь слезы говорю:

– Я болею! Сил никаких нет.

– Покажи бюллетень!

– А у меня его нет.

– Ну, вот ты дерево распили и на место положи, а потом пойдёшь домой, а так не пойдёшь! Понятно?

Десятник все равно мою поленницу замерил, засчитал и говорит ей:

– Пускай идет домой. Если не болеет, завтра на место сложит. А вдруг она действительно не может?

– Тебе хорошо говорить, а мне придется отдуваться за нее и за всех остальных. Мне нельзя никого жалеть. Понятно? – Напала она на десятника.

Я все же вернулась домой с нашей бригадой и сразу пошла к врачу. Врач был старик из заключенных. Звали его Иван Иванович. Наш десятник тоже был из заключенных. Но они были хорошие, добрые люди.

Я зашла в кабинет, и врач меня спрашивает:

– Вы первый раз? На что жалуетесь?

– Заболела я. Сама не знаю, как, но у меня все болит.

Он мне температуру измерил и говорит:

– Милая моя девочка, я не могу освободить тебя от работы, у тебя нет температуры. Нам, врачам, строго запретили освобождать каждого, кто к нам приходит.

– Я работать не могу! – заплакала я. А он меня спрашивает

– Что ты делала? Почему ты вдруг заболела?

Я стала рассказывать, как дерево валила вилами, как дерево упало, и я упала.

– Что ты мне сразу про это не сказала?

Он мне надавил на плечо и крутанул, кость щелкнула и села на место. Врач говорит:

– Вот мы и нашли твою болезнь. Ты сломала себе ключицу.

Чтобы кость срослась, врач наложил на мою правую ключицу гипс, а чтобы я ей не могла шевелить рукой, привязал к шине-дощечке, которая называлась «самолёт» Так я стала лётчицей, зато врач дал мне бюллетень.

Сидела я со своим самолётом в бараке и не работала. Как не работающая, получала только первый котёл, одну баланду. Хлеба не положено. Выпью баланду – сижу голодная. Так я с недельку посидела и полежала, совсем ослабла. Думаю, лучше бы я пошла на работу.

Утром все собираются на работу. А бригадирша кричит на Катьку:

– А ты чего лежишь?

– Я на работу не пойду.

– Пойдешь! Ты и так, лентяйка, ни разу норму не сделала, а теперь совсем работать не хочешь. А ну-ка вставай сейчас же!

А Катя говорит ей:

– У меня чуни сгорели, я не могу в лесу босиком работать.

Мария ей говорит:

– Меньше у костра стоять надо. Ты целый день стоишь у костра и не работаешь. Будешь сегодня босиком работать, у меня для тебя обуви нет.

А Катя ей говорит:

– Вот у Попки есть валенки, дайте мне их, и я пойду на работу.

Я как это услышала, аж закричала.

– Тебе, Катька, я их не отдам, ни за что на свете. Я их заработала, а не ты. Ты лентяйка. Ты и их прожжешь! Специально! Я тебя знаю!

Они еще долго спорили, а время идет. Надо идти работать. Мария мне говорит:

– Лидия, отдай ей валенки на один день. Завтра я ей выпишу чуни и тебе валенки отдам обратно.

– Не дам я ей мои валенки, она их мне угробит, сожжет!

Мария полезла ко мне на полати и отобрала у меня мои валенки. Я не могла с ней справиться с одной рукой. Я их ни разу не одевала, так не хотела отдавать, а Мария сказала Катьке:

– Вечером ты ей вернешь валенки.

Я плакала от обиды. Вот такая у нас была Мария бригадирша, сильная, грубая, властная. Много людей ей смерти желали. Многих она обидела.

Наступил вечер, все пришли с работы. А Катька не отдает мне валенки. Когда Мария пришла из конторы, я её спрашиваю:

– Где мои валенки?

Она подошла к Катьке, и та отдала ей валенки. Оба валенка были прожженные. Она их тоже прожгла около костра, наверное, специально. У одного валенка была сквозная дыра. Что мне оставалось делать? Зря их берегла. Нету у меня больше новых валенок. Я их и не взяла, а только громко заплакала.

Мария с Катей долго ругались, чуть до драки не дошло. Потом Мария Катьке говорит:

– Я знаю! Это ты все нарочно сделала, лентяйка. Но я тебе это припомню! Сто раз ещё пожалеешь!

Из-за шума в бараке люди не могли спать. Такие стычки за все эти годы у нас происходили постоянно.

ПОЖАРНИЦА

Я сидела в бараке и думала, что я тут с ума сойду без хлеба, без работы. Вечером, когда все приходили с работы, все шли в котлопункт получать свою баланду. Я была свободна и еду ходила получать пораньше. Повар мне через окошко выдаст мою порцию, и пока в списке меня отмечает, я ее уже выпила.

Вечером подходит ко мне наша Мария и говорит:

– Для тебя есть хорошая новость! Тебе нашли работу.

– Какая может быть мне работа без одной руки? – удивилась я.

– Ты будешь пожарником!

– Как я могу тушить пожар без руки? – Ещё больше удивилась я.

– Это не совсем так! Давай я расскажу тебе про твои новые обязанности! В лесу, где все бригады сейчас работают, весь день жгут костры, чтобы сжечь все ветки. Эти костры нельзя ночью оставлять без присмотра. Если подует ветер, раздует угли в костре, пламя может вызвать лесной пожар. Так вот ты будешь по ночам дежурить, обходить делянки и следить за огнём.

– Ты не переживай, когда тихая погода, пожара не будет. Правда, в прошлый год здесь горел лес, но тогда был ветер очень сильный.

– А если пожар случится? Что мне делать?

– Там в лесу стоит высокая пожарная вышка, на ней есть кнопка, ты нажмешь и включиться громкая сирена. Приедут пожарники и потушат пожар. Завтра с утра ты уже будешь получать свой хлеб, рабочую пайку!

Ну, думаю, опять мне Бог помог. На другую ночь я пошла одна в лес. Делянка было не близко, но я все нашла, меня никто не провожал. И вышку я увидела, и костры, которые еще тлели. А как ветер сильнее подул, угли ясно разгорелись и светились в темноте как звёзды. Неко-

торые головёшки так стреляли, как будто из ружья.

Я испугалась, мне казалось, что это волков стреляют. А может, и медведи тут ночью бродят. Мне так страшно стало. Площадь обхода была очень большая, а я даже до края делянки не доходила, уставала. Садилась на пенек и тряслась от страха. Встану, залезу на пенек и смотрю до края просеки, докуда глаза видят.

Там далеко-далеко видно как костер догорает. Ветерок подует, угольки разгорятся. Я пошла туда, дошла до костра села на пенек и грелась, тепло идет, хорошо.

Так спать захотелось, что не заметила как задремала. Сколько проспала, не знаю. Когда проснулась, костер уже догорал, и я замерзла. Ладно, думаю, первую ночь отдежурила, надо идти домой. Скоро утро.

Пошла домой, а сама переживаю, вдруг еще не утро и мне попадет, часов-то у меня не было.

Я сама не рада своему характеру, такой он беспокойный. Пришла в барак, а наши уже собираются на работу, в самый раз угадала. Мария уже принесла всем хлеб, и я тоже получила свой полный рабочий паёк, сразу села и стала кушать.

– Ну как? Все нормально? – Спросила меня бригадирша:

– Да! – Кивнула я головой в ответ и легла отдохнуть. Все ушли в лес, стало тихо.

Ко мне подошла тетя Амалия, которую все звали Амла, эта пожилая женщина была наша дневальная, и тоже из нашего города Бальцера. Мы разговорились.

Я ей рассказала, что в лесу ночью одной было очень страшно! Я боялась волков. Она меня успокаивала, говорила, что в этом лесу волков нет. Наш лагерь тут не один. Тут кругом лагерь за лагерем стоит, и везде лес пилят и костры жгут. А звери огня боятся, близко не подходят.

Смело приходи, садись около костра и отдыхай. После такой беседы я перестала бояться.

Приду ночью на делянку, посмотрю кругом: все ли в порядке? Сижу у костра и греюсь.

Не раз залезала я на высокую пожарную вышку, и с высоты все осматривала, сверху далеко все видно. Только там наверху долго не посидишь, холодно, ветер резкий, внизу намного теплее.

Я уже научилась определять, когда настанет утро – на небо посмотрю и когда вижу, что горизонт немного светлее становиться, значит можно потихоньку идти домой.

Днем ходила к врачу на приём, он меня проверял, и говорил, что гипс скоро можно снять, все хорошо зажило, но мы его будем держать подольше, а, то снимем – и тебя сразу отправят на лесоповал. Так я

работала пожарником, пока у меня был бюллетень.

НАДЕЖДА

Однажды в лесу Мария с десятником подошли ко мне замерить мою дневную выработку. Я была рада, что сделала норму и теперь могу идти домой отдохнуть. Но не тут-то было. Мария мне говорит:

– Ты чего там один пень выше спилила, чем положено?

– Нет, я все сделала нормально, – говорю.

– Пока ты этот пенек не спилишь пониже, домой не пойдешь, – отвечает Мария и дала свисток, чтобы все собирались домой, а меня она оставила в лесу и я стала пилить этот пенек.

А пила не пилит, зажимает ее. Пенек пилить в сто раз труднее, чем дерево свалить. Я столько промучилась, уже совсем поздно стало, а я сидела и думала: чего мне делать?

Потом я взяла клин и забила его топором в пропиленную щель подальше и стала пилить дальше. Отпилила, села отдохнуть. Потом поднялась и пошла через лес, через валежник искать нашу просеку, чтобы домой попасть. Наконец я выбралась на поляну, стою и думаю, куда мне теперь идти?

В эту сторону пойду – вдруг попаду к заключенным. Я очень боялась, когда слышала про заключенных, я все время думала, что это одни убийцы, а оказывается в то время в лагерях сидели умные и невиновные люди. Я решила идти дальше, мне уже было все равно, я так устала.

Шла, шла и увидела свет, это была будка нашего инструментальщика. Он всю ночь в лесу точит наши инструменты, он тоже был бывший заключенный, как наш врач и десятник. Теперь они считались вольнонаемные, он здесь и жил, в своей инструменталке.

Он взял у меня пилу и топор и говорит:

– Ваша бригадирша уже два раза прибегала и тебя спрашивала.

Я ему все рассказала. Он говорит:

– Она бессовестная, ее Бог накажет! Вот у тебя лучок стахановский, ты хороший работник, я твой лучок всегда точу, так чтобы он сам пилил, и топор тоже.

Он напоил меня чаем, и я пошла в лагерь.

В бараке все уже спали, одна дневальная не спала. Она как раз дрова в печку подбросила, чтобы печь не потухла. Она меня спрашивает:

– Ты почему так поздно?

Я ей рассказала, что заблудилась в лесу. А она говорит:

– Зато эта «щучка» ваша все время взад-вперед бегала, нервничала чего-то.

Я пожала плечами и пошла спать. Тут забежала бригадирша, увидела, что я дома и говорит:

– Ты что так долго в лесу была?

Я ей не ответила. Она говорит:

– Вот тут твой суп и премплюдо. Я молча взяла еду, и она ушла.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЛЕС

Зимой мы получили новое задание и нас временно перевезли в другое место. Утром по свежему снегу повели на дальнюю делянку. То, что мы увидели, было страшно. Белый снег и чёрный лес. Чёрные деревья, чёрные стволы. Это был горевший лес. Видно здесь был сильный лесной пожар. Огонь бушевал на живых деревьях. Сухостой, верхушки деревьев, маленькие ветки, хвоя, всё сгорело. Как головёшки стояли чёрные обугленные стволы с толстыми голыми сучками, которые ещё остались при дереве. К чему не притронешься, везде сажа, всё мажется чёрным цветом.

Мы трудармейцы назвали это место железный лес, казалось, что он был тяжёлый как из железа, пилить его было очень тяжело и грязно, всюду угли, головёшки, о которые нельзя было не замараться.

Когда нас после работы привели на новое место, это было огромное пепелище от сгоревшего когда-то лагеря. Всё сгорело: бараки, столбы, контора, сторожевые вышки, высокий забор, от которого осталась только колючая проволока. Чёрные трубы печек стояли голые как свидетели бесстыжего грабежа огня. Все недогоревшие головёшки до тошноты были пропитаны стойким запахом гари. Страшно представить, что там было. Спасся, говорят, лишь одни человек, который отсиделся в колодце.

На кое-как расчищенном месте поставили круглые юрты. В середине установили железную печку, кругом были сделаны низкие, узкие двухэтажные нары. Зимой, когда были крепкие морозы, печку сильно топили, вечером было жарко, мы ложились спать, а к утру тепло улетучивалось и, проснувшись, мы замечали, что наши волосы примерзали к стенкам юрты.

Весной, когда снег растаял, кругом стали видны бугорки, кучки золы, головёшки, всякая всячина из металла, искорёженная сильным огнём. Я взяла палочку, стала разгребать одну кучку и нашла там красноармейскую звезду и несколько железных военных пуговиц разной величины, которые полурасплавились.

Я стала разгребать дальше и наткнулась на человеческие кости. Видно, люди сгорели живьём. Мне стало плохо, и я убежала.

Люди рассказывали, что в бараках все сгорели заживо, никто не спасся, ни заключённые не охрана, ни начальство. Это была братская

могила для всех. Страшно представить, что здесь творилось.

Чёрные деревья, чёрные стволы, чёрная трава, чёрная земля и всё покрыто золой и пеплом.

Когда мы этот лес спилили, нас вернули назад в основной лагерь, где были бараки.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ

Как-то к нам в лагерь приехал пожилой представительный мужчина. Он отобрал в лагере самых молодых девчонок, чтобы учить их на стрелочников железной дороги. Я тоже попала в эту группу. Он нас учил и всё повторял:

– Вы будете учиться здесь две недели, потом я вас увезу на железную дорогу, там вы пройдете практику с человеком, который вам все покажет и расскажет. Потом вы будете работать стрелочниками. Вы только постарайтесь выучить самое главное, чтобы вас отсюда вырвать, чтобы вы остались живые, мне вас жалко.

Он нам все объяснял, задавал нам задание и уезжал до следующего урока. Во время учебы мы получали только первый котел без хлеба, но если будем работать на железной дороге, то всем выдадут продукты питания сухим пайком, а это целое богатство.

Мы очень хотели учиться, но все время думали о еде. На пустой желудок учеба совсем не шла. Среди нас были такие девчонки, которые немного умели по-русски читать и писать, но были и такие, которые по-русски и говорить не могли.

Через некоторое время учитель опять приехал и сразу заметил, что дела у нас совсем неважные. Проверил у всех задания и говорит:

– Так дело не пойдет. Осталась всего неделя. Давайте теперь будете в этой комнате каждый день учиться.

Меня выбрали за старшую, и я стала за всё переживать. Сама ничего не понимаю, да еще за других приходилось думать. Учитель нам все объясняет, в журнале все отмечает, говорит, что нам надо выучить. И умоляет всех:

– Старайтесь! Я все равно всех вас отсюда увезу.

И опять уехал. Мы каждый день собирались вместе и учились. Все очень переживали, что провалимся на экзамене. И я говорю:

– Девчата! Учитель очень хочет всех нас отсюда увезти, он сам будет у нас принимать экзамен. Давайте будем думать, что мы все отсюда уедем и будем жить другой хорошей жизнью. Если мы так будем думать, то у нас будет больше сил, и Бог даст, мы все уедем. Давайте, девчонки, нажмем в эти последние дни нашей учебы. Скоро мы будем жить другой жизнью, учитель нас здесь одних не оставит. Самое главное – это наша практика. Там мы все усвоим.

Сама говорю, а чувствую себя неважно, вроде как болею и думаю, хоть бы дожить, пока учитель приедет. Так мы разошлись по баракам, чтоб завтра встретиться.

ЖЕЛТУХА

Вечером в наш барак зашла медсестра и стала осматривать людей. Дошла очередь и до меня, я слезла со своих нар. Она меня осмотрела: тело, глаза, голову и говорит:

– У тебя, Лидия, желтуха! Тебе надо срочно в больницу. У тебя уже глаза желтые и на голове все желтое.

Я заплакала и говорю:

– Мне нельзя в больницу. Мы через два дня уезжаем, на учёбу и на практику. Я тут больше не могу. Пожалей меня.

– Я не могу тебя здесь оставить с этой болезнью. Она заразная и переходит на других людей. Тебя лечить надо, – сказала медсестра. Она сразу увела меня в больницу.

Все мои девчонки уехали учиться и на практику. Учитель приходил ко мне в больницу, но врачи рассказали ему, какая у меня болезнь, и он понял, что с такой болезнью ехать мне нельзя. Я болела желтухой три недели. Меня лечили врачи, но болезнь никак не поддавалась и я горько плакала.

В этой больнице лежала одна пожилая женщина, она была не немка и не русская. Она подозвала к себе медсестру и говорит:

– Я вам посоветую, как вы можете эту девчонку вылечить от желтухи. Надо вам достать морковку и в середине ее выскоблить. Пусть она туда помочится и морковку повесит где-нибудь в печную трубу. Ей надо три раза сказать:

– Как моча моя высохнет, так пусть и моя желтуха высохнет. Во имя Иисуса Христа!

– Вот только где мы возьмем морковку?– Спрашивает медсестра.– Я пойду в столовую, может там найдется одна морковка.

Она пошла туда, но морковки там не было. Повар пообещал взять морковку на складе, когда, поедет получать продукты. Потом принесли мне морковку, я стала делать, как сказала нам женщина. Сделала сверху дырочку и туда помочилась. Продернула нитку, защемила хвостик, повесила морковку в трубу и три раза повторила молитву.

Лежу в кровати и с нетерпением жду улучшения. Просто удивительно, но болезнь ушла в считанные дни. Я вылечилась от желтухи и больше ее никогда не было. Как женщина сказала, так всё и было. Значит, опять мне помог Бог.

РЕВМАТИЗМ

В Вятлаге на лесоповале я была в трех местах: в 3 лагере, в 10 и 11 лагпунктах.

Я доработалась до того, что уже не могла ходить и меня опять положили в больницу. Там я пролежала целый месяц, у меня был обострённый ревматизм. От простуды у меня всё болело. Всю зиму мы ходили в чунях, туда набивался снег, потом он таял, ноги целый день были мокрые и холодные. Я лежала в постели и не вставала. Мне даже приносили судно в кровать. Я не могла шевелиться. Помню, как мне все тело мазали каким-то спиртом, то ли камфарным, то ли другим, даже в глазах от него горело. Меня закутывали в одеяла, чтобы было тепло, и не разрешали открываться.

Потом легче стало, пришлось мне в 19 лет заново учиться ходить, совсем как маленькому ребенку.

Я этого тоже не забуду, сто раз «Спасибо!» сказала я этим врачам. Когда меня выписали, врач говорит:

– Все хорошо будет! Ты молодая. Только резиновую обувь больше постарайся не носить. И летом, когда греет солнце, ноги зарывай в тёплый песок. Это для них будет очень полезно.

СТАРЦЕВО

После больницы меня отправили в другой лагерь. Он был тоже в Кировских лесах и назывался Старцево. Когда я туда приехала, увидела вспаханные поля. Здесь выкорчевали все пеньки, перепахали землю, посадили капусту, картошку, лук, морковь и другие овощи.

Меня поселили в женский барак. Там жили такие же, как и я, трудармейки. Была весна, люди работали на разных работах. Одни перебирали картошку в овощехранилище, другие делали горшочки и сажали в них рассаду, а потом её высаживали в парник.

Я неделю перебирала картошку. Это, конечно, не лесоповал, можно было сидеть и мы хоть сырой картошки наелись. Около дверей овощехранилища, там, где ворота, картошку зимой подморозило, и она стала сладкой. Она для нас была вкусней, чем сейчас яблоки. Мы перебирали картошку, а гнилые клубни высыпали в тачку.

У женщин были ножики, мы чистили картошку и ели её, а очистки бросали в тачку и сверху засыпали гнилью, чтобы ничего не было видно. Вечером, когда мы шли домой, нас обыскивали. Всех обхлопывали и выворачивали карманы. Но мы и тут приспособились, ножик прятали в овощехранилище. Картошку разрезали пластинками и прятали на голове. Разгладим волосы, подсунем туда картошку и сверху шапку оденем. Вечером в бараке варим картошечку или печем её на печке.

Перебирая картошку я думала, тут столько картошки и всяких овощей, почему нам ни разу за все эти годы в Вятлаге картошку нам ни разу не варили и в супе я её не находила.

Я ещё тогда удивлялась, откуда на помойке у столовой были очистки, из-за которых стреляли в голодных трудармейцев, которые хотели их на помойке собрать и съесть.

Одна женщина говорила, что это всё в зоне получает начальство, охрана, и всё наше лагерное руководство. Всё что мы тут вырастили, идёт им на стол, а их тут развелось очень много.

Отходы, листья свеклы и капусты идут работягам трудармейцам. В лесу, осенью, люди заготавливали «Иван чай» он рос высокий и его тоже как силос закладывали в эти чаны и из этого варили бурду-баланду.

На этой работе мы были не совсем голодные. Когда кончили перебирать картошку, нас перевели на другую работу. Пришлось расстаться со своими сытным местом, жалко было расставаться с картошкой, но что поделаешь. Рабы свободой только грезят.

Осенью людей заставляли в лесу собирать Иван-чай. В этом лагере я увидела большие чаны, в которых солили отходы от капусты, листья от свеклы. Теперь я знала, из чего в лагере готовили баланду.

Настала весна, а за ней посевная. Организовали из нас полеводческое звено. Рассаду садили, капусту, свеклу, морковь. Меня назначили звеньевой, чтобы все было сделано быстро и аккуратно. Пообещали, что, если постараемся и соберём хороший урожай, то осенью будет премия.

Я опять начала за все переживать и стараться работать изо всех сил. После больницы я уже немного поправилась. В парниках, где мы работали, был песок, я, бывало, зарою в теплый песок свои ноги, чтоб никто не видел и сижу, лечусь, как умею. И так хорошо моим ногам становилось, что ходить начала вполне нормально и уже не хромала.

СТРАШНАЯ БОЛЕЗНЬ

В апреле 1944 года у нас в лагере появилась страшная болезнь: дизентерия. Все называли ее также «кровяной понос». Людей не успевали лечить, они умирали в муках и очень быстро. Я снова попала в больницу. Это было страшно, санитары только успевали выносить мертвых. В этой больнице главным врачом был мужчина, то ли русский, то ли еврей, а помощником у него была врач наша руссланддойче, женщина из нашего Бальцера. Её дочь Эмма работала в этой больнице медсестрой. Когда она увидела в списках фамилию Попп, она меня спросила, кто мой отец? Я ей рассказала.

– Моя мама врач. Она знает очень хорошо твоего отца,– сказала

Эмма.

Я её спросила:

– Почему люди так быстро умирают? Почему врачи не могут их лечить?

– Это очень тяжелая болезнь и не хватает лекарств. Мы стараемся, как умеем, но некоторым уже ничего не поможет.

– Я тоже умру? – Спросила её я.

– Не знаю, можешь и выжить, – ответила она, – я тебе принесу сухариков, ты их кушай. Лекарство тоже принимай. Хочешь - не хочешь, а надо через силу кушать, чтобы организм не совсем ослаб.

Я стала все делать, как мне говорила Эмма. А около меня люди мрут, как мухи. Каждый день санитары выносили мертвецов. Скоро и меня будут так выносить, когда я умру, равнодушно думала я. На следующее утро на обход пришла моя знакомая медсестра, и говорит мне:

– Держись! Ты выживешь! Ты молодая и сегодня нам поступило немного лекарств. Я тебе принесла сильные таблетки.

Эмма уделила мне немного внимания, оказала дружескую поддержку, мне сразу стало легче. На другое утро она опять зашла в нашу палату и всех послушала. Потом нагнулась надо мной и прошептала:

– Сегодня ночью привезли тяжелую больную из лагеря Болотное. Её зовут Катя Попп.

Как она так сказала, я вскрикнула:

– Это моя тетя Катя! Я хочу к ней!

– Она лежит в коридоре, в палатах места больше нет. И она еще не пришла в себя. Будем лечить, может, завтра ей станет немного легче.

Я говорю:

– Нет, я хочу сейчас ее увидеть.

Я потихоньку встала и, держась за стенку, пошла, сама еще слабая, чуть живая.

Это была моя тетя Катя. Посмотрела я на нее и заплакала. Она была худая, бледная и так постарела, что страшно было на нее смотреть. Я погладила ее руки и говорю ей:

– Тетя Катя, это я, Лидия. Я еще жива, и ты должна выжить. Ведь у тебя дома трое маленьких деток, они тебя очень ждут.

Но она лежала, как труп, без движения и признаков жизни. Я постояла, поплакала, силы мои кончались, я ушла в свою палату и легла в постель. Меня трясло от бессилия, безнадёжности и обиды. Что с нами сделали?

Время шло, мне стало легче, моя тетя Катя тоже пришла в себя, но она была ещё очень больная и очень слабая. Я каждый день находилась около нее и ухаживала за ней как могла. Эмма помогала нам с лекарствами и дело пошло на поправку.

ПИСЬМО

В больнице лежало много людей из нашего Бальцера. Утром ко мне в палату подошла женщина и назвалась Марией. На Волге, в Бальцере, она хорошо знала нашу семью. Мария сообщила, что получила письмо из Перми от своего мужа. Он тоже находился в трудармии, там же где были мой отец и дядя Райнгольд, муж тети Катин.

Я взяла письмо, но руки мои дрожали, а слёзы от плохих предчувствий заливали глаза. В письме было написано, что мой отец умер. А через месяц умер и дядя Райнгольд. Я упала на кровать, отвернулась к стенке, долго и безудержно плакала. Самый родной мне человек погиб в расцвете своих сил. Ему исполнилось всего 43 года, а дяде Райнгольду было только 39. Как там наша бедная мамочка? Жива ли она ещё? Знает ли об этой страшной новости? Я закусила в рот подушку, ревела, как белуга, и не могла успокоиться. Меня трясло от переживаний и досады. Что с нами делает наша Родина, наша мать?

Все люди в нашей палате удивлялись, как это письмо могло дойти. Цензура всё проверяла, наша собачья жизнь была государственной тайной. Мы письма не писали и не получали, да и не было у нас карандашей и бумаги, а углём на брёвнышке много не напишешь. Мы жили в неведении и не знали, что творится на белом свете. Ни радио, ни газет, ни новостей у нас не было.

Муж Марии, наверное, работал в конторе около начальства, и сумел тайно написать и отправить это письмо. Надо было как-то сообщить о письме тете Кате. Эмма говорит:

– Ей очень надо, чтобы была какая-то радостная весть. Тогда она может поправиться.

Правда могла её убить. Мы решили это письмо прочитать ей по-другому.

Я взяла письмо и пошла к ней вместе с медсестрой. Я прочитала ей письмо, сообщила, что мой папа умер, а дядю Райнгольда актировали и отпустили домой. Теперь он с ребятишками сидит дома с нетерпением ждёт-не дождётся встречи со своей дорогой Катенькой.

Тётя Катя слушает, а потом и говорит:

– Дай мне это письмо и посадите меня так, чтобы я могла его сама прочитать.

Мы ее посадили и поддержали, она не могла даже сидеть. Письмо она прочитать не смогла, оно было написано на русском языке, а она могла читать только по-немецки.

Тетя Катя со слезами на глазах смотрела на бумагу с надеждой, погладила рукой и даже понюхала, потом закрыла глаза и спокойно уснула

После этого письма она пошла на поправку. Она всем говорила, что её ждут дома муж и дети.

Так мы потихоньку поправились и стали на ноги. Мне вскоре пришлось опять работать, а тетя еще оставалась в больнице.

ЛИКБЕЗ

В лагерной больнице лежали очень умные и образованные немцы, они тайно делились своими знаниями и незаметно среди нас проводили ликбез – ликвидацию безграмотности. Они рассказывали, что наш Вятлаг был организован 5 февраля 1938 года, ещё до начала войны. Это один из самых крупных концентрационных лагерей в системе ГУЛАГа. Он подчиняется главному управлению лагерей лесной промышленности НКВД СССР. В нём 38 лагерных пунктов и все они занимаются лесозаготовкой.

Во всех лагерях очень трудные условия проживания, потому что все они находятся в болотистой местности с очень высокой влажностью. Летом людей съедают комары и мошка. От них нет спасения в лесу и в бараках. Зимой никуда не спрячешься от страшных морозов.

Лагерный центр управления находился в посёлке Лесной. С первых дней войны лагеря снабжают пиломатериалами заводы оборонной промышленности.

Немецкая нация – единственная в СССР, где женщины призваны через военкоматы в трудармию. Немки-трудоармейки наравне с мужчинами работают на лесоповалах и на лесосплавах в самых глухих таёжных местах, куда трудно завозить даже продукты. Люди умирают там от голода и непосильного труда. Многие живут в наскоро вырытых землянках, в сырости, без хорошей одежды.

В трудармии среди советских немцев смертность была, как на фронте, уже умерла третья часть всех трудармейцев.

Продовольственные склады пусты. Продовольственные посылки из дома запрещены. Переписка запрещена. Люди доведены до скотского состояния. Ради куска хлеба они рискуют жизнью, гробят своё здоровье. Гибнут самые молодые, самые сильные и самые честные.

Особенно много умирает молодых женщин, это будущие матери, вместе с ними умирают их неродившиеся дети, будущее страны.

Основным убийцей в лагерях является не пуля чекиста, а презрение к человеку, голод, холод, болезни.

Кто на Вятке не бывал,
тот и горя не видал.
Там такой лесоповал,
косит немцев наповал.

Кировский край – всему свету край.

Больные немцы, собранные в трудармию со всех окраин огромного Союза, рассказывали по углам свои истории.

Бытовал и такой слух, что вроде бы в первые дни войны в Поволжье был выброшен Германский десант. Ни один немец Поволжья его не видел, но кто-то упорно распускал слухи. Одни слышали, что это были переодетые в фашистскую форму советские НКВДешники. Другие говорили, что это была танковая колонна с чёрными крестами. Вроде из-за этого десанта всех советских немцев объявили пособниками Гитлера и выслали с Поволжья как предателей родины и врагов народа!

28 августа 1941 года в Указе Президиума Верховного Совета СССР утверждалось, что среди советских немцев имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу из Германии должны произвести взрывы в районах, заселённых немцами Поволжья.

Всех советских немцев выслали на восток в Новосибирскую и Омскую область, Алтайский и Красноярский края, на север Казахстана и в Коми АССР.

В этих районах местные власти жестоко и беспощадно вешали на наших немцев клеймо «врага» и посылали к «чёрту на рога», в самые глубинные районы, не жить и работать, а страдать и умирать.

Говорили, что в северном Казахстане прибывших поездом высланных немцев ночью просто увезли в степь и бросили замерзать в пурге. Они все погибли – дети, женщины, старики. Чудом спаслась только одна девочка, она и рассказала, что с ними случилось.

Рассказывали, что наш Бальцер переименовали в город Красноармейск. Что со всех географических карт Советского Союза убрали немецкие названия населенных пунктов, чтобы искоренить в стране всё, что связано с немцами.

Они забыли, что культуру и науку России привили именно немцы. Что первое театральное представление в России было на немецком языке. Что рабочим языком Российской Академии наук был немецкий. Даже картошку в Россию завезли немцы.

Больные говорили, что наши немцы, мужчины и женщины поголовно находятся в лагерях по всей территории страны. Они работают на лесоповале, в шахтах за полярным кругом, на строительстве железных дорог, промышленных предприятий, в строго охраняемых зонах.

Говорили и о том, что немцы-трудармейцы на Богословском алюминиевом заводе, где погибло от работы около половины личного состава, собрали почти два миллиона рублей на танки и самолёты для Красной армии, для фронта. Сталин даже прислал доходягам теле-

грамму, в которой передал благодарность от Красной Армии и свой «братский привет».

В то же время ходили упорные слухи, что был тайный приказ, если русские проиграют битву под Сталинградом, все советские немцы и немецкие военнопленные на территории СССР подлежат расстрелу.

СМЕРТНОСТЬ

Возле нашей палаты был сарай, и в окно было видно, как туда привозили умерших. Зимой людей умирало особенно много. Умирали от оскорблений, страданий, болезней, истощения, голодные ели солидол и машинное масло, умирали от поноса и дизентерии. Мертвецов складывали штабелями около сарая, а ночью увозили на санях в лес.

Голодные трудармейцы шли на помойку у столовой собирать объедки и очистки, а часовые с вышки без предупреждения расстреливали их в упор, чтобы заработать отпуск или награду.

Чтобы люди не убегали из зоны в полувагонах гружённых лесом, охранники ходила по верху, и протыкали между брёвнами длинным ломом, и если там внизу спрятался беглец, его прокалывали насквозь, и не вытаскивая человека, отправляли состав. Беглец в дороге умирал в мучениях и обретал вечную свободу.

Когда трудармейцы-доходяги уже не шевелились, и не показывали признаков жизни, им к ногам привязывали фанерную бирку. Там было написано имя и фамилия доходяги, их увозили в лес и бросали в большую яму, братскую могилу. Она была похожа на колхозную силосную яму, но в Кировских лесах всюду болотные места и в тёплое время года она заполнялась водой. Доходяг бросали прямо в яму, и когда они падали в холодную воду, многие шевелились.

КОМИССИЯ

В нашу рабочую колонну из Москвы приехала комиссия, и всех нас стала проверять. Видно, кто-то смог отправить в Москву письмо и рассказать, что с нами тут делают. Среди нас тоже были грамотные люди: инженеры, учителя, учёные, комсомольцы и партийные.

Нам всем пришлось раздеваться догола, и мы по очереди заходили в дверь кабинета медкомиссии и проходили около стола, где сидели военные и врачи, а после осмотра выходили в другую дверь.

За длинным столом с красной скатертью сидели 5 или 6 человек. У всех погоны на плечах, грудь в орденах и мы перед ними голые проходим. Они нас осмотрели и качали головой. У многих остался один скелет. Когда я прошла, один врач заметил:

– Эти женщины вряд ли смогут рожать, они все угроблены.

Комиссия сактировала 40 доходяг, в этот список попала тётя Катя. Все они могли возвращаться домой.

Доходяг занесли в телячий вагон, там на нарах лежали мешки с соломой и всех их там сложили. Вагон останавливался на каждом шагу, его отцепляли, и он сутками стоял в тупиках. Как только поезд останавливался, приходили солдаты и выбрасывают из вагона мертвых. Вскоре в вагоне из 40 человек осталось двое: тётя Катя и тётя Маруся.

Надо бежать отсюда, решили они, а то и мы умрём. Они взяли по мешку, высыпали солому, на остановке вылезли из вагона и пошли пешком побираться, просить милостыню. Так они шли из одной деревни в другую. Это был уже Алтайский край.

Они шли и попрошайничали, и русские люди в деревнях подавали им покушать.

Люди видели, что они были доходяги, кто даст кусочек хлеба, кто заведёт в дом и накормит.

Женское счастье в детях. Тётя Катя всем рассказывала, что дома её ждут трое детей и муж. Одна женщина даже дала ей для детей старую одежду. Так они шли и, наконец, дошли до своей деревни Драчёнино. Но никого там не застали, ни трудармейцев, ни ссыльных немцев, ни своих детей, ни мамы, никого не было. Тётя Катя стала спрашивать людей, куда все делись? Люди сказали, что узкоколейку построили и всех трудармейцев и вольнонаемных увезли в Новоалтайск. Тётя Катя пешком пошла в город искать своих детей, мужа и нашу маму.

Когда после войны тётя Катя приезжала в гости к нам в Красноярский край, она рассказывала, что когда она разыскала своих и вошла в избу, она не узнала детей. Они были неузнаваемые, оборванные, грязные, вшивые, дикие, голодные. И никакого отца у них не было.

– Это, Лидия, ты меня обманула, – укоряла она меня.

Я ей говорю:

– Я обманула, чтобы ты не умерла, а выжила и вышла из той больницы живой.

Она мне простила и говорит:

– Тогда, когда я пришла домой и нашла своих детей, я там пол целовала, на колени упала и молилась Богу и тысячу раз сказала Ему спасибо! Если бы тогда у меня не было цели и надежды, я бы не выжила, – согласилась она со мной.

Дома тетя Катя отдохнула, поправилась и устроилась на свиноферму работать. Тайком питались свиным кормом. Растила своих детей, хотя было трудно, очень трудно, но дети были рядом с ней, под её крылом и это придавало силу. Дети это самое главное в жизни лю-

бой матери.

Оставшихся в лагере людей, московская комиссия отправила на две недели в ОПП[1] на поправку. С условием, чтоб там всех лучше кормили, чтоб люди восстановили силы и снова могли бесплатно работать на государство в бесплатной, советской трудовой армии. Нас и не думали отпускать. Шла война, надо было работать для нашей родины, для победы. Родина для людей была важнее, чем люди для родины.

МИР

Когда в мае 1945 года окончилась война, мы в трудармии тоже радовались: теперь нас, наконец, отпустят, и мы поедем домой, к нашим родственникам, начнем другую жизнь. Но не тут-то было. Нас держали ещё до мая 1947 года. Мы ведь работали бесплатно, нас надо было еще использовать на всю катушку.

Мы работали без выходных, от зари до зари. Все были худые и слабые, на нас смотреть было страшно. Но мы были живы, и каждый надеялся, что нас когда-нибудь отпустят из неволи, раз война кончилась.

Однажды вечером в барак пришли начальники, и сказали:

– Завтра на работу идти не надо. Завтра вы отсюда уедете. Повезут вас по железной дороге, туда, куда надо.

Мы радовались, думали, что теперь пришло время, и нас отпускают. Нас погрузили в телячий вагон, так тесно запихали, что мы могли только стоять и отправили.

ФАЛЁНКИ

Привезли нас на станцию, открылись ворота вагона, и мы сошли на землю. Вот мы и приехали домой, думали мы. Но на вокзале было написано: «Станция Фалёнки Кировской железной дороги».

Когда мы вышли из вагона, я думала, что мы попали в рай. Можно стоять и ходить по ровной земле. Далеко-далеко был виден горизонт, было много неба над головой и ярко светило солнце.

Там у нас в лесу, из-за деревьев мы солнца не видели, и разучились ходить по ровной земле. Там через болото шли по двум брошенным бревнам, и дорога-лежнёвка была сделана из брёвен в две полос-

---

1 ОПП – *оздоровительно-профилактический пункт. В народе его называли „Райские ворота“ или „Дорога из ада в рай“*

ки, как колея машин. Для людей с пенька на пень клали деревянные поперечины, а на них брёвна, как рельсы, это был тротуар, мы брались за руки и шли так на работу. А кто терял равновесие, падали в грязь и ползли дальше.

Хоть мы и не дома, но на душе было всё равно необыкновенно радостно. Мы вырвались из леса. Впервые за много лет услышали, как запел петух, как раздался собачий лай. Женщины увидели живых маленьких детей!

Рядом со станцией была барахолка. Там торговали всякой всячиной, были шанежки, молоко, яйца, вареная картошка, продавали кроликов, коз, курей. Когда мы все это увидели, то подумали, что, действительно, попали в рай. Ведь в лесу за все эти годы мы этого не видели и не слышали и забыли, что такое ещё может быть на свете. Мы выглядели как настоящие дикари.

Люди на нас смотрели и с испугом обходили стороной. Мы были худые и страшные, на нашу одежду было больно смотреть: ватные штаны, бушлаты, мужские шапки военного образца. У пожилых женщин лица обросли мохом. Люди обходили нас стороной и боялись на нас смотреть, они думали, что мы дикари.

Нас построили и повели в большое помещение, наверное, клуб. Там нас распределили и расселили по домам местных жителей. Каждая семья должна была взять одного или двух человек. Многие люди возмущались и не хотели нас, немцев, к себе брать. Но был приказ! Приказ этот местное начальство само выдумало. Народу деваться было некуда. Я попала к одной женщине, которой было около 60 лет.

Нам объявили, что теперь питание будут выдавать сухим пайком. На месяц 1 килограмм 200 граммов крупы, 2 селедки, 400 граммов сахара и хлеб. Такой роскоши мы в лесу не видели. Я свои две селедки сразу продала на базаре и купила на эти деньги ведро картошки. Теперь я могла варить себе суп и есть настоящую еду с настоящим хлебом.

Мы познакомились с хозяйкой поближе, я ей рассказала всю свою жизнь, и она меня стала уважать. Иногда просто так давала мне чего-нибудь покушать. Хозяйка подарила мне своё старое платье и что-то ещё. Мы стали так быстро поправляться, что вскоре нас уже было трудно узнать. Из страшных доходяг мы превращались в красивых фрейлин. Мы почувствовали, что мы – женщины, у нас опять появились упругие груди, нам уже не больно было сидеть на своих костях, отросли кудряшки на голове и появились оптимистические мысли в голове. Многие строили планы на будущее.

Фаленки был посёлок городского типа, расположенный в тайге на реке Чепца (приток Вятки) с населением в несколько тысяч человек. Там был лесхоз, леспромхоз, нефтебаза, селекционная станция, масло-

завод и небольшой металлургический заводик. От станции до города Кирова было километров 150. При строительстве железной дороги Пермь–Котлас эта железнодорожная станция была основана на год раньше, чем родился мой отец, и получила своё название по имени соседней деревни Фалёнки.

СЕНОКОС

Весной из нас организовали два звена. Мы сажали картошку, капусту, свёклу, турнепс, а за ударную работу обещали при хорошем урожае осенью выдать премию. Меня опять выбрали звеньевой.

Летом, когда выросла трава, нас, отправили на сенокос. Дали нам косы-литовки, и мы стали косить траву. За эти годы я всему научилась. Потом нам в помощь прибыли мужчины-трудармейцы, они тоже работали в том же лесу, где и мы, но только их там никто не знал.

Они тоже были наши руссланддойче, все худые и очень слабые. Их поселили на какой-то большой станции, и они у нас стоговали сено. Так мы косили сено до самой осени, а мужики ставили в лугах большие стога.

Осенью нас опять всех распределили по разным участкам. Кто попал работать на уборку урожая, кто должен был сено вывозить на станцию, а там его прессовали в тюки.

Меня направили работать на пресс. Это было деревянное устройство, сверху мы накидывали сено, с обеих сторон по бокам были ручки, мы их крутили, и сено прессовалось. Получались тюки, но не такие большие, как сейчас, а величиной с табуретку. Это была очень нелегкая работа, но я там пробыла недолго.

ЭКСПЕДИТОРСТВО

Однажды к нам пришел начальник и обратился ко мне:

– Ты будешь теперь работать экспедитором! Тебе нужно принимать вагоны с сеном, все записывать в журнале, сколько тюков и сколько тонн получила, сколько отправила. Будешь сопровождать груз и следить, чтобы у тебя ни один тюк не украли, чтоб никогда не было недостачи.

Я напугалась так, что у меня чуть язык не отнялся. Стою и не знаю, что сказать, а начальник спрашивает:

– Что ты молчишь?

– Я неграмотная, это я не смогу делать.

– Будешь принимать вагоны и никаких отговорок. Читать и писать ты умеешь. Я всё знаю. Я твоё личное дело прочитал. Справишься!

Это всё-таки легче, чем у пресса стоять. Принимай вагоны – и без разговоров.

Пришлось мне принимать вагоны с сеном. Мужики грузили, а я считала тюки. Несколько тюков мы связали вместе, взвесили и высчитали средний вес. Теперь мы могли подсчитать, сколько тонн было погружено в вагон при каждой погрузке.

На каждую отгрузку составляли акт, чтобы не было недостачи. А при сопровождении груза приходилось смотреть в оба, чтобы сено не украли. Как только поезд останавливался, люди воровали всё.

Вагон открытый, платформа, внизу был сделано ограждение из досок с метр высотой, посередине ставили высокие столбы, а вокруг столбов складывали груз и обматывали проволокой, чтобы тюки не упали. Внизу у этой пирамиды для меня оставляли маленькую норку, чтобы я могла туда залезть и там сидеть или лежать, когда поезд идет полным ходом.

Мне дали красивый, белый военный полушубок, валенки, плащ, тоже военный, с зелеными листьями, и хлеб на дорогу.

А ехать надо было долго, в тайгу, туда, где мы были на лесоповале. Там ещё осталось много лагерей, во многих местах лес вывозят на лошадях, вот туда нужно везти наше сено.

Все это объяснил мне наш новый начальник, звали его товарищ Кошевой. Это был пожилой большой и толстый мужчина из Украины лет примерно 60. Он мне все объяснил и пожелал:

– Удачи тебе!

Я про себя подумала, что это первый начальник за всю войну, который с нами, немцами, говорит по-человечески. Может, он не такой уж плохой человек.

Поезд тронулся. Я залезла в свою нору и громко-громко заплакала от страха и ответственности. Была поздняя осень, но снег еще не выпал, а ночи стояли очень холодные. Когда поезд шёл полным ходом, холодный ветер продувал меня насквозь, хотя одежда была хорошая.

Я думала, что до места я не доеду, замерзну в дороге. Но доехала! По узкоколейной линии груз доставили в лагерь, вагон отцепили и паровоз, дав длинный прощальный гудок, укатил.

Пришли мужики и разгрузили мой вагон. Я и кладовщик все аккуратно посчитали, всё сошлось как надо, и мы пошли на склад. Там был отгорожен угол, где стояли стол и печка. Было тепло, я немного отогрелась. Мы стали составлять акты. Кладовщик сказал, что это лагерь, где живут заключенные.

Я очень боялась, чтобы он не написал мне в акт недостачу. Он видел мой страх и то, что я сильно замерзла, поэтому напоил горячим чаем.

– Как мне отсюда уехать? – спрашиваю его, а он отвечает:

– Отсюда вам можно уйти только пешком. Пройдете по этой железнодорожной линии километров семь, и придете на станцию Лесная. Это наш главный пункт, там ваше управление, где надо отмечать акты.

Было еще светло, и я подалась в обратный путь. Пошла по шпалам, согрелась, а сама оглядывалась, боялась, чтобы заключенные меня не поймали. Так со страхом я шла быстро и еще засветло была уже в нашем управление. Там отметила все акты и пошла на вокзал, чтобы уехать на станцию Фалёнки.

Домой ехала и наслаждалась – это был для меня настоящий отдых. Ехала как свободный человек в пассажирском поезде, по бесплатному билету. Я залезла на верхнюю полку и хорошо выспалась. В первый раз по-настоящему отдохнула за все эти тяжелые годы.

Когда я ехала с грузом, я очень боялась и страшно мерзла, теперь всё было позади. Прошли все страхи и тревоги, я спала сладко и безмятежно, как младенец.

Приехав на станцию Фаленки, я сразу пошла в контору, сдала своему начальнику акты. Он посмотрел, что все нормально, и похвалил меня:

– Я знал, что из тебя толк получится. Через день придет ещё один вагон, и ты опять поедешь сопровождающим, а сейчас отдохни.

Мне опять стало страшно. Опять придется мерзнуть как цуцику.

ЗНАКОМСТВО

Я вышла из кабинета в коридор, а рядом в соседнем помещении трудармейцам выдавали продукты, скопилось много людей. Там я столкнулась с молодым и весёлым парнем, он всё время шутил. Мы разговорились по-немецки и познакомились.

Его звали Андрей Данневольф, по-немецки Heinrich. Он был на два года старше меня и тоже родился на Волге, в Саратовской губернии, в немецкой деревне Шаффарауза.

Он быстро у кого-то узнал, где я живу, и вечером пришёл ко мне в гости. С тех пор всегда, когда я бывала дома, он каждый вечер наведывался ко мне. Андрей был красивый, умный, работящий парень и мы стала по-честному с ним дружить.

ОХРАНА

Через день я опять приняла вагон, и также мерзла в дороге, но теперь я попала в другой лагерь. Там при разгрузке заявили, что у меня не хватает два тюка сена. Я говорю:

– Не может быть! Я сама считала, всё было точно! Куда они могли

деться? Давайте пересчитаем весь вагон ещё раз.

Снова предстояло очень много работы, и они не согласились. Кладовщик отметил в акте, что недостачи нет. Я, конечно, была очень рада и подумала, что эти тюки, наверное, своровали ещё дома, на станции Фалёнки. Людям нечем было кормить скот. Они ругались, мол, понаехали эти лагерники и вывезли всё наше сено, а нам нечем кормить скотину. Поэтому на станциях ночью воровали сено.

Приедут ночью на санках, скинут тюк с вагона и быстро смоются. Начальник станции поставил сторожа. А люди все равно воруют.

Зимой холодно, сторож побежит на минуту на вокзал погреться, а люди этот момент быстро используют. Воровали страшно, ведь всем надо было как-то жить: кто козу держал, кто корову. У многих были большие семьи, надо было чем-то кормить детей, но на это государство не смотрело. Если ловили на месте преступления – сроки давали огромные.

Мы охраняли свой груз яростно. Нам приказывают – надо подчиняться. Люди нас ругают, а мы, охранники, не виноваты. И у моей хозяйки тоже была коза. И я тоже как могла, хотела ей немного помочь, мне было хозяйку очень жалко. Я говорю:

– Андрей, завтра я буду охранять сено, а ты вечером возьми санки и приди на станцию к нашему складу, я сброшу тебе один тюк сена. Ты положишь его на саночки и привезешь моей хозяйке.

Андрей был шустрый и легкий на подъём. Уже было темно, мы с ним обо всём договорились, что и как делать. Андрей подошёл ко мне и спросил:

– Ты еще не замерзла? Сегодня очень холодно!

– Нет еще!– Ответила, сбросила ему в темноту один тюк сена, и, не спеша, пошла на вокзал, будто погреться. А сама все переживаю, чтобы Андрея не поймали. Но все в этот раз обошлось благополучно.

Андрей сказал, что хозяйка дала ему большую тряпку, он сверху накрыл тюк и все обошлось.

Я говорю:

– Больше этого делать никогда не будем, это было страшно и очень опасно.

– У людей воровать грех, а у государства не грех, оно само всех людей обворовало, и меры не знает, так пусть и поделится с народом, – успокаивала нас хозяйка и радовалась сену, коза тоже радовалась и поила нас молочком, и мы за них были очень рады.

Всю зиму я ездила экспедитором. Какого страху за это время натерпелась! Во-первых, было очень холодно. У вольнонаемных, кто работал экспедитором, были теплушки – маленький вагончик с печкой, там было тепло. Они там могли спать, когда вагон шёл, а когда поезд останавливался, они выходили из своего вагона и сторожили

народное добро от народа, чтобы никто не залез и ничего не своровал.

А я на морозе всю ночь слежу, чтобы кто-то не украл сено. Если слышала, что разговаривают возле вагона, я кричу:

– Воры! Сейчас милицию вызову! Отходи от вагонов!

Хоть я сама никого не видела, и меня никто не видел, потому что боялась вылезти из своего укрытия и показаться.

Если вор захочет украсть из вагона тюк сена, то ему надо сперва на вагон забраться и встать на доски, а они высотой с метр, потом по проволоке добраться до самого верха, снять верхний тюк и сбросить его вниз. Я с этими циркачами сталкивалась. Я так кричала, что вор не знал, куда бежать, в какую сторону. Он со страху не мог определить, откуда такой крик. Он не меня боялся, слабую и маленькую, а большое сильное государство, которое стояло за моей спиной.

А я лежу в своей норке, зарывшись в сено, сама трясусь от страха и молчу, как мышка, пока поезд не тронется.

РОЖДЕСТВО

Однажды зимой мой вагон с сеном затолкали в тайге в трудовой лагерь № 14. Вместо заключённых сено пришли выгружать немецкие военнопленные.

Они удивились, почему с грузом нет сопровождающего, но когда выгружали сено, дошли до моей норки и там нашли меня застывшую, без признаков жизни.

– Тут человек лежит! Наверно, уже мертвый! Он замёрз! – Кричали они по-немецки.

Военнопленные вытащили меня из вагона и отнесли в небольшую избушку, где жил кладовщик. Я была без чувств, ещё бы немного и я замёрзла окончательно. Кладовщик был наш руссланддойче по фамилии Ситлер. У него в складе было все! Он принес чистый спирт, они раздели меня и стали растирать спиртом. Я зашевелилась, они поняли, что я не умерла, и вызвали из лагеря военнопленных врача, он был русский. Врач привёл меня в чувство. У кладовщика в избушке еще жил старик, немец трудармеец, он числился там конюхом лагерной скорой помощи.

Я открыла глаза и спросила:

– Где я? Где мой вагон? Где сено?

– Все в порядке! Твой вагон мы разгрузили. Ты о себе беспокойся. Тебе надо отлежаться,. окрепнуть, потом можешь ехать. Чтобы ты не беспокоилась, я сейчас подпишу тебе акт приемки. Сегодня хорошо отдохнёшь, а завтра можешь ехать назад.

Дед как раз сварил галушки и мы стали кушать. Я чуть язык не

проглотила, потому, что галушки не кушала с 41 года. Мы так хорошо пообедали, я его так хвалила, а старик и говорит:

– К вечеру я настряпаю кребели, ведь сегодня Рождество!

Тут в избушку пришли трое военнопленных и позвали кладовщика, чтобы получить на складе продукты. Один пожилой мужчина, судя по разговору, полковник, и два молодых парня-солдатика, рассказывали, что сегодня они не вышли на работу, потому что работать грех! Военнопленные в лагере будут праздновать Рождество. Этот время они отработают в другие дни, просто должны будут работать подольше. Этот пожилой полковник оказался хорошим добрым человеком, он разговорился, потом показал цепочку, которая висела на шее. На цепочке было маленькое сердечко, он нажал пальцем на кнопочку, сердечко щелкнуло и раскрылось, внутри его оказалась маленькая фотография, на которой были жена полковника и двое детей. Я так удивилась, что в таком маленьком сердце могут быть фотокарточки, я такое чудо ещё никогда не видела, а он с большой любовью рассказывал о своём доме и о своей семье.

Эти трое, наверное, были повара, они сказали, что сегодня хотят сварить что-нибудь повкуснее и по-праздничному накормить своих людей. Они много разговаривали с Ситлером. А я все слушала, мне было интересно. Они и про меня спрашивали. Я им всё рассказывала на чистом немецком языке. Они удивились и говорили о том, что женщины в Германии такую работу не делают. Если женщина витве – вдова, без мужа, то самая тяжелая работа для нее была на сахарной фабрике. Потом они ушли и было слышно, как в бараках военнопленные красиво пели по-немецки божественные песни.

Я немного отогрелась, ожила, мне стало легче, и я осталась там до утра. Мы сидели в тепле, дедушка вспоминал про свою жизнь, а Ситлер сказал, что дома его ждут жена и дочка, чуть моложе меня. Он думает о них день и ночь, может, сегодня, в этот святой вечер, они не голодные и тоже сидят где-нибудь в тепле и думают о нём!

Утром всем надо было идти на работу, я тоже собралась в путь–дорожку. Дедушка вышел за мной на улицу. Я увидела, как мимо нас вооружённый конвой повел военнопленных на работу. Немецкие солдаты были все худые и оборванные, на ногах обмотано всякое тряпьё, а у одного на ногах были фанерные ящички, небольшие, как посылочные, набитый соломой.

Я отвернулась и пошла своей дорогою. Иду и думаю: «Почему пленных немцев называют фашистами? Это все равно, что красноармейцев называть коммунистами. Эта проклятая война отняла у людей много невинных жизней, а кто остался в живых, у тех осталась боль в сердце, страдания, мучения и жуткая память на всю оставшуюся жизнь».

Я тоже раньше на лесоповале носила чуни, сделанные из автомобильных покрышек. А когда нас привезли на станцию Фалёнка, и мы летом косили сено, нам дали лапти. Они были плетенные из толстой веревки. Мы их тоже привязывали к ногам, чтобы не потерять, но фанерных ящиков на ногах я ещё не видела. Надо же так довести живых людей, чтоб до такого додуматься.

Так в думках по морозцу я дошла до станции Лесная и направилась в свое управление, где надо было проверять и отмечать все акты.

ПРИКАЗ

Зайдя в контору, в коридоре я встретила мужчину из нашего города на Волге, он здесь работал. Узнав мою фамилию, сразу спросил:

– Кто твой отец?

– Попп Иван Иванович, он музыкант! – Ответила я. Мужчина обрадовался и говорит:

– Я его очень хорошо знаю. Мы в Бальцере жили около школы, где ты училась.

И я вспомнила, что когда у нас в школе была большая перемена, мы часто выходили на улицу побегать. В доме по соседству я всегда видела в огороде старую бабушку. Она всегда что-то делала: то подметала, то цветы поливала, то кур кормила, то полола в огороде.

А он говорит:

– Это была моя бабушка.

Мы о многом вспоминали и поговорили, потом он мне сообщил, что тут в управлении сидят почти одни евреи.

– А вы что, не знаете, что есть приказ, чтобы всех трудармейцев отпустили домой? Приказ уже давно здесь. Но они его еще держат в секрете. А если женщина выйдет замуж, то молодых сразу отпускают. Я тоже собираюсь идти в комендатуру, чтобы меня отпустили. И он показал мне, где находится кабинет коменданта.

«Я теперь обязательно приеду сюда еще раз. Соберу все документы и пойду к коменданту. Это будет мой последний приезд на эту станцию», – с такой мыслью я радостная поехала домой в пассажирском вагоне до нашей станции Фаленки. Я себя чувствовала уже, как свободный человек. Приехала утром и сразу пошла в контору, сдала все акты, все было нормально.

Начальнику я рассказала, что в дороге чуть не погибла, и как меня спасли военнопленные. Ещё я сказала, что поеду ещё только один раз и всё! Больше не поеду!

– Теперь будет уже теплее, пока все сено соберут и спрессуют. Потеплеет. А тебе будет хорошая премия за твою честную и добросовестную работу.

Вечером ко мне в гости пришел Андрей, мой лучший друг, и я ему все рассказала. Он говорит:

– Неужели мы вернемся домой? В Сибирь или на Волгу?

– Я не знаю, куда мне ехать. Есть у меня еще кто-нибудь или нет? Маму мою со мной брали в трудармию, а потом отпустили домой, может, она и не доехала до дому, она так сильно болела, может, умерла?

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

– Давай поженимся и поедем к моей маме! Моя мама дома, ее в трудармию не брали, – предложил Андрей, – а потом будем искать твою маму и другую родню, кто жив.

Андрея я любила, но замуж выходить боялась и на это предложение сразу ответить не могла.

Андрей был очень красивый, шустрый и сильный. Он эти тюки с сеном бросал в вагон как мячики.

Прошло еще несколько дней, я всё передумала и дала ему своё согласие, хоть и очень боялась. Такой я человек, ко всему подхожу серьёзно, за все переживаю, и все принимаю близко к сердцу.

Мы пошли в поселковый совет и зарегистрировались. Теперь мы стали мужем и женой. Андрею было 23 года, а мне 21.

Мы жили у моей хозяйки, она все время говорила:

– Какая вы хорошая пара.

Так мы жили и работали, только в феврале снова навезли сено из всех краев, где его косили, спрессовали и погрузили в вагон. Раньше собрать груз на вагон было быстрее, сено вывозили из близких деревень, а теперь все везли из дальних мест. Поэтому проходило много времени, пока насобирался целый вагон. Вот уже конец февраля наступил, и я опять поехала замерзать в дороге.

Но в душе у меня жила маленькая радость: я все думала, что комендант обязательно отпустит нас домой, раз такой приказ есть! Ведь кроме Андрея я про это никому ничего не говорила.

Я собрала документы мои и Андрея, и поехала. Мой вагон попал на этот раз в лагерь №16, в котором находились заключенные. Все прошло хорошо, хотя у меня там был случай очень тяжелый и для меня очень опасный. Но, видать, Бог пожалел меня тогда, я осталась невредимая, но об этом и вспоминать не хочу.

Потом я приехала на станцию Лесная в наше управление, за все отчиталась, и пошла к коменданту. А сама боюсь, переживаю, вдруг не отпустят.

СВОБОДА

Я осторожно постучалась, зашла в кабинет и поздоровалась. Комендант спрашивает:

– По какому делу?

– Домой хочу! Вот, к вам приехала.

Он меня порасспросил, где работаю, сколько лет в трудармии?

Я все ему рассказала.

– А где ваши документы?

Я подала их, он взял, посмотрел, и открыл какую-то книгу, что-то там посмотрел и говорит:

– Все правильно! Всё, что вы сказали, правда! А куда хотите ехать? Вы ведь с Алтая?

– Нет, я хочу ехать с моим мужем к его маме, в Красноярский край. Я про свою родню ничего не знаю, жив кто или нет.

Он посмотрел в свою книгу, еще кое-что у меня спрашивал, и опять молча что-то писал. Я сижу и трясусь. Он такой солидный, одет в форму, золотые погоны на плечах, на груди медали и ордена, спокойно сидит и работает. Когда все сделал, встал, подал мне документы с печатями и сказал:

– Вот с этой бумагой сходите в управление, там получите талоны на сухой паек, а когда приедете в Фалёнки, то получите хлеб на дорогу. Счастливого вам пути!

Я ему несколько раз сказала:

– Большое спасибо! Хороший Вы человек!

Поклонилась, заплакала от радости и вышла. До управления я не шла, а летела.

В управлении на талоны я могла получить что-то из вещей, одну на человека – полотенце или рубаху. Женщина, которая все выдавала, говорит:

– Этот талон на вещи я оставлю себе, потому, что не могу сейчас его отоварить, потом подойдешь.

И выдала мне полотенце на мой талон, а на талон Андрея я взяла ему рубаху.

– Хлеб вы можете получить у себя дома в Фалёнках.

Я выскочила в коридор, и там встретила того знакомого, который мне рассказал про приказ.

– Ну что, отпустили? – Спросил он.

–Да!!!– Ответила я, подпрыгивая.

Я его тоже благодарила за то, что он меня надоумил пойти к коменданту. А он мне говорит:

– Эта женщина, которая тебе все выдавала, она еврейка. Смотри,

чтоб она выдала тебе все, что положено!

Но мне было уже всё равно.

Я с ним попрощалась и пошла на станцию Лесная, там села на поезд и поехала домой до станции Фалёнка. От стресса, который я пережила, в вагоне уснула мёртвым сном. Дома меня встретил Андрей. От радости и хороших новостей он меня обнял и закружил на глазах у всех людей.

В этот день я в контору не пошла. Наша хозяйка сварила суп и устроила для нас хороший ужин. Мы сидели за столом и о многом поговорили. Она сказала:

– Я уже привыкла к вам, неохота вас отпускать. Но все равно, я очень рада за вас!

Утром я пошла в контору, отнесла все акты, наш начальник, товарищ Кошевой, говорит мне:

– За хорошую работу ты заработала премию, на днях получишь. А ещё тебе премия пришла из деревни, где вы весной работали, но туда надо ехать самим. У нас сена больше нет, мы все отправили. А на станции Арташи тоже работали трудармейцы, у них есть сено, вот туда нам надо отправить несколько человек, чтобы они всё вывезли, пока не начались весеннее полевые работы. Ты, Лидия, хороший экспедитор! Я думаю, что ты поедешь туда и быстро вывезешь все сено.

– Я больше никуда не поеду, я еду домой!– Ответила я.

– А я говорю, поедешь!– сказал товарищ Кошевой.

– Я поеду, но только домой.

– Перестань шутить, тут не до шуток, работать надо!

Я показала ему документы, он посмотрел и сам себе не верил.

– Ну, в таком случае, счастливого тебе пути, вместе с твоим мужем! И всего вам хорошего на новом месте!

Дома я вспомнила, как была на рождество в лагере немецких военнопленных и рассказала Андрею про кладовщика Ситлера. Оказалось, что этот Ситлер спас моему Андрею жизнь, когда он был у них в лагере поваром. Андрей был небольшим, красивым, скромным парнем и очень понравился Ситлеру. Он его сильно жалел и говорил, что Андрей обязательно будет его зятем. Ситлер всегда наливал ему в котелок суп погуще и туда же добавлял ещё черпак каши, чтоб другие не видели добавку. Потом Ситлера увезли в другой лагерь, и Андрей о нём больше ничего не слышал, пока я не рассказала ему, что Ситлер работает в лагере у Германских военнопленных кладовщиком.

СБОРЫ

Мы с Андреем потихоньку стали собираться. Андрей еще ходил на работу, я получила свою премию, а за второй премией мне при-

шлось ехать самой в деревню. Там мне денег не дали, а дали картошку, свеклу, морковку, и пришлось мне возвращаться домой без денег.

На другой день начальник дал нам коня, мы с Андреем поехали и получили 2 центнера картошки, ведро лука, ведро свеклы, ведро моркови и капусту. Мы привезли премию домой, и Андрей потом все это продал на рынке.

У нас появилось немного денег на дорогу. Время шло, уже и март пролетел. Мы еще работали на разных работах, а в мае поехали.

Я была в трудармии, четыре года и четыре месяца, не считая дороги, трудилась в Вятлаге, в Кировских лесах, в лагерях № 3, 10, 11. За всю трудармию я три месяца не работала из-за болезней. А полных четыре года, без отпуска, без выходных, бесплатно, в адских условиях, как каторжная, отбывала трудовую повинность, отдавала долг Родине. Обычно долг возвращают, если что-то в долг берут. Я у Родины ничего не занимала, это она у меня отобрала всё, ни за что обвинила меня, и за это ещё пришлось отдавать долг. До сих пор, через 70 лет, она у меня не попросила прощения, такая у меня была Родина.

Андрей отработал в трудовой армии пять лет и три месяца, не считая дороги. Он тоже валил лес на Вятлаге в лагерях № 8, 12, 13, 14, 17.

Мы ехали домой! За билеты нам не надо было платить, у нас был бесплатный проезд. После войны не хватало поездов, все было разрушено. Мы попали не в пассажирский вагон, а в товарный.

С одной стороны вагона наверху были полати, и там лежали люди. Остальные пассажиры сидели на своих вещах, валялись на полу рядом друг с другим. Между нами даже находился офицер, он был в военной форме. Наверное, спешил домой и не достал билетов на пассажирский поезд.

КРАЖА

Однажды ночью, когда все спали, и к нам в вагон залезли воры. Я почувствовала шорох около меня и стала тормошить Андрея:

– Андрей, проснись!

– Чего? – Протёр он глаза спросонья. Мы приподнялись, все стало тихо. Около нас лежал какой-то незнакомый мужик, вроде спал, и мы успокоились. А сверху, с нар, военный говорит:

– Граждане, будьте осторожны! Кто-то у нас здесь шурует по карманам!

Он фонариком посветил вниз, и мы увидели, что наша сумка разрезана, и у других тоже.

В это время поезд остановился. В вагоне было темно. Военный повел по вагону фонариком, и все люди увидели, как два вора с полными мешками вскочили и выпрыгнули из вагона.

Когда военный посветил нам фонариком, мы увидели, что у нас и мешок разрезан, из него вытащили наши ботинки. У нас было две пары ботинок в мешке, они взяли из каждой пары по одному ботинку. Так что не пришлось им попользоваться нашим добром, и мы свои выбросили. У многих они украли деньги, вещи и документы. Все охали и ахали, ругались, возмущались, но ничего не вернешь, и поезд пошел дальше. Мы стали осторожнее. Спали с Андреем по очереди.

КРАДЕНОЕ

В один прекрасный день поезд остановился на какой-то станции. Был теплый солнечный день, и поезд стоял довольно долго. Я решила выйти и немного размять ноги, а Андрей остался на вахте. Несколько человек из нашего вагона тоже вышли погулять. Я пошла в сторону, где поменьше людей, ко мне подошел молодой парень и говорит:

– У меня тут в сумке есть хорошие вещи, как раз на вас. Только мне некогда, я очень тороплюсь, мой поезд уходит. Я их совсем подешевке отдам, вместе с сумкой.

Он распахнул сумку, я заглянула в неё и увидела, что вещи очень хорошие.

– У меня денег мало, – сказала я и показала ему всё, что у меня было. Он схватил деньги и, не считая, убежал. Я вернулась в вагон и говорю Андрею:

– Сегодня у нас счастливый день! Посмотри, что я купила! Почти задаром.

Рядом с нами сидел мужчина, он посмотрел и сказал, что все эти вещи краденные. Это урки на железной дороге промышляют и быстро продают краденое подешевке. Вот и ищи их. Мне стало нехорошо. Если сейчас придёт милиционер, мне каюк!

Но тут поезд тронулся, и я немного успокоилась. Мы стали потихоньку рыться в сумке. Таких хороших вещей я уже давно не видела. Там было лёгкое, красивое осеннее пальто, как раз на меня, черная меховая шапка, берет, отрез ткани, шелковая юбка и такая же фиолетовая кофта. Все вещи были женские и как раз для меня. Моё приданное. Для Андрея там были только хромовые сапожки, они лежали на самом дне сумки. Такие сапоги носили только очень богатые люди, они были в то время в самой моде. Сапожки были такие легкие, как оденешь, плясать хочется, а голенище можно бы собрать в гармошку. Когда мы приехали домой, Андрей носил их только по большим праздникам. Их хватило ему на долгие годы. Так мы ехали и, наконец, приехали на нашу конечную станцию Жира, в Красноярском крае.

ДОМОЙ

Дальше нам пришлось добираться до района Новоселово попутным транспортом, а где и пешком.

Енисей пересекали на пароме. Я стояла впереди и дивилась красоте Сибири. Наша Волга-матушка спокойная, скромная, красивая, грустная, а Енисей – могучий богатырь, который не знает, куда девать свою суровую молодость и немереную силу. Енисей самая полноводная река в России, намного полноводней Волги. В своей жизни я не видела реки великолепней Енисея. «Ионесси» в переводе с эвенского – большая вода.

Паром пристал к берегу, машины съехали, а нам надо было добираться еще 30 километров. Нас довезли до деревни Кома, наступил вечер, и мы там переночевали. Остались последние 15 километров пути до нашей деревни Бескиш.

Мы вышли утром, один мужчина на лошадке подвёз до деревни Чёрная Кома, оттуда осталось только 3 километра, и мы пошли пешком. Наконец добрались до маленькой таежной деревушки. Мне бы радоваться, а на душе было нелегко. В такую глушь забралась! На край света!

– Теперь мы дома! Вот вся наша деревня на виду. Не переживай! Мама у меня хорошая, – успокаивал Андрей.

– Все мамы хорошие!– Ответила я.

На улице нас встретила Требунчиха и спрашивает:

– Вы к кому?

– К Соне Данневольф, – отвечает Андрей. Она вёдра с водой поставила на землю. Обрадовалась, побежала и закричала:

– Соня! Соня, выходи! Встречай! Сын приехал!

Мать выбежала из ворот и встала, как столб. От испуга пошевелиться не может. Андрей обнял ее и оба громко заплакали.

– Сынок! Ты живой? Слава Богу! Вернулся! – Целовала его мама.

– Это моя жена! – Показал на меня Андрей. А мама говорит:

– Здравствуй! Пойдемте домой. Наш дом – теперь ваш дом тоже.

ВСТРЕЧА

Мама Андрея была дома одна. Ее сын Александр и дочь Фрида были на работе. Они были еще холостые, а старшая дочь Поля жила отдельно. Её муж был ещё в трудармии. Они поженились еще на Волге, на нашей родине. Вторая дочь Нюра тоже была в трудармии на Сахалине, там вышла замуж и, когда их отпустили, они поехали в Семипалатинск, к родителям ее мужа. Дочь Амалия потерялась во

время войны, и о ней ничего не было известно.

Собрались родственники, соседи, мама приготовила ужин, мы сидели за столом, они разговаривали, а я только слушала. Это было мое знакомство с родными и знакомыми мужа, много было разговоров в этот вечер.

Отец Андрея был ещё в трудармии в Оренбургской области, в городе Бугуруслан. Он пришел домой доходягой, худым, больным, и умер в 1949 году.

В то время на столе было бедно, даже картошки не ели досыта. Мать, бывало, у картошки верхушку тонко срезает на семена, чтобы сажать, ведь была весна, а из остатков картошки суп варила и молоком забеливала. Мяса не было. Коровы не было, а молоко у них водилось.

У них был сепаратор, единственный на всю деревню, и к ним ходили все люди, кто держал корову. Их зять Роман, муж старшей дочки Паулины, после высылки работал с отцом в кузнице. Он был мастер на все руки, и когда им дали жилье, он в сарае нашел старый сломанный сепаратор и отремонтировал его. В общем, сепаратор стал опять рабочим. Теперь каждый, кто приходил пропускать молоко через сепаратор, должен был отдать одну кружку молока.

Романа взяли в трудармию, а его сепаратор спас жизнь этим семьям. У Паулины с Романом было пятеро детей. Все мальчишки. Эти две семьи делили молоко пополам, так они выжили в эти тяжелые военные годы. Сепаратор спас их от голодной смерти.

Свекровь вспоминала, что утром вставала и сразу крутила этот сепаратор, он их всех прокормил. Это было страшное время. Всем детям надо было тяжело работать, а ничего не поделаешь.

КОЛХОЗ

Нас с Андреем приняли в колхоз. Там мы работали за палочки. День отработаешь, отметят одну палочку. Это называлось трудоднем. Когда осенью собирали урожай, давали немного зерна на трудодень. А если урожая нет, получается, человек работал задаром. Такие были законы. Кроме того, государству надо было платить налог с личного хозяйства: сдавать яйца, молоко, масло, шкуры домашних животных. Если кто заколет свинью или овечку, надо сдать шкуру. По сараям ходила комиссия, все проверяла и записывала. Было очень строго.

Жить было очень тяжело всему советскому народу и нам, немцам, и русским, и все остальным.

Я Андрею не раз предлагала переехать в район или в город, там жить все же полегче!

Но не тут-то было! Мы, немцы, находились под спецкомендату-

рой, как собаки на цепи у своей будки, нам даже в соседнюю деревню нельзя было без разрешения сходить. Каждый взрослый советский немец раз в месяц должен был лично предстать и расписаться у коменданта в журнале, что он ещё жив, не убежал за границу, не нарушил закон. Нам не доверяли, со всех сняли отпечатки пальцев. Мы жили под гласным государственным надзором, как нация преступников и бандитов, хотя этой вины за нами никогда не числилось, наоборот, мы и наши предки своим трудом делали Россию великой, а она отплатила нам черной неблагодарностью. Так нам приходилось жить в колхозе.

ПЕРВЕНЕЦ

2 января 1948 года у нас родился первенец, сын! Мы назвали его Виктором в честь моего младшего братишки, о котором я ничего не знала, жив он или нет. Больницы у нас в деревне не было, роды у меня были первые и очень тяжелые. У нас в деревне жила бабушка Настасья Родионова, очень милая и бедная женщина. Свекровь к ней сходила и сказала, что я не могу разродиться. Бабушка не отказала, сразу пришла и помогла. Когда у меня родился сын, его даже завернуть было не во что. Я его завернули в старую рубашку Андрея. Вот такая была жизнь.

Бабушка Настя посмотрела, в каких условиях мы живём, и говорит:

– У вас тут очень тесно! Столько людей, теперь еще маленький родился. А у меня дом большой, я занимаю только половину, а другая половина пустая. Там есть отдельный вход и отдельная ограда. Переезжайте! Зимой вместе теплее будет.

– Спасибо, мы подумаем, – ответили мы.

Мы жили в доме у родителей Андрея, у нас была одна спальня и кухня. Отец Андрея уже вернулся из трудармии, и нас в доме было семь человек. Дом был небольшой, и тоже на два хозяина.

Мы еще немного пожили с родителями и переехали к Настасье Родионовой. Там было просторно, места много.

Андрей днём работал в поле на тракторе, а ночью поехал в лес за дровами. Он привез дрова бабушке Сидоренко, и она дала ему за это кусок холщового материала, которы сама наткала. Мы были очень рады. Из этого материала люди шили мешки, а мы для ребенка сшили матрасик и одеялко. Соседи дали нам детскую кровать, а через неделю нам выделили от государства десять метров белой ткани «Ёлочка». Она была немного грубой для ребёночка, но лучше, чем ничего. Многие люди шили из неё мужикам кальсоны. Я сделала из ткани пеленки, сшила малышу рубашечки и очень радовалась, что хоть это дали,

есть теперь во что ребенка завернуть.

Из мебели у нас ничего своего не было. Паулина дала нам старую железную кровать, которую ее муж когда-то сделал в кузнице из всякого железа, а деревянный стол дала нам тетя Настасья. Вот и вся наша мебель. Я сейчас рассказываю, а многие не поверят, что так бедно можно было жить.

ЛЕСОЗАГОТОВКИ

Зимой леспромхозы приглашали наших мужиков на лесозаготовку, тот же лесоповал, как в трудармии. Зимой в колхозе работы мало, и из каждой деревни по нескольку мужиков отправляли работать рубить деревья и вывозить брёвна на лошадях к дороге. Андрей тоже туда записался.

– Тебе, Андрей, нельзя туда ехать, мы ведь под комендатурой, – отговаривала я его.

– Нет! Работать можно! Сказали, что это недолго. В марте уже приедем домой, хоть немного денег заработаю!

Так Андрей тоже поехал в тайгу, а я осталась одна с ребенком.

Мне очень помогала баба Настя. Она принесет таз из бани, купает малыша и меня учит. Она была мне, как вторая мама. Она рассказывала, что они тоже нездешние, вербованные. Дом этот не ее, они сами приехали из Воронежа, и давно уже здесь живут. У нее есть дочь и два сына: Все работают в колхозе. Дочка Маруся, ей 20 лет, уже дружит с парнем, с немцем Романом Шмидом.

Андрей приехал в марте с лесозаготовки и привез немного денег, клеёнку и кастрюли. Это была такая радость. Я эту клеенку на стол положила, и стол стал красивый, а то доски сверху были грубо прибиты – некрасиво. А теперь такая красота, залюбуешься.

БОГАТСТВО

В наш деревенский магазин тоже иногда кое-какие товары привозили. Наш продавец Липа Савенко всегда сама ездила на базу получать товар. Она была сестрой нашего друга Яши. Когда она уезжала, люди тут же занимали очередь. Я тоже занимала очередь, и мы ждала продавца часами.

В первый раз мне досталась стиральная доска. Она была вся из железа. У нас дома на Волге у доски была деревянная рама, а в середине доска была железная. Я радостная побежала домой. Раньше все время приходилось для стирки занимать доску у тети Настасьи, было неудобно. Теперь у меня есть своя доска. Надо бы еще и корыто заказать. Говорили, что в деревне Черна Кома есть мужик, который делает

бочки и деревянные корыта, в нём можно купать ребенка и стирать.

Мы поделились мечтой с нашим другом Яшей Совенко, который работал шофером и всех знал.

Яша заказал корыто, и когда оно было готово, привез его нам. Мы отдали деньги, и я теперь стала купать нашего ребенка в собственном корыте, и стирать могу, когда захочу. Я себя чувствовала такой счастливой, если мы что-нибудь новое заимеем, я, как дитя, радовалась за каждую вещь. Я часто повторяла, что если так дальше пойдет, мы будем очень богатые. Андрей смеялся:

– До богатства еще далеко.

ДОЧЬ

В 1950 году у нас родилась дочь, назвали мы ее Ирма. Жить становилось полегче. В том году дали немного зерна на трудодни, Андрей смолол его на мельнице, и мы сами стряпали хлеб. Его в магазине еще не продавали. Но досыта мы не ели. Хлеб надо было экономить, делить на всех и тянуть надолго.

Андрей подолгу работал, ему надо было каждый день брать с собой по кусочку, больше не получалось. Свекровка тоже только кусочек хлеба давала сыну Александру на работу.

Фрида, младшая сестра Андрея, работала на свиноферме, а после работы ходила к мельнику мыть пол. Сам мельник и его жена была старые люди. Но у них было все, даже мёд и пчелы. Они в то время очень хорошо питались. Фрида там всегда кушала, и она была сытая.

Свекровь радовалась тому, что хоть дочь сытая. А нам приходилось всегда экономить, чтобы завтра на столе хоть что-нибудь было. Хоть жидкий суп досыта – и то ладно. А если мы не будем экономить, как проживём? Год длинный, а что будет на следующий год, никто не ведает.

Я отвечала, что хорошо знаю, как это тяжело, я голод пережила. Я тоже буду все делать, чтобы каждый день хотя бы суп на столе был. Немного картошки, немножко луку пожарю туда, ложки три или четыре муки добавлю, и будет хороший суп. Мать Андрея была мной довольна и хвалила меня. Особенно тяжело приходилось зимой, в сильные морозы, а с наступлением весна на душе становилось легче.

ДАРЫ ПРИРОДЫ

Когда становилось тепло, люди ездили на лошадях в тайгу собирать черемшу. Привезут по мешку черемши, свяжут в пучок, сверху листья отрежут, стебли в соль макают и кушают. Я их так любила, стебли толстые, как мои пальцы, а какие сочные! Черемшу на зиму

солят и так едят. Бывало, мелко в миску накрошим, посолим, сметаной приправим – просто объеденье!

Летом ребятишки везде бегают, выкапывают заранки. Они хорошо росли в Гажгарах, было в лесу такое местечко и в Чертовой яме, но туда люди ходить опасались, о нем шла дурная слава. Там перевернулся на тракторе и погиб Яша Савенко. Он был в плену, очень хорошо говорил по-немецки и всегда помогал нам, русским немцам.

Ребятишки нарвут заранки и едят. Или целые охапки дудника несут и угощают всех по дороге.

Потом созревали первые ягоды. В тайге росла малина, такой малины я нигде еще не встречала. Росла клубеница, такая ягода вкусная, этого не опишешь! Вкуснятина невероятная! Ее люди собирали и сушили на зиму. В Гажгарах можно было нарвать смородину, кислицу, черемуху, и даже боярку. Ещё у нас рос дикий чеснок. Тайга была богатой. Грибы таскали вёдрами, солили бочками, орехи приносили мешками, люди вели заготовки на зиму. Все это было очень полезно,

Когда жизнь стала получше, и сахар появился в магазине, люди стали варить варенье. Когда люди работали не в колхозе, а в совхозе, то получали деньги. Каждый год становилось немного лучше с едой. Хотя жизнь еще была тяжелая, но мы уже держали корову и имели кур.

ВОЛОДЯ

В 1952 году у нас опять родился сыночек, мы его назвали Володей. Детей мы очень любили. Когда приходил с работы Андрей, они тут же к нему навстречу бегут. Он их целует, посадит на спину и катает по избе. Вот это им нравится. Ирму, бывало, возьмет за платье и привесит на крючок, что на стене. И смеётся: мол, смотрите, где наша красавица сидит! Я ее снимаю, боюсь, что упадет.

А Витя папку дёргает и кричит:

– Меня тоже!

Вот такой Андрей был отец, он очень детей любил, и дома с ними всегда возился.

КОМЕНДАНТ

Однажды вечером всех немцев в деревне вызывали в контору на встречу с приехавшим комендантом. Пришлось всё бросить и идти. Андрей и я пошли, а тетя Настасья осталась с ребятишками. Оказалось, у нас появился новый комендант Богомолов. Он велел всем расписаться в его журнале.

Но пришли не все, некоторые люди были еще на работе. Тракто-

ристы вообще работали посменно. Тогда комендант говорит:

– Мы сделаем все по-другому. Мы сейчас выберем старшедворку. Человека, который всё про вас знает и будет за всех вас отвечать. В следующий раз, он или она за всех вас распишется, что у вас тут все в порядке. И вам удобнее, и мне хорошо. Давайте сейчас и выберем старшего, я вам верю, что вы меня не подведете.

Все немцы единогласно выбрали меня, так я стала помощником коменданта. Комендант мне все быстро объяснил и сказал, что ему ещё надо идти пешком к другим немцам в соседнюю деревню Гульчек, что за семь километров.

– А вы все идите домой и отдыхайте, больше я вас тревожить не буду, – сказал комендант нашим немцам и мы поняли, что он человек хороший, не такой комендант, какой был у нас раньше. Тот людей вызывал, пугал, орал, оскорблял и бил. Так ударит, что мужики падали.

София Кунц рассказывала, что ее комендант ударил. Ей было 18 лет, она работала у тракториста прицепщиком на плуге. Осенью, когда кончилась хлебоуборка, надо было пахать поля. София должна была сидеть на жёсткой, холодной, металлической седушке приваренной к многолемешному плугу, который тащил гусеничный трактор. Когда на плуге соберется много грязи, корней и соломы, она должна плуг поднять и опять опустить, чтоб трактор пахал дальше, пока опять не наберет мусора, и опять надо поднять плуг, грязь упадет и так всю смену. Сидеть за трактором ночью под открытым небом, в пыли, в грязи, в дождь и в холод по восемь часов было очень тяжело и опасно. Многие засыпали, падали, попадали под плуг, гибли или оставались калеками. В деревне Гульчак мальчишка ночью упал с плуга и заснул в борозде, а трактор на следующем круге запахал его в вместе с землёй. Погиб молодой немецкий парнишка.

В тот раз София работала в ночную смену. Стало очень холодно. А у девчонки не было обуви. Только тряпочные тапочки, она их на ноги привяжет веревкой, чтоб они совсем не развалились. Как-то стало особенно холодно, она рядом с плугом бегала, чтобы согреться, и потеряла свои тапки. Ноги все в крови, кругом стебли от хлеба стоят, и она по ним босиком бегает.

– Я уж больше не могу, – жаловалась она, – присяду в борозду, пописаю на ноги, теплее станет, только раны сильно щиплет. Потом догоню трактор, сяду на плуг и опять мёрзну. Так всю ночную смену отработала.

На другой день она пошла в контору и сказала, что больше босиком работать не может. Показала ноги все в крови и в коросте. Как раз в это время в контору приехал комендант. Он услышал разговор, её в кабинет к себе вызвал и говорит:

– Будешь работать босиком!

– Я буду работать, только дайте мне обувь. Я от работы не отказываюсь.

Комендант подошел и так ударил, что она упала и так сильно ударилась головой об стенку, что потом целую неделю болела.

– Вот тебе обувь! – Орал на неё комендант, и хотел её пнуть, но зашли конторские работники и не дали этого сделать.

Поле пахали всегда три трактора. После этого случая два русских тракториста в холода привязывали к плугу верёвку и продевали её в кабину. Теперь русские девчонки сидели в тепле, в кабине трактора и смотрели в окно, когда плуг надо поднимать. А третий тракторист ненавидел немцев и не пускал Софию из-за её национальности в кабину. Девчонка продолжала мёрзнуть всю ночь на улице. Вот такие люди разные на свете, у некоторых есть смекалка и доброе сердце, а у кого вредность без мозгов.

Другая четырнадцатилетняя девочка в рваном платье, в драном ватнике, с голыми коленками, которая в мороз и в стужу ходила на работу туда и обратно по семь километров, выполняла норму, но положенную норму питания ей не додавали. Тогда она попросила коменданта помочь ей получить положенную полную норму хлеба.

– Иди ты к своему Гитлеру за хлебом!– Закричал тот.

– Я за Гитлера не в ответе! – Возразила девчонка, и не успела договорить…

Вот так ответчиками за Гитлера и его подручных оказались все советские немцы, вина которых состояла в том, что они были одной национальности с оккупантами, напавшими на Советский Союз.

Люди шептались, что нашего бывшего коменданта посадили в тюрьму, наверное, что-то серьёзное натворил. Немцы наши были напуганы, они и сейчас ничего не рассказывают.

ДРУЖБА

В нашей деревне жили больше двадцати немецких семей. Мы особенно подружились с семьёй Кунц. У них отец Филипп был в трудармии тоже в Кировской области, он там и погиб. А его жена и дети оказались здесь, в Красноярском крае, в селе Бескиш.

Старший сын Андрей был в трудармии, как и я, с 16 лет, приехал с женой Викторией сюда жить. Мы стали с ними дружить. Виктория была моей лучшей подружкой. Её свекровь звали Эммой.

С тётей Эммой оставались четверо детей – дочери София, Маруся, Эмма и сын Готлиб. Самой маленькой было 5 лет, а самой старшей 13. Еды никакой нет, одевать нечего.

Эмма работала дояркой. Она выжила, потому что тайком пила мо-

локо, но не знала, как накормить детей, уже все вещи променяла на продукты. Им и самим одевать уже было нечего. Она их спать голыми уложит, а сама в это время чинит и стирает их одежду.

Дети всю зиму сидели на печи, а когда весна наступала, становилось тепло, ребятишки стали выходить на улицу. У каждого было своё задание. Готлиб с Софией должны были из леса дров навозить, чтоб зимой было чем топить печку. Они брали у соседки тележку, и каждый день привозили домой дрова. А в лесу и по дороге ели щавель, собирали ягоды.

Мария с пятилетней Эммочкой должны были воду из реки натаскать, а чтобы дома было чисто, помыть пол. Все дети с малолетства были приучены к работе и к порядку.

Маленький Готлиб приучился бегать к матери на ферму, чтобы никто не видел, и она поила его молоком и ещё бутылочку нальёт и ему за пазуху спрячет, чтоб он домой отнёс и другим детям тоже по глотку досталось. Это был страшный риск для всей семьи.

ВЕСНА

Весной, когда пахали поля, выпахивали прошлогоднюю картошку. Осенью как её ни копай, а часть картошки все равно остается в земле. Весной, когда пашут, она вся наверху лежат.

Ребятишки каждый день бегали на поле и еле успевали её собирать. Мамы потом из этой картошки стряпали лепешки. Они такие вкусные были, вкуснее, чем сейчас конфеты.

Дети во время войны свою жизнь тяжело прожили. Один день чего-нибудь попадет в желудок и хорошо, а бывали дни, когда есть совсем было нечего. А как тяжело это для матери, смотреть на голодных детей. Она их спать уложит, сама плачет горькими слезами, а маленькая Эммочка к матери прижмется и говорит:

– Мама! У нас покушать ничего нету, но зато у нас есть ты! Мамочка, мы так рады, что ты у нас есть!

А теперь все они уже большие.

НИНА-МИНА

В 1954 году у нас родилась дочка, назвали ее Нина, а по-немецки она Мина. Я назвала ее в честь своей младшей сестры, о которой ничего не знала.

НОВЫЙ ДОМ

В нашем доме стало тесно. Одна комната и четверо детей. Мы

стали искать жильё и узнали, что за речкой продают домик, снаружи вроде неплохой. Я как раз получила декретные деньги за четвертого ребенка, и мы купили этот дом. Тогда они были очень дешевые.

Мы перешли жить за реку. Место хорошее, рядом контора, клуб и магазин недалеко. У нас деревня была небольшая, посередине текла речка, через нее был перекинут мост, и деревня делилась на две части. У нас не было названия улиц, и не было номеров домов, все знали друг друга в лицо.

Перешли мы в новый дом. Стены не были оштукатурены, посреди избы находилась большая русская печь, огромные полати на половину избы. Спать мы не могли, клопы нас замучили. Что мы только не делали, а вывести их не могли. Стены сложены из бревен, а между ними мох, там клопы и находились.

Надо было делать настоящий ремонт. Но для него в то время в магазине еще ничего не продавали. Я каждый день ходила в Гожгар, рубила прутики и вместо дранки прибивала их к стене. Намесила глину с мелкой соломой, завела раствор и всю избу заштукатурила. Когда всё подсохло, приготовила другой раствор из глины с песком, сделала затирку и побелила. Печь и полати выбросили. Андрей выписал кирпич, Яша Савенко нам его привез. Я решила класть печь с плитой и с оборотами.

ПЕЧКА

В деревне Гульчек жил немой немец, который всем клал хорошие печи. Мне надо было хоть раз посмотреть на кладку, а самой идти в Гульчек нельзя – я ж подневольная, под комендатурой.

Тут как раз к нам приехал наш комендант. Я ему все рассказала. Он мне поездку разрешил, и Яша Савенко отвёз меня к печнику. Он при мне клал печку и все объяснил, сколько оборотов надо сделать, чтобы зимой было теплее, нарисовал мне чертёж, показал и объяснил все тонкости. Домой я ехала, будто курсы кончила.

Стала я дома класть свою первую в жизни печку и сильно переживала. Не могу успокоиться и всё! Сильно боялась. Не было мне покоя. Но всё отлично получилось. Затопила печку, тяга хорошая, плита не дымила, быстро стало тепло. После ремонта у нас была совсем другая изба – чистая, светлая, теплая, и клопы больше нас не кусали.

Когда в деревне узнали, что я сама сложила печь, не было мне отбоя от заказчиков. Вторую печку я сложила брату Андреевой мамы. С тех пор в совхозе мне пришлось класть печи с плитами и обогревателями, круглые и квадратные, маленькие и большие, на любой фасон.

В деревне Бескиш мы жили с 1947 до 1992 года, и за это время я

почти всем в деревне клала печи, кто только хотел, всего 30 печей выложила.

Хоть это было для меня и для Андрея очень нелегко. Мы постоянно работали до поздней ночи, а свекровка сидела с нашими детьми.

ПОИСК

С комендантом у нас было все в порядке, я приду, распишусь, и все довольны. Я с ним могла разговаривать как с человеком. Однажды я говорю ему, что не знаю, как и куда писать насчет моей пропавшей семьи. Живы они ещё или нет? И он дал мне адрес в Москве, куда я должна была написать письмо. Я написала, долго ждала, наконец мне пришел ответ.

Про отца там ничего не было сказано. А только было написано, что Попп Лидия Адольфовна, 1906 года рождения, живет в Алтайском крае, и больше ничего. Я обрадовалась: значит, мама моя живая. Она ведь тогда вся больная была, вся тряслась, но выжила, молодец! Как бы теперь узнать ее адрес? Комендант пообещал, что-нибудь узнать через Алтайскую комендатуру.

РАДОСТЬ

Очень быстро мне пришло письмо из Алтайского края, где был указан и адрес: город Новоалтайск, улица Набережная, 59.

Я открыла письмо, а там фотокарточки: стоит моя сестра Нина, уже взрослая, со своим ребеночком, девочкой лет четырёх и письмо такое большое-большое. Я стала его быстро читать, а сама плачу от радости. Значит, живы мои родные, только папочки моего нету.

Нина в письме написала, что ходила к своему коменданту отметиться, а он ее спросил:

– У вас есть еще сестра?

Нина ответила:

– Да, была старшая сестра Лидия, но мы о ней ничего не знаем. Она была в трудармии и, наверное, погибла, как наш отец.

– Лидия ваша жива. Она вас и ищет.

– Спасибо! – Поблагодарила его Нина и, растерявшись, хотела уже уходить. Он её спрашивает.

– А вы не хотите знать, где она живет?

– Да! Да! Конечно, хочу! Очень хочу! – Очнулась Нина.

Он дал ей мой адрес. Она не бежала, а летела до самого дома. Домой прибежала, маму обняла, плачет.

Мать напугалась, думала, что-то случилось.

– Мамочка, Лидочка наша живая!

–Где она? Пусть заходит!

Мама думала, что я уже к ним приехала. Нина показала маме мой адрес.

Она писала, что работала на строительстве железной дороги. А когда в Драчёнине железную дорогу построили, всех перевели на станцию Алтайск. Там она до сих пор и работает.

Ещё она писала, что, когда после бурана мама полуживая вернулась домой, Элеонора уже умерла от голода, а Витя был почти при смерти. Нина весь день работала за кусок хлеба, который делили на всех. Мама сильно болела, и они чуть не умирали от голода, ведь у неё было четверо маленьких детей, наш Витя и трое детей от тёти Кати, тогда мама взяла папину скрипку Страдивари и обменяла бесценную вещь на ведро картошки. Мама очень переживала, как она об этом скажет папе.

Вернувшись из трудармии, тётя Катя нашла их в городе и забрала от мамы своих детей. Маме стало легче, но они всё равно сильно бедствовали. Когда тётя Катя немного обжилась, мама с Ниной и Виктором пошли к ней поплакаться, рассказать о скрипке и своём бедственном положении.

Пока они там были, в дом залез вор и украл маленький сундучок со всеми документами и фотографиями. Вор думал, что раз на сундучке висит замочек, значит, в нём лежат большие ценности.

Для нас это были настоящие ценности. Там были документы и фотографии нашего дома на Волге, нашей школы и нашего класса на первомайскую демонстрацию. Все наши родные с папиной и маминой стороны были на фотографиях: дедушки, бабушки, папа, его брат дядя Райнгольд и сестра тётя Катя со своей семьёй. Я помню одну фотографию, на которой стоит отец, а перед ним стою я, мне было тогда годика три, и у меня расплелась одна косичка. Рядом в кресле сидит мама, на коленях у неё маленькая Нина в белом платьишке с кружевами. Наверное, ей было в ту пору всего месяцев девять. Всё было так торжественно и красиво.

Теперь у нас от папы нет ни одной фотографии. Нет ни одной фотографии о нашей Родине на Волге. Обобрали нас до нитки и Россия, и воры

Сестра писала, что она замужем за русским Дмитрием Привидёновым, в письме было его фото, передавала привет моему мужу и детям, просила поцеловать их. Также она попросила написать ей о нас и пригласила в гости.

После этого письма я потеряла покой, так хотелось повидаться, все же 13 лет не виделись.

Я опять стала просить коменданта, чтоб он помог мне повидаться со своими родными!

– Это нелегко, наверное, ничего не получится. Но я попробую, – пообещал он.

Мы ждали долго. Я уже и Нину от груди отучила, ей было 10 месяцев. И со свекровью договорилась, чтобы она у нас пожила две недельки, если меня отпустят. А ответа всё нет. Я думала, что комендант, наверное, не хлопочет и забыл про нас. А он хлопотал сразу за двоих, За меня и за Викторию Кунц – мою подружку. У нее мать, сестра и братья нашлись в Новосибирске, а отца у нее взяли в 37 году, и он пропал с концами. Я попросила коменданта чтобы за двоих хлопотал, мы решили, что вдвоем ехать лучше.

Мы долго ждали и не могли дождаться, постепенно забыли про поездку. Работали и жили дальше своей жизнью.

ПОЕЗДКА

В начале марта комендант приехал к нам и привез разрешение на поездку. Вот это была радость, такая радость, что нам не верилось! Нам разрешили встретиться со своими родственниками.

Ведь даже в соседнюю деревню не разрешали ходить, а тут так далеко ехать и разрешили. Мы быстро, пока не передумало начальство, собрались в путь-дорожку.

Прощаться со своими детьми было нелегко. Всякое может случиться в дороге, но раз решили – поехали. До района нас довёз Яша Савенко. От района Новоселово надо было ехать до станции Жира. А там на поезде до места назначения. Виктория вышла в Новосибирске, а я поехала дальше.

Приехала ночью и сошла на станции Новоалтайск. Зашла на вокзал, села собраться с мыслями. Нина писала, что они жили рядом с железной дорогой. Нужно перейти через мост и будет виден их дом. Но поостерегла, чтобы никуда не ходила, если приеду ночью, на железной дороге много жуликов. Всякое может случиться.

Сижу и размышляю. Они живут совсем рядом. Я так далеко ехала, чтобы с ними поскорее увидеться, а теперь в это драгоценное время должна сидеть тут на вокзале. У меня терпения ее было. Хотела родных побыстрее увидеть. Встала и пошла через мост, ночью нашла большой дом, а за оградой стоял небольшой домик, времянка, это было их гнездышко. Я стала стучать, и меня спрашивают:

– Кто?

Слышу, мама говорит:

– Нина, не открывай!

А я стою, как столб, и ничего не могу сказать. Нина все равно открыла и сразу мне на шею бросилась:

– Я чуяла, что это ты. Сердце мое чуяло. Почему ты не писала, что

едешь?

–Я не знала, что меня отпустят.

Мама сидит в кровати, вся трясется и плачет от радости. А Виктор, ему было 16 лет, ко мне холодно отнёсся. Он меня не помнил. Когда меня забрали, ему было только 5 лет. Я его целую, а он так себе – отворачивается и стесняется. Я ему потом рассказывала про то, как отец столько лет его ждал. Как он хотел мальчика, а все время родились девчонки. Как отец мечтал всё свое мастерство передать сыну:

– Когда ты родился, отец был самый счастливый человек на свете. У нас был очень и очень хороший отец. Но война отняла его у нас.

Я ему многое рассказала: где наша родина, где стоит наш дом родной. Он ко мне привязался и всегда старался, находиться там, где я, крутился около меня, задавал вопросы, всё выспрашивал. Так он стал признавать меня своей сестрой.

Потом я узнала, что тетя Катя, жена папиного брата, тоже здесь живёт. Она со мной была в трудармии. У нее было трое маленьких детей, мои двоюродные братья и сестры. Отец их, дядя Райнгольд, погиб вместе с моим отцом в трудармии. Мне очень охота было повидаться с ними.

– Я пойду с тобой и покажу, где они живут, – сказал мне братишка.

Тетя Катя мне рассказывала, как они шли домой из трудовой армии, как ехали, из 40 человек выжили только двое.

УГОВОРЫ

Я смотрела на маму и чувствовала, что не могу без неё уехать. Я задумала маму забрать с собой. Все были против, а я убеждала, что у нас маме будет лучше. У нас такая природа, лес, покой, чистый воздух. У нас свое молоко. Все продукты свои, кроме хлеба. Хлеб уже нам привозили в магазин, нам не надо было стряпать как раньше. В ответ на мои уговоры мама сказала:

– Мою болезнь молоком не вылечишь, это у меня нервы сдали, когда такие стрессы пришлось пережить. Это было невыносимо, когда комендант у меня Элеонору вырвал из рук и Витя рядом меня за юбку держал, плакал и кричал: «Мама! Мама!» Ему еще пяти лет не исполнилось. А комендант тогда вытащил наган и на нас с тетей Катей направил, чтобы мы вышли из избы и садились в сани. У тети Кати тоже были маленькие дети, их было трое, 3, 5 и 7 лет. Можете представить, какой был тогда крик, и что творилось в материнском сердце. Это описать невозможно. Соседи смотрели и плакали. Ты ведь, Лида, все это видела своими глазами, но ты этого не могла еще понять, хоть ты тоже плакала. Теперь у тебя тоже есть дети, и ты лучше поймешь, почему я стала инвалидкой. Не один удар в жизни пришлось пере-

жить, их было очень и очень много.

– Первый раз это было, – продолжила мама воспоминания, – когда началась гражданская война и нас выслали из Волыни в Россию. Родителям пришлось все оставить и стать нищими. Второй раз, когда началась эта война, опять нам с отцом пришлось оставить, всё что нажили и жить в голоде и в холоде. Но это все можно опять нажить, если бы отец был жив и вернулся домой, то мы бы опять все заимели, но его нет. Самое страшное, когда у тебя отрывают детей от сердца. Это забыть невозможно. И еще обиднее, что это сделал не враг, который на нас напал, а сделала это наша родина, для которой мы честно работали, где мы жили и радовались…

Мама моя была очень тихая и спокойная женщина, она никогда ни с кем не ругалась, и никогда от нее не слышали плохих слов, хотя в ее жизни были такие моменты, что надо было встать на дыбы и высказаться. Но она этого не делала, она была верующая.

У меня времени осталось мало, скоро предстояло ехать домой. Я уже соскучилась по своим детям, а мама все не соглашается ехать. Я уговаривала ее, она соглашалась, что охота посмотреть на моих детей и мужа, но она боялась, что это очень далеко, а она такая больная.

– Я уже здесь привыкла и хочу здесь умереть, – говорила она, но я ей предлагала ехать к нам только в гости, а если не понравится, приедет Нина и заберет ее домой. Наконец уговорила!

Теперь надо было делать все документы и снова идти к коменданту, что он скажет, может, еще и не отпустят маму.

Мы пошли к коменданту и все рассказали. Он нас подробно обо всем порасспрашивал и говорит:

– Вам уже скоро ехать, а документы так быстро оформить невозможно. Это все идет через Москву. На это нужно время, но посмотрим, как дело пойдет.

Мы отдали ему все документы. А сами опять стали ждать и переживать. Надо было это дело делать сразу, когда я приехала, тогда уже все было бы готово. А теперь опять переживай и думай, может, отпустят, может, нет. Ведь мне дали отпуск только на две недели. Комендатура дала нам разрешение, мы с мамой сели на поезд и поехали.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Из нашего района домой надо было ехать через Енисей. Была весна, конец марта, снег уже таял, на льду стояла вода, и переезжать по льду было очень страшно и опасно.

На ту сторону шла грузовая машина, я попросила, чтобы шофёр нас взял. А он говорит:

– Я еду только до деревни Кома.

Мы согласились, а от Комы нам надо было еще дальше ехать. Мама моя на все это смотрела со страхом. Как далеко мы забрались и как трудно до нас добираться. Шофер усадил маму в кабину, а меня в кузов. Я так боялась ехать по льду через Енисей. Всё думала, что мы утонем, и мои дети останутся без матери, но Бог нас уберег, и мы хорошо доехали до деревни Кома. Шофёр довез нас до конторы и высадил. Мы его поблагодарили, и я увидела, что около конторы стоит гажёвка, это такие сани с конем, нашего бригадира. Тут в Коме было наше управление.

Бригадира звали Карл Андреевич Балард. Ну, думаю, повезло нам. А мама моя думала, что мы уже приехали домой. Я ей говорю, что нам надо до нашей деревни ехать еще 15 километров.

Я посадила маму на крыльцо и пошла в контору, чтобы узнать, скоро ли Карл Андреевич поедет домой. Мне сказали, что он в кабинете у директора, и тут он вышел. Увидел и сразу ко мне.

– Тебя уже все потеряли, – говорит.

– Карл Андреевич, дорогой! Поехали быстрее домой, у меня на улице мать больная сидит, потом по дороге поговорим. Мы вышли на улицу, он с мамой поздоровался, осторожно посадил в гажёвку, я села рядом, он взял вожжи, и мы поехали.

– Виктория приехала, наверное, дней пять тому назад,– рассказывал Карл Андреевич, – а Андрей твой тут с ума сходил. Он говорил, она там останется. Она ведь в городе родилась, в городе выросла, там вся её родня.

А Карл Андреевич возражал:

– Ты что, Андрей, с ума сошел? Разве твоя Лида на это способна? С ней что-то случилось. Она своих детей никогда не оставит, я ее знаю!

Так мы по дороге о многом поговорили, а мама все время молчала. Наверное, думала, куда ее дочка везет, на край света, дорог нет, автобусы не ходят, в магазинах пусто.

– А где мой Андрей сейчас работает? – Спрашиваю я бригадира, и он отвечает:

– Андрей сегодня поехал на тракторе в тайгу, чтобы привезти на базу целый стог сена для коров. Он рано утром уехал, к вечеру будет дома. И мы как раз к вечеру дома будем. Сегодня у Андрея будет радостный день.

Когда мы подъехали к нашему дому, бригадир говорит:

– Андрей твой уже дома. Я вперед зайду и скажу. Андрей! Сегодня я хочу с тобой выпить.

Карл Андреевич так и сделал

– В честь чего ты хочешь со мной выпить? – спросил Андрей.

Ребятишки посмотрели в окно, увидели, что конь стоит, и увидели мать. Они как закричали:

– Мама! Мама приехала!

Карл Андреевич не успел ничего сказать, а ребятишки выбежали на улицу встречать маму, Андрей тоже выбежал. А я иду с мамой навстречу. Андрей спрашивает:

– А это кто?

– Моя мама, – говорю.

Он взял ее на руки и поднял по ступенькам в дом. Когда мы зашли, Карл Андреевич попрощался со всеми и говорит:

– Пора домой идти, меня тоже ждут.

А мой Андрей его не хочет отпускать.

– Нет, в другой раз! Они с дороги устали, им надо одним побыть, особенно бабушке.

Мама от ужина отказалась, и мы ее уложили спать. А сами все вместе поужинали, и я им все про мою поездку рассказывала.

Свекровка ушла домой. Я ее за все, что она мне сделала, за то, что выручила, благодарила и маленький гостинец дала: пачку конфет. Больше тогда не было возможности. Если бы не свекровь, я не смогла бы уехать.

Из-за того, что документы были не сразу готовы, я уехала на три дня позже. У меня разрешение было только на 14 дней, а я приехала домой на 17-й день. Но все обошлось нормально, комендант сделал вид, что не заметил опоздание.

ЮРЬЕВ ДЕНЬ

В 1946 году после ликвидации трудармии, все бывшие трудармейцы получили статус спецпереселенца и, как крепостные, прикреплялись к своим предприятиям. Спецпереселенцы обязаны были ежемесячно отмечаться в спецкомендатуре НКВД.

Немцы не имели паспортов. На них заводили личное дело, снимали, как с преступников, отпечатки пальцев. Им запрещено было удаляться от места приписки дальше 20 километров, за нарушение грозило 20 лет каторжных работ.

В 1956 году у нас случилась еще одна радость, с советских немцев сняли комендатуру. Теперь не надо было являться каждый месяц к коменданту расписываться, можно, не спрашиваясь, ездить в район. Там в магазинах можно было кое-что купить.

В гости можно ездить без разрешения коменданта, куда хочешь, только домой на Волгу в родительский дом, возвращаться насовсем – нельзя. Запрещено во веки веков. Вот тебе бабушка и Юрьев день.

Крепостное право отменили, а неволя осталась.

ЭММА

Комендатуру отменили, и ко мне в гости приехала сестренка Нина со своей дочкой Любочкой.

В 1957 году я как раз родила девочку, мы решили ее назвать Элеонорой, в честь моей сестренки, которая умерла от голода на Алтае, когда маму и меня взяли в трудармию.

Андрей пошел в сельсовет ее зарегистрировать, а сельсовет был в другой деревне. Пока он туда пришел, забыл имя. Помнил, что на букву «Э», так и записал – Эмма. Вот как в жизни бывает.

В ПАЛАТЕ

Услышали мы с Андреем, что в Хакасии, в Городе Абакане, есть знаменитый немецкий хирург, доктор Herchenreder, который делает чудеса и тянуться к нему больные со всей Сибири. Рядом с ним работает его дочь Ирма, тоже врач, и что оба они из нашего города Бальцера. А ещё в Новосибирске, есть ангел хранитель всех больных, доктор Grasmick из Бальцера, медицинское светило, замечательный человек. Несмотря на все шлагбаумы и препятствия советские немцы стали всплывать на поверхность общественного признания. Тысячи больных с благодарностью распространяли славу об их золотых сердцах, умелых руках и необыкновенных знаниях и стараниях. Такие, люди были ярким примером истинного характера немецкого народа.

Много людей спас Herchenreder от смерти и отводил беду. Пришла слава о нём и в наше село. У нашего друга Савенко Яши родилась девочка, у неё на ногах ступни были пятками вперёд. Она всегда играла с нашими детьми, но на неё было больно смотреть. Красивая, добрая девочка и такое несчастье. Когда ей было уже лет 12–13, слухи о чудесном хирурге дошли и до нас. Яша Савенко повёз свою дочку в Абакан. Немецкий врач сделал девочке операцию и повернул её ступни так, как надо. Она выросла как все остальные дети, вышла замуж и жила нормальной жизнью. Много добрых дел сделал этот немецкий чудо-врач.

Мы тоже ездили в Абакан, но к профессору на приём не попали, а его дочь Ирма осмотрев нас, успокоила и вселила оптимизм и надежду. Мы долго и мило беседовали, как самые настоящие родственники, как земляки из одного города, вспоминали наше общее немецкое прошлое.

Вернувшись домой меня положили в районную больницу. В моей палате лежали ещё две русские женщины. Мы быстро нашли общий язык и подружились. После ужина одна женщина стала спрашивать

другую:

–Ты одна живёшь или с мужиком?

– Я живу с мужем, он немец... – не успела договорить она.

– Ты живёшь с фашистом? – удивилась первая, – я бы ни за что не стала жить с немцем.

– Он хороший человек, – ответила первая, – он у меня весь дом отремонтировал, ограду починил, новые ворота поставил. Он сильно поддержал меня, когда мне было очень трудно. Он хороший хозяин, умелый, трудолюбивый, не пьёт, не курит, не ругается, детей любит, на работу ходит.

– Но он же фашист! – Кричала первая, – я бы прокляла всех фашистов.

Они не знали, что я тоже немка и продолжали откровенный разговор, а я лежала и слушала, что будет дальше. Первая уже допекла свою жертву и довела почти до слёз и та, отчаявшись, сказала, что в любой момент может выпнуть немца из дома, он у неё живёт на птичьих правах и все законы на её стороне.

Меня от обиды за того хорошего, хозяйственного, русского немца начало трясти. Я готова была пойти в атаку и высказать им своё мнение, выплеснуть всё, что на душе накопилось. Хотела объяснить, что фашист – это не национальность, и мы не имеем никакого отношения к ним, что незаслуженные проклятия не сбываются, а наоборот, бумерангом бьют по тем, у кого из сердца изливается зло, но тут зашла медсестра и громко сказала:

– Данневольф, к телефону!

Я встала. Женщины, услышав мою немецкую фамилию, оборвались на полуслове, замолчали, сконфуженно переглянулись и покраснели. Я видела, как им было неловко и у меня на сердце стало немного легче – видно, не всю совесть они ещё потеряли. В другой раз, может быть, задумаются, что о людях надо судить только по делам, а не по агитации и прокламации. Кто как обзывается, тот так называется.

ФАШИСТКА

Когда я работала в клубе техничкой, и мыла полы пришёл одноклассник моей Ирмы – Володя Межевский и сильно наследил грязными сапогами да ещё и насорил.

Я стала его ругать, а он в ответ обозвал меня «фашисткой».

К тому времени я уже стала смелее и зря обижать себя не позволяла, могла за себя серьёзно постоять. Я тут же собралась и пошла к ним домой.

– Вот что, милая! Твой сын еще не так виноват, как ты. Это он от тебя дома такие слова слышал, поэтому он так сказал! Вот я теперь

пойду в милицию, напишу заявление и посажу тебя на три года. Теперь по новому закону за слово «фашист» три года дают, – сказала я матери Володи, хлопнула дверью и ушла домой. Я хотела её напугать и обманула, что такой закон есть, что три года тюрьмы дают, тем, кто нас российских немцев, фашистами обзывает.

Не успела я до дома дойти, а она уже идет со своим сыном и извинения просит у меня. На первый раз я им простила. Володя чуть не на коленях, что больше обзываться никогда не будет. Мне стало легче на душе. Я подумала, вот мой обман помог нам, немцам, отстоять свою честь, а что делать, раз государство нас не защищает.

В деревне прослышали про это и стали нас меньше обзывать, а то нам, немцам, слова нельзя было сказать. Сразу рот затыкали: «А ты, фашистка, помолчи. Тебя не спрашивали».

Наши немцы рассказывали, что в одной школе учительница посадила всех немецких детей на задние парты и часто вслух перед уроком говорила в классе свою любимую присказку:

– Брынь, брынь, брынь, пятый класс,
посмотри вокруг построже,
Кто же это среди нас
так на Гитлера похожи?

Весь класс оборачивался, смотрел на немецких детей, и смеялись, когда немцы плакали от обиды. Немецкие дети убегали домой и жаловались маме:

– Мы больше в школу не пойдём. Нас там так позорят. На переменках пацаны за нами бегают и дразнят: «Сидит Гитлер за столом, лопает картошку, гитлерята под столом собирают крошки».

В МАГАЗИНЕ

У нас в деревне, если в магазин привозили что-нибудь дефицитное, то давали в одни руки одну банку или на каждую семью по одной штуке. Если вино, то поллитра на семью. Я свою бутылку берегла, когда огород вспашут или гости придут – есть что на стол поставить.

В нашей деревне жила пьяница Тоня Хвостова. Она свою поллитровку сразу опрастает и потом ходит по деревне, просит похмелиться, ко всем пристаёт.

– У меня нету, – говорю.

–Я знаю, что у тебя есть. Дай мне, ради Бога, – прилипнет она, как банный лист. Если я ей не дам, то ее первые слова были:

–Ах ты, фашистка!

Умные люди нас никогда не обзывали, только глупые, злые и

вредные.

Ещё в деревне жила Надя Харитонова. У нее не было ни мужа, ни детей. Она, наверное, не могла ни с кем ужиться. Жила одна в маленькой избушке, курила табак, и была от курева вся черная лицом. Сама худая, как кощей бессмертный и страшная, как смерть с косою. И из-за этого нестарая ещё женщина походила на древнюю старушку, вся пропитана табаком и пахла куревом за версту. В России женщины тогда не курили, нам было страшно, что она курит и матерится.

Однажды в магазин привезли товары и продукты. Люди сразу заняли очередь, чтобы кое-что досталось. Я тоже всегда занимала, а за мной заняла очередь Надя Харитонова. Наш продавец Липа отпускает всем по очереди.

В деревню в первый раз в жизни тогда привезли халву и давали по 500 граммов на семью. Когда моя очередь подошла, я говорю:

– Липа, где справедливость. У меня в семье восемь человек, а Надя живёт одна, но получаем мы одинаково.

Продавец говорит мне:

– У меня такое указание!

Продавец еще не досказала свои слова, а Надя уже кричит изо всей силы:

– Не надо было столько детей делать!

Только она совсем по-другому выразилась, грубо, грязно и матом, по-свински, стыдно это повторить. Я аж все затряслась от расстройства и говорю:

– На, подавись своей халвой, а то ты уже совсем высохла, на человека не походишь, от тебя табаком воняет, рядом стоять невозможно. Но один вопрос я тебе все, же хочу задать. Ты мне ответь на него. Если завтра будет война, кого ты отправишь родину защищать? Ни мужа, ни детей у тебя нет, а у меня два сына и муж, и три дочери. Они будут защищать Родину и на фронте и в тылу, как я её защищала, когда в трудармии день и ночь для родины работала.

Ей и сказать было нечего, она слов не находила, только шипела как змея, а люди, которые за мной стояли, все говорили:

– Лидия права! Права Лидия!

9 МАЯ

Я вспоминаю, что 9 мая, в День Победы, у нас в деревне всегда был торжественный митинг и выходной день. Раньше мы с Андреем регулярно ходили на этот митинг и слушали речи, но я постоянно уходила домой со слезами от расстройства.

Получалось, что День Победы – это людоедский праздник войны. Он красуется на высокой горе, состоящей из прерванных человече-

ских жизней, стоящий в бездонном океане слёз и страданий. Причём разговор всегда шёл о видимой над водой частью. Я решила больше туда не ходить.

На следующий год я не пошла на митинг, а решила высаживать помидорную рассаду в парник. В деревне всегда работы по уши, если хочешь жить, чтобы у тебя все было на столе, надо трудиться день и ночь.

Когда митинг закончился, ко мне пришли мои подруги Дарья Долгих и Маруся Радионова.

– А ты, Лидия, почему не пришла на митинг? Мы думали, что ты заболела, а ты работаешь, – удивились они.

Я ответила, что работать не грех:

– Ну, рассказывайте, что там сегодня было?

Они рассказали, что митинг в этот раз вел наш племянник Владимир Данневольф. Это был сын брата моего Андрея, он был партийный. Ну, я девчат спрашиваю, вспоминал ли он, как ваши отцы на войне погибли? Они мне ответили, что отцы у них на фронте не были. У Дарьи отец умер, когда она еще была маленькая, а Маруся про отца вообще ничего не знает. На митинге говорили только о тех деревенских, кто погиб на фронте, всех вспомнили поименно. Я их спрашиваю:

– А моего отца вспомнили? Моего дядю вспомнили? Меня вспомнили? Я почти пять лет для родины воевала на трудовом фронте? А Андрей мой ещё больше меня там отработал. Мама моя инвалидом стала. Кто про нас вспомнил?

Советские, немецкие женщины всю войну провели за колючей проволокой, под конвоем, в тяжелейших моральных и физических условиях. В трудармии в некоторых местах смертность была выше, чем на фронте, в отдельных трудколоннах доходила порой до 100 процентов.

Отцы и матери были разделены на долгие годы, а дети и старики брошены на произвол судьбы – без жилья и средств существования, без оставленного при выселении имущества, без знания русского языка. Треть нашего народа не пережила войну. Мы, немцы России, самая большая жертва войны!

Наши российские немцы в начале войны были на фронте, они честно воевали в Красной армии. Советские немцы, солдаты и офицеры были смелые, честные и дисциплинированные воины, но всех их ни за что арестовали, с них срывали погоны, ордена и медали, которые они честно заслужили в бою, и отправили за колючую проволоку, в тайгу только за то, что они немцы.

Я еще хорошо помню по рассказам Андрея, что, когда мы были в трудармии, на станции Фалёнки целый эшелон стоял на путях двое

суток, этот эшелон был полон наших руссланддойче-солдат с фронта. Они были хорошо одеты, у некоторых были ордена и медали.

Андрей мой нашел среди них своих родственников, они его хорошо угостили, у них были свои продукты. Они говорили, мы бы лучше на фронте остались, и Бог знает, куда нас сейчас увозят. Родные эти домой не вернулись, полегли в тайге на лесоповале. Российские немцы так же гибли на войне за Победу. Почему их не вспоминают?

Странно получается: тех, кто пришел к нам с оружием в руках, простили, но никак не прощают тех, кто защищал от них свою Родину. Почему нельзя простить тех, кто был безвинно обвинен, наказан и оскорблен своей Родиной; нельзя простить уже в течение многих десятилетий?! Как это понимать?

Мои подруги посмотрели мне в лицо и сказали:

– Правда, Лида, то, что ты говоришь, чистая правда!

Я им говорю:

– Конечно, правда. А когда нас выслали с Волги, у нас отняли нашу родину. После войны все вернулись домой на Родину, только нам запрещают, у нас Родины больше нет. Разве нельзя России принародно извиниться, реабилитировать, возвратить честное имя целого своего народа? Почему нам нельзя на Волгу? Почему мы живём в резервации, у чёрта на куличках? Почему ликвидировали цвет нашей нации – ученых, писателей, юристов, конструкторов, актёров, режиссеров, художников, музыкантов, врачей? Почему мы так и остались изгоями в своей стране? Почему не дают подняться новому поколению? Наши дети не могут учиться и иметь хорошее образование, хорошую специальность, работу, зарплату, достойную жизнь. Почему для нас, преданных и работящих, везде шлагбаум?

Меня понесло, вся обида через край полилась. Вот мои подруги узнали от меня всю правду и моё мнение о Дне Победы. Они говорили:

– Лидия, извини нас, мы ведь всего этого и не знали. Конечно, тебе обидно.

– Наша родина на Волге. Там, где была голая степь, наши предки построили цветущий край. Немцы появились в России при царице Екатерине Второй. Вот и подсчитайте, сколько лет мы живем в России. Мой прадедушка здесь родился, мой дедушка мой отец и я здесь родились и мои дети здесь родились. Теперь внуки все родились здесь, только не на Волге в дедовском доме, а как ссыльные, в Сибири, в Красноярском крае и домой на Волгу нам нельзя в котором уже поколении. Мы что преступники?

Я знаю, что я немало сделала для своей родины и также мой муж, и наши отцы отдали свои жизни за родину. Но нас, советских немцев, никто не вспоминает на 9 мая. В кино нас не показывают, о нас не

говорят, не пишут, как будто нас на свете не было и нет. Целый народ затёрли в угол, и власти считают, что это справедливо. Как мы можем считать, после этого, что наша настоящая родина мать – Россия?

Разве матери так любят своих детей?

САМОУЧКА

В магазине в то время купить было нечего, поэтому всё приходилось делать самой. Я своим детям, себе и мужу шила одежду. Я не училась на портниху, меня научила нужда, я была самоучкой. Я любила труд и красоту и с малолетства думала, что я буду всё сама делать, чтобы хорошо выглядеть и чтоб люди радовались моему труду и моему вкусы. В деревне Бескиш я старалась показать всем, что я за женщина и не просто женщина, а настоящая немецкая женщина. Плохое про меня никто ничего сказать не мог.

Я сама вышивала скатерти, наволочки, всякие накидки на кровать и на стенки, шторки на окна и на двери, ковры на стенку. Кружева на кровати были везде, это было так красиво и модно. А когда моя Ирма уехала в Минусинск работать на трикотажную, вязальную фабрику, она выписала и привезла целый мешок красивых ниток, которых я ещё никогда не видела. Это было целое состояние и такая прелесть, что зимой, когда не было работы в поле, я засиживалась далеко за полночь и вязала для внуков шапки, шарфы, перчатки, с цветочками, всем всё одинаково, ярко и красиво.

Потом Ирма рассказала, что у них на фабрике люди из этих ниток делают ковры, и показала, как это делается. У нас тогда продавались такие ковровые ткани, я покупала её и наносила красивые рисунки. Я начала штопать ковры и сделала три ковра, конечно, не за одну зиму. Ковры получились на загляденье, я подарила их Ирме, Нине и Эмме. Когда мужчины зимой приносили охотничьи трофеи, я научилась выделывать шкурки и сама шила меховые шапки-ушанки для мальчиков, а для девочек шапочки-боярки. Дети мои выглядели изумительно. Всёму надо было учиться, и жизнь учила.

С НОВЫМ ГОДОМ

Я всегда заранее готовилась к Новому году. Под Новый год я как скульптор делала из снега у себя во дворе всяких зверушек. Мне было интересно смотреть, как дети радуются и кричат, что мама делает для нас праздник, хотя для меня это было нелегко. Перед Новым годом я каждый вечер после тяжёлого трудового дня выходила во двор, включала свет в летней кухне, чтоб на улице было видно, и я могла рабо-

тать. Сначала я в темноте лепила деда Мороза и Снегурочку. Потом из снега делала большую вазу с конфетами. Я целый год собирала бумажные фантики от конфет и теперь заворачивала в них кусочки снега. Рядом с вазой лепила большого новогоднего оленя. У нас дома были настоящие оленьи рога, я их мочила в воде и на ночь в мороз совала в снег. Они получились как из настоящего серебра и ярко сверкали драгоценными огоньками. Оленьи глаза я делала из больших чёрных пуговиц, рот из красной толстой, шерстяной нитки. Олень стоял как настоящий. Рядом я лепила лису, волка и целый ряд всяких зверей. Потом в тыкве вырезала глаза, зубы, уши и вешала такие сказочные головы на наш забор. От кухни провела электрические провода и вставляла лампочку во внутрь тыквенной головы. Ночью это выглядело необычно и очень страшно. С другой стороны калитки, где у нас летом была большая клумба, я лепила большого снежного медведя. А с обеих сторон сидели зайчики с длинными ушами. Глазки-пуговички, ротик-ниточки, ушки на макушке. Вечером возле нашего дома отбоя нет от ребятишек и взрослых односельчан. Все бегают, смотрят, удивляются, радуются, всем весело и радостно. Новый год идет! Новый год должен быть обязательно весёлым и счастливым!

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Особенно весело было у нас в деревне на Новый год, когда все собирались в клубе. Люди делали себе карнавальные костюмы и шли на ёлку. В конце вечера всем давали подарки за костюмы, а у кого был лучший костюм – тем доставались подарки наиболее ценные.

Новый год всегда проходил весело. Я тоже всегда готовила к Новому году костюмы для себя и для Андрея. Мы с нетерпением ждали, когда придет это праздник.

Первый раз я сделала Андрею костюм Красной Шапочки, а я была серым волком. Я сделала костюм как могла: пришила к фуфайке черную шерсть от овечьей шкуры. К черным рукавицам пришила когти. К валенкам приделала тоже шерсть, и видно было, как у волка когти торчат. Страшно!

В рот я сделала длинный красный язык и зубы длинные и страшные. В обе дырочки носа запихала шпульки с лампочками, протянула туда проволоку, а батарейку сунула в карман.

Лампочки у меня горели в носу. Шпульки были из-под ниток, когда кончались нитки, деревянные шпульки выбрасывали, а я сохранила. Костюмы у меня получались очень интересные.

Когда мы заходили в клуб, все сразу кричали, радовались, хлопали руками и топали ногами.

Я была Волком да еще с гармошкой, а Андрей мой – Красной Ша-

почкой, и танцевал как балерина.

Андрей мой такой чудак, он подошел к Виктору Сидоренко, тот бы большой мужчина, и пригласил его на пляску. Пляшут. Ну, они дали копоти! Оторвались от души!

Виктор моего Андрея бросает наверх по-всякому, как мячик. И в присядку пляшут, и никто не узнавал, что это был мой Андрей, и меня не узнали. Мы получили лучшие подарки.

Когда Андрей снял свою красную шапочку, люди глазам своим не поверили, он, как артист, так сыграл свою роль, что все были уверены, что перед ними настоящая девочка.

БАЛ-МАСКАРАД

На бал-маскарад в клуб мы с радостью ходили каждый год. В другой раз я нарядила Андрея индейцем, и мы снова заняли первое место.

Потом мы были с Андреем вдвоем, и опять все хохотали, это было очень смешно. Я написала большой лист, подошла к управляющему, и отдала ему, чтобы он прочитал вслух. Я написала, что по-русски мы говорить не умеем и приехали издалека. Там мы жили очень бедно, и услышали, что в Сибири очень хорошо жить. Мы со всей семьей приехали к вам в село и хотим вступить в ваш совхоз, если вы нас примете. В тазике сидят все наши дети. И много еще чего было смешного написано, это все управляющий прочитал, и все кричали:

– Мы вас принимаем в наш совхоз.

Всем было интересно, что у меня было в тазу. Там что-то шевелилось, кудахтало, лаяло, хрюкало, мяукало. Управляющий говорит:

– Это что? Ваши дети плачут? Они, наверно, есть хотят?

Андрей мой всякие слова на иностранном языке говорит, которые сам выдумывает, потому что таких слов на свете не бывает. Это был настоящий концерт. У меня в тазу лежали две кошки, две маленькие собачки и одна курица. Я их завернула в тряпки, чтобы они не могли вылезти, крепко завязала бантом. Собачкам я одела лисьи шкуры, кусочки ее были у меня. Кошкам сшила тапочки, а они в тазу шевелятся и мяукают. К тазу у меня была привязана длинная веревка, я вокруг елки иду, тазик на верёвочке тащу, и тоже с народом по-всякому разговариваю, и руками показываю, непонятные слова говорю. Это нельзя описать, что в клубе творилось. Люди икали, падали от смеха на пол и катались как дети, держась за живот.

УЗБЕК

Каждый год мы выдумывали новые и новые костюмы. Один раз я

говорю:

– Андрей, давай мы в этом году возьмем нашего теленка и сделаем его ослом.

Телёнку было около месяца, его еще поили молоком. Я одела ему старую рубаху с галстуком и штаны. Штаны внизу завязала бантиком, чтобы ничего не выпало, если ему по нужде справиться придётся. Сделала ему уздечку с длинными ушами, на спину привязали седло. На седло я положила длинный узкий мешочек. С одной стороны в мешок я положила старенькие детские трусики и еще кое-что. Все чистое, постирано, поглажено. А с другой стороны в мешке лежали сухие фрукты и засушенные шкурки от мандаринов. Мой Андрей должен был торговать, ведь он был азиатский купец.

Он приехал из далёкой теплой страны торговать у нас фруктами. На нем был халат, который я сшила ему из старого матраца. Халат получился яркий, с красными, зелеными и желтыми полосами, пояс повязали как положено. Голову перемотали тряпкой, сделали усы и длинную бороду. Он выглядел как настоящий узбек и начал в клубе торговать. Высыпал свои фрукты, шкурки и кричал:

– Падхады. Пакупай! По пять копеек одна штюка.

Люди подходили, торговались с ним, много спрашивали:

– Как называется ваш фрукт?

Андрей хотел сказать, что это апельсины, но забыл это слово и говорит:

– Апросинья! За две копейки отдам.

Тетя Апросинья Евлахина сидела как раз рядом и чуть со стула не упала от неожиданности. Зал взорвался от смеха, хохотал до слёз, а потом стал хлопать в ладоши, просто буря поднялась аплодисментов. К Андрею другие покупатели подходят, он уже тряпки выложил, и тоже у каждой цена: 5 копеек, 3 копейки. Люди специально подходят, торгуются с ним для смеха и копейки кладут.

А дети около теленка вертятся и любуются, он был ещё маленький, сосал соску и приучен был бегать за бутылочкой с молоком. Мы его привели в клуб, потому что он бежал за соской и бутылочкой с молоком. Мы завели его в клуб не через парадное крыльцо, а через заднюю дверь в клубе, мы заранее договорились с истопником. Он открыл нам заднюю дверь, и мы зашли.

ГЛУБИНКА

В деревню Бескиш, что рядом с Енисеем, мы с Андреем приехали из трудармии в 1947 году и прожили в ней 45 лет, до 1992 года. Это для нас была вторая родина. Там было всего 60 дворов, улицы без названия и номеров домов. Адрес простой: на деревню дедушке! «Де-

ревня Бескиш, Андрею Данневольфу».

В нашей деревне, кроме нас, жило ещё 24 немецких семьи. Многие уехали после отмены комендатуры, а многие остались в Бескише: Эрнст Ганн, Володя Баллард, Эмма Вазен, Карл Валлард, Карл Винзел, Эмилия Ганн, Иоганес Гель, Давид Гесс, Фриц Гросс, Федор Кремер, Рихард Оберман, Федор Оберман, Рейза-Рая Финк, Яша Финк, Рихард Шмидт, целая семья Кунц – Андрей, Вольдемар, Готлиб, Иоганес, Рихард, Федор, и наша родня – Андрей Данневольф, его родной брат Александр, еще один Андрей – двоюродный брат моего мужа, их отцы родные братья. А теперь и последние разъехались.

Они рассказывали, что вдоль Енисея было множество безлюдных мест, куда причаливали баржи со ссыльными немцами, и сотни людей оставляли там на верную смерть. По весне на таёжных берегах находили лишь человеческие кости.

А ещё на Енисее есть низкие острова, где хорошо ловится рыба. Почти в каждый ледоход льдины ломают там лодки и сносят рыбацкие дома. Рыбаки выезжают туда после половодья, когда вода спадает. На эти острова высадили большое количество немцев Поволжья ловить рыбу. Половина из них умерли зимой от голода. Остальных смела вода в половодье. Нашим повезло – их привезли в Бескиш. Собравшись вместе, старшее поколение всегда с тоской пело песню о Родине.

HEIMAT

In die Heimat möcht‘ ich wieder,
In der Heimat ist es schön,
Wo der Eltern Häuser stehen,
Wo ich sie zuerst gesehen.
Wo mein Herz sie hat gefunden,
Ewig sich mit ihr verbunden,
In dem teuren Vatersort.
Wo man singt die frohen Lieder,
Wo man spricht manch liebes Wort.
Doch mein Schicksal will es nimmer,
Durch die Welt ich wandern muss.
Teures Heim, an dich denk ich immer,
Teures Heim, ich schick dir einen Gruß.

Fritz und Olga
(Ein Lied aus der ehemaligen Deutschen Wolga-Republik)

Hört ein Liedchen aus der Jugend, aus dem schönen Wolgaland,
Wie Verliebte zwei spazierten an dem stillen Wolgastrand.

Es blühet der Flieder, die Jungend singt Lieder,
Am schönsten singt Olga und Fritz an der Wolga.

Wolga, Wolga, du bist breit, Wolga, Wolga, du fließt weit,
Aber solch ein Gluck, hast du nie geseh'n (2mal).

„Höre Schätzchen", sagte Olga an dem stillen Wolgastrand.
„Oh, wie schön ist doch die Wolga und das schöne Wolgaland."
Es blühet der Flieder, die Jugend singt Lieder.
Und Fritz singt mit Olga vom Glück an der Wolga.

Wolga, Wolga, du bist breit, Wolga, Wolga, du fließt weit,
Aber solch ein Gluck, hast du nie geseh'n (2mal).

Immer heller wird der Himmel und das Tageslicht bricht an.
Man hört schon die Fische wimmeln und dir Fischer kommen an.
Es blühet der Flieder, die Jugend singt Lieder.
Am schönsten singt Olga und Fritz an der Wolga.

Wolga, Wolga, du bist breit, Wolga, Wolga, du fließt weit,
Aber solch ein Gluck, hast du nie geseh'n (2mal).
Doch die Fischerpläne rissen, alles schwimmt von solcher Liebe.
Ein zweistundenlanges Küssen hat die Fische all' vertrieben.
Es blühet der Flieder, wir sehn uns bald wieder.
Auf Wiedersehen Olga bis morgen an der Wolga.
Wolga, Wolga, du bist breit, Wolga, Wolga, du fließt weit,
Aber solches Lied hast du nie gehört (2mal).

Андрееву семью сюда, в Бескиш, выслали с Волги в 1941 году, они уже 51 год здесь прожили. За это время пришлось пережить периоды «оттепели», «застоя», «перестройки».

Раньше 1 апреля по всей стране всё дешевело. По радио весь день читали указ и говорили о заботе правительства о народе. Хотя дешевели товары не первой необходимости, а нитки, иголки и тому подобное, но радио без устали хвалило Кремль и гордилось народной политикой правительства.

Нам говорили, что скоро в стране отменят деньги и наше поколение доживёт до коммунизма. Мы верили!

Колхозникам не давали паспортов, потому что свободному человеку просто не нужен паспорт для жизни на территории своего родного государства, говорило радио. Удивительное дело, паспорт был не нужен даже для покупки и продажи дома!

Кукурузный хлеб, паспорта и обязанность удостоверять свою

личность появились после прихода к власти Хрущева.

Соседка жаловалась, что пошла в сельсовет бумаги оформить, а паспорт дома забыла, и хотя все её там с детства знали, отправили обратно. Совсем, говорит, обнаглели, куда ни пойдешь, всюду тысячу бумажек надо собрать, то ли раньше было – ни паспортов, ни волокиты. А теперь без бумажки ты букашка, а с бумажкой человек.

После такой тяжелой жизни, которую мы пережили, мы неудобств не замечали и считали, что мы теперь даже богатые, хотя и живем в глухой деревне, без дорог, без больницы, в школе всего один класс.

Учительница сразу учит всех детей: в одной стороне в комнаты сидит первый класс, а в другой стороне – второй класс. А чтобы дальше учиться, надо своих детей отравлять в другую деревню. Вот так наших детей учили, и я все время говорила Андрею:

– Давай уедем хотя бы в район Новоселово.

А он никак не решался и отнекивался:

– Не. Нам здесь хорошо, мы здесь привыкли. Здесь все наши друзья и знакомые, и природа такая хорошая. Нигде такой природы нет, как у нас в Бескише. Сибирь – она здоровьем пышет и красотой лечит. В Сибири жить было легче, чем в Поволжье, природа богаче, да и земля лучше.

В нашей избе стало очень тесно, семья уже была большая. Мы решили строить себе деревянный, большой крестовый дом. Сделали хороший фундамент под новый дом, потом поставили сруб, но стройка шла медленно, было некогда.

В 1972 году мы достроили свой новый крестовый дом с большими комнатами, с большими окнами и справили новоселье. Там была отдельная спальная, детская комната, комната для мамы и большой зал. В общем, большой дом. Теперь места хватало, и если гости приезжали, место было для всех.

Наша жизнь шла дальше, с каждым годом становилось понемногу легче. Хлеб в магазине был постоянно, сахар тоже. Мы стали держать: корову, свинью, кур и гусей. В огороде сажали: картошку, морковь, лук, чеснок, огурцы, капусту. У нас был очень большой огород. Теперь еда была, гостей мы не боялись как городские, у нас погреб был забит продуктами.

В магазин тоже уже стали привозить всякие продукты и товары. Из мебели привозили железные кровати. Мы купили одну, потом я еще заказала, и мы опять купили. Вот так у нас в избе прибавлялось новые предметы, в наших комнатах стало красивее.

Мы, можно сказать, стали жить уже хорошо даже здесь в Сибири, хозяйство справное, дом большой, одежда и продукты есть, легковую машину«Жигули» купили. А главная наша радость – дети и внуки.

ПОМОЩНИКИ

Дети подросли и стали нам помогать. Андрей работал на тракторе, я летом работала телятницей.

Рано утром я уходила на работу, давала телятам корм, убирала навоз, таскала воду, мыла телят, а потом выпускала их пастись на луг.

Ко мне на ферму приходили дети, пасли телят, а я бежала домой и варила обед и кое-что еще быстро делала. Летом у детей были каникулы целых три месяца, и всем находились обязанности. Девочки мыли посуду и полы, Володя помогал ухаживать за телятами. Витя работал в совхозе на сенокосе.

Бабушка, моя мама, только смотрела за детьми и контролировала, чтобы они все путем делали. Мама была очень спокойная, никогда не ругалась, но сама делать ничего не могла, сильно её трясла болезнь Паркинсона.

СВАДЬБЫ

Витя отслужил в армии. Он был танкистом, защищал родину, участвовал в советско-китайском пограничном конфликте на острове Даманский. Его призвали в 1967 году, а вернулся он 7 декабря 1969 года. Дома выучился на сварщика, но работал на тракторе. В 1974 году Витя привёл в дом свою невесту Гильду Кунц, и мы сыграли им свадьбу. Они остались жить в нашей деревне.

Ирма хотела учиться на зубного врача, но её не приняли, и окончила курсы бухгалтеров, потом работала в районе заведующей в промартели. 1 января 1970 году вышла, замуж за Анатолия Успенко и уехала жить в райцентр Новоселово.

Нина наша вышла замуж за Валеру Почтарева 23 августа 1975 году, они уехали жить в Красноярск. Там она работала в экспедиции. За хорошую работу её сфотографировали, о ней была большая статья в газете. Так что дети мои честно трудились.

Володю забрали в армию 5 ноября 1971 года, а возвратился он со службы в 1973 году, работал шофером. 4 марта 1978 году женился на Вале Почтаревой.

Эмма выучилась на бухгалтера и работала в Новоселово старшим бухгалтером в оросительной системе. 20 марта 1981 году она вышла замуж за Славика Кривенко.

Каждому, кто выходил замуж или женился, мы спаравляли свадьбу. В нашем доме в одно мгновение сыграли пять свадеб.

У российских немцев был самый высокий в стране процент смешанных браков – в основном с русскими. Потому что мы были после

депортации распылены по огромной территории и жили в основном среди русских людей.

Когда в нашем доме играли свадьбу, у нас почти вся деревня гуляла. Всем селом пели русские, немецкие, украинские песни. В полночь снимали с невесты венок и хором пели «Schön ist die Jugent, sie komt nich mehr».

Все на наших свадьбах были, национальность роли не играла и наоборот, когда у русских свадьба была, нас тоже всегда звали, а когда мы провожали в армию своих сыновей, тоже всей деревней гуляли.

Значит, не зря мы новый дом строили, места теперь всем хватало. Одни уходят, другие приходят, но вскоре всё стихло, разлетелись птенцы, стало в доме меньше народу, и иногда было в нём совсем пусто.

РАЗДУМЬЕ

В одно время, когда у нас в деревне многие держали овец, пастухом был Яша Финк. Весной, после отёла, многие овцы не принимали своих ягнят, и малышей надо было держать отдельно, ухаживать за ними, следить, кормить и поить.

Мне дали тогда 20 овечек и 20 ягнят, и моя подружка Виктория Кунц тоже взяла столько же. Днём мы их вместе пасли. За нашим огородом была большая поляна, трава сочная, пахучая, цвели разные цветочки и ягнята паслись там, как в раю. В этом деле мне очень помогали мои дети, без них было бы труднее.

Каждой овце за заднюю ногу мы привязали не очень длинную верёвку, чтоб её легче было поймать, когда надо было кормить ягнят, чтобы они сосали у матери молоко. Надо было просто догнать овцу и наступить на верёвку, дальше она бежать не могла. У каждой овцы на ушах, как серёжки, были прикреплены бирки с номерами и у ягнят тоже. Всех ягнят кормили утром, вечером и два раза днем, вскоре они стали такими красивыми, как на открытках. Ягнята, наевшись, лежали в зелённой травке среди красивых цветов, это была такая красота, просто загляденье. Особенно дети радовались, когда играли с ягнятами, а те убегали от них, резвились и прыгали от счастья. Так мы к осени вырастили своих ягнят, и они стали настоящими большими овцами. Осенью колхоз собирал всех овец вместе и отдавал в специализированный овцесовхоз, он был за 50 километров от нашего района Новосёлово. На следующее лето мы взялись выкармливать телят. Работы всегда хватало и дома, и в колхозе.

Красота России в деревне. Ведь такую красивую и богатую при-

роду Сибири невозможно не любить. Там можно жить и дышать свежим воздухом, нигде нет лучше мест, чем у нас в таёжной деревушке Бескиш.

Правда, заботы о трудовом человеке никто не проявлял, а это всё зависело от местных больших начальников, они для рабочих ничего не делали. Они только приезжали, грозили, пугали и требовали выполнения плана по молоку, мясу, зерну, кукурузе. Они хотели догнать и перегнать Америку.

На наши условия жизни они не смотрели и нами не интересовались. Бригадирам говорили, чтобы те записывали всех, кто медленно работает или вовсе не вышел на работу. Таких обещали выслать ещё дальше на крайний север. Я часто думала, почему так трудно жить в колхозе и люди всё время убегали в город, особенно молодёжь.

Если бы построили в нашей деревне хорошие благоустроенные дома, со всеми удобствами, чтоб не надо было таскать из речки воду и топить печки. Если бы у нас была больница, школа, детсад, кинотеатр и асфальтированная дорога, а то, как дождь пройдёт, по деревне не пройти, грязь по уши. За речкой можно было бы построить сельхозбазу: коровник, свинарник, телятник, курятник, сушилку, дробилку, гараж для тракторов и всё остальное, красота была бы не только для глаз, но и на душе, никто бы в город не убегал.

ВНУКИ

Дети выросли, поженились, по выходили замуж и разъехались. Но у нас был крепкий магнитный стержень, родительский дом. Дети с радостью тянулись к отчему дому. На выходные дни приезжали в деревню, отдохнуть на природе, за грибами сходить, порыбачить, зимой на лыжах покататься или на санках с горки вместе с малышней. Летом приезжали на сенокос, мы всегда держали две коровы. Осенью помогали копать картошку.

Из деревни все увозили домой продукты. Когда мы заколем свиней, гусей или кур, тогда и мясо каждому по хорошему шматку доставалось. Все получали свой пай: мясо, колбаски, копчености, яйца, масло, жир, картошка, капуста, лук, морковь, соленья, варенье. Всех обеспечивали продуктами. У нас было все свое, продукты свежие, чистые, вкусные – не такие, как в магазине.

Время шло, стали рождаться внуки. Летом у нас был настоящий детсад. Все шевелилось, и носилось, внуки бегали, играли, было очень весело, только успевай стряпать и варить.

У нас уже было десять внучат: пять девочек и пять мальчиков. Я, всех приучила пить парное молоко. Утром встану коров подою и каждому в постель кружечку молочка принесу, они выпьют и дальше

спят. Все росли здоровые, никто ни разу не болел, никто ни разу не получал уколы.

Летом они бегали босиком, а когда подросли, купались в речке, и не хотели осенью уезжать домой.

Нина, бывало, привезет на лето своих девочек, Таню и Настеньку, они бледненькие, худенькие, скромненькие. А осенью она своих девочек не узнает: шустрые, рассказывают наперебой, поправились, глаза горят, щечки красные, красавицы, просто кровь с молоком.

СТИХИ

Иногда я была такая счастливая, много размышляла и снова стала писать стихи.

SIBIRIEN
(Ein kleines Gedicht von meinem Leben)

Es kommt ein Vöglein geflogen,
Setzt sich nieder auf meinen Schoß.
Es hat ein Briefchen in seinem Schnabel,
Es bringt mir aus der Ferne einen freundlichen Gruß.
Ach so fern ist von mir meine teure Heimat,
Und so fremd und so traurig bin ich hier,
Und es fragt hier keine Schwester und Bruder nach mir.
Lieber Vogel, flieg weiter in die Heimat,
Nimm mit einen herzlichen Gruß von mir.
Und ich kann dich nicht begleiten,
Weil ich bleiben muss hier!

IN SIBIRIEN
So hat man mich gefragt:
„Was quält denn dich so sehr?“
Ich kann nicht nach Hause,
Ich habe keine Heimat mehr!
„Wie war’s Daheim, wo meine Wiege stand,
Wo meine Mutter ihren Arm weich über mich wand“,
Fragt mich mein eigenes Herz;
Ich bin im fremden Land,
Wo ich nur tiefen Schmerz empfand -
Wie’s Daheim war, findest du es nimmermehr.
Wandere nur auf Erden, hin und her -

Nur so schön wie Daheim, wird es nimmermehr.

Von der Wolga
So leb denn wohl, du stilles Haus!
Wir ziehen betrübt von hier hinaus.
Wir ziehen betrübt und traurig fort,
Noch unbestimmt an welchen Ort.
So leb denn wohl, du schönes Land,
In dem ich viele Freude fand!
Vater und Mutter zogen mich hier groß,
Sie pflegten uns wunderbar in ihrem Schoß.
So müssen wir jetzt auseinander gehen
Und wissen nicht, ob wir uns noch einmal sehen!

TRUDARMEE
(Mein Lebenslauf)

I*n einer schrecklichen Stalinzeit bin ich geboren -*
Mein ganzes Glück, das ist verloren.
Ich war kaum 16 Jahre alt
Und musste schon hinein in den tiefen, dunklen Wald.
Sie brachten mich in den tiefen Wald hinein,
Dort, wo nur waren unbekannte deutsche Frauen allein.
Die eine weinte: „Ich musste meine Kinder verlassen."
Die andere sprach: „Was für ein Unglück uns allen beschert."
Und ich weinte, weil ich meine liebe Mutter musste verlassen.
So kam die dunkle Nacht heran,
Und ich war ganz müde und matt von der Bahn.
So suchte ich mir einen Platz in der Ecke
Und legte mich langsam nieder im Dreck.
So kam ich ermüdet letztendlich zur Ruh,
Aber die Wanzen, sie bissen mich ja immerzu.
So kam auch der frühe Morgen herbei,
Noch dunkel - und da hörte man den Glockenalarm.
Da heißt es „Podjom", einer hinter dem anderen,
Da gingen wir los wie die Wanderer.
Da gaben sie mir ein Beil und eine Säge auf den Ruck.
Da ging ich eine Strecke los und brach mir fast das Genick.
Und das war alles noch nicht genug,
Sie gaben mir eine Norm dazu von 5 Kubik zugut.
So ging es an die schwere Arbeit heran,
Und ich stand hier und wusste nicht,
in welche Hand ich die Säge nahm.

Auf einmal erhob sich ein Gedröhn,
Als ob der jüngste Tag vom Himmel kam.
Die Arbeit ging vorwärts, das Holz wurde gefällt,
Aber es war doch eine schrecklich große Kälte.
Die eine weinte: „Ich spür‘ meine Fuße nicht mehr.“
Die andere schrie: „Ich hab‘ meinen Arm verloren“.
Und ich stand und hatte Rotzeis an meiner Nase.
Am Abend gingen wir zu unserer Baracke
Mit einem kleinen Katjelock.
Da gaben sie uns einen Fingerhut voll Brei
Und dazu einen Schöpfer voller Silosuppe.
Da sitzen wir in der Baracke, so traurig und matt.
Und das Gespräch geht nur um das eine,
wenn wir uns könnten essen satt.
Da dachten wir, das Leben ist am Ende,
Wenn wir uns nicht an den lieben Gott können wenden.
So kam auch wieder der frühe Morgen herbei,
da erhob sich von neuem das Geschrei.
Der eine suchte seinen Handschuh, der andere seinen Rock,
Und manchem war genommen das letzte Stückchen Brot.
So gingen an mir viele trüben Stunden vorüber
In diesen 5 Jahren durch meine Glieder.
Von mir war nur noch geblieben ein Knochenskelett.
Und darauf waren gewachsen Haare, Läuse und Dreck.
Auf einmal brachten sie uns von hier fort,
Da kamen wir hin an einen anderen Ort.
Da gingen uns die Augen wieder auf,
Da dachten wir schon nicht mehr
An den zurückständigen Leben auch.

БАНЬКА

В России почти у каждого дома в огороде стояла русская банька. Мылись в ней по-чёрному и по-белому. У нас в бане все было по-белому. Большая комнатка с окошком, строганные полки, где парятся и моются, рядом у стены длинная скамейка. В другой стороне печка чугунная. К ней припаян бак, куда воду наливают, а с другой стороны припаян камин для камней. На камни льют воду и от них пар идет. Печку топят внизу.

В предбаннике у нас веревка была протянута на всю баню. Там мы вешали все вещи для детей. Каждому ребёнку свои вещи отдельно. Сперва моются девчонки все вместе, потом старшие одеваются сами, и младшим помогают. За ними ребята идут мыться, и тоже друг другу

помогают спинку потереть.

Верховодила всем старшая внучка Алла. Она за всеми смотрела, командовала и возилась с малышами, как квочка с цыплятами.

Я в доме уже стол накрываю, чтобы после баньки всех покормить.

Стол был заставлен простой деревенской едой из немецкой кухни: суп с курицей, нуделн, картошка в разных вариантах, тушенная кислая капуста, самодельные колбаски, кухен, креблики. Мы старались сохранить немецкие традиции, праздновать немецкие праздники, особенно Рождество, Пасху, Троицу, дни рождения, исторические даты.

Это время было очень интересное и веселое. Мы так рады были, что Бог дал нам таких детей и таких внуков. Мы себя считали очень счастливыми. Мы были сыты и здоровы, рядом дети и внуки. Мы всегда в работе, радуемся жизни.

Когда после работы все дети и внуки садились за стол, мы с Андреем светились от счастья, глядя на своих потомков.

Хотя еще немного мы под гнетом жили, ну этого уже сильно близко к сердцу не принимали. Вот детям было трудно поступать в институт, их не принимали, потому они немцы.

МАМА

Говорят, что Ангелы пропали,
И на свете больше не живут.
А у них лишь крылышки отпали,
И теперь их мамами зовут.

Часто просыпаюсь я ночами,
И молитву богу приношу:
Господи, Ты дай здоровья маме!
Об одном тебя всегда прошу!

К нам в гости из Алтайска в Сибирь приехал мой брат Виктор. Ему было уже 30 лет. Он был женат на русской женщине Валентине. Виктор слыл мастером на все руки. Он сделал нам комод и шифоньер. Это для нас была большая радость.

Мама говорит Виктору:

– Я поеду с тобой. Я хочу умереть дома. Я жила на Алтае 14 лет, с 1941 до 1955, там моя вторая родина, там лучше, чем здесь. У вас тоже хорошо, но там лучше условия. Город, дороги хорошие. Автобусы ходят. Больница есть и аптека. Легче жить, чем здесь, в этой де-

ревне. Мне вас, Лида, жалко, вы никакого отдыха не знаете, день и ночь работа. Дом, ферма, дети, сарай, огород. И ребятишек мне жаль, я к ним привыкла, и они ко мне тоже. Мне трудно расставаться, но нужно. Я сильно болею.

И они уехали. Мама у нас она прожила, наверное, лет десять или даже больше.

На Алтае мама прожила еще до 1970 года. 20 сентября в возрасте 64 лет она умерла. 29 лет, с 1941 до 1970 года, она болела и мучилась. Это нельзя было назвать жизнью. Она даже кушать сама не могла, так руки тряслись. Пока ложку до рта донесёт, супа в ложке уже нет. Её надо было кормить, как малое дитя. Она из-за этого очень переживала, ей не хотелось быть обузой.

Государство, которое отняло у неё родителей, брата, мужа, дом, состояние, здоровье, никакие пособия по инвалидности не платило. Дали ей пенсию 20 рублей и живи, как хочешь.

А тот зверь с пистолетом, который погубил Элеонору и угробил ее здоровье, наверное, получил за это воинский орден и хвастался, что вот он какой герой был, с бабами воевал, на смерть их отправлял, малых детей на погибель оставлял.

Таких жертв, как мама, было много среди наших немцев, большинство выживших трудармейцев оставались на всю жизнь инвалидами.

АНДРЕЙ

Когда ещё Данневольфы жили на Волге, у них была большая семья – 13 детей, но 7 умерло в младенчестве. В 1934 году отец Андрея Готлиб заболел эпилепсией.

Андрей с 10 лет решил работать вместо отца. Он возил в бочке на поля воду для тракторов. Трактора тогда ещё были с железными колёсами, но основная тягловая сила была лошади и быки.

Быки работать не хотели, шли медленно и лениво, их постоянно надо было подгонять бичом. Зато вечером, когда надо было ехать домой, их понукать не приходилось. Домой быки бежали наперегонки, потому, что знали, там ждал их отдых и сытный корм.

Однажды после работы Андрей на быках ехал домой. Уже стемнело, поднялся сильный ветер, который гнал траву перекати-поле. В темноте плохо было видно, что это так быстро передвигается ему наперерез. Парнишка подумал, что это стая волков бежит и сильно испугался. Он бросил поводья, залез со страху в пустую бочку, которая была на телеге, закрыл крышку и затаился. Андрей сильно боялся волков и подумал, что пока волки задерут быков и нажрутся, то сытые они его не тронут. Он тихо сидел в бочке, а быки шли дальше и вско-

ре остановились. Андрей подумал, что это волки напали и уже задрали быков. Сидит в бочке и дышать боится. А быки просто пришли свой двор и остановились. К быкам подошёл дед и спрашивает:

– А где ваш хозяин? Куда он подевался?

Андрей услышал голос деда и осторожно вылез из бочки. Видит, что он дома, быки целы и всё рассказал.

– Бедный парнишка, такой маленький, а уже с волками воюешь. Тебе в школу надо, учиться, – сказал дед.

– Некогда мне учиться! Семью кормить надо, – ответил Андрей.

Так он и остался неграмотным, в школу ходил всего один год. Всю трудармию прошёл, от звонка до звонка. Потом в Сибири работал трактористом. Работа была тяжелая. Трактор стоял зимой около дома, в совхозе не было гаража. Когда были сильные морозы, трактор не заводился, Андрей так мучился, пока его заведет.

Ему приходилось рано вставать, топить баню, натаскать и согреть воду для трактора. Потом залить её в трактор; пока трактор заведет и прогреет мотор, сам замёрзнет и в бане греется. Вот такое время было. Очень и очень тяжело приходилось людям работать, особенно моему мужу Андрею.

Как-то у нас случилась бурная весна. Снег быстро таял, пришла большая вода и случилось наводнение. Вода имела такую силу, что снесла деревянный мост, разбила его вдребезги и унесла бревна так далеко, что ничего не нашли.

В нашу деревню в это время как раз приехал районный ветеринар и Андрею поручили срочно отвезти его назад в район. На телеге, запряжённой двумя конями, стоял большой ящик, в котором возили зерно. Накидав туда сена, Андрей пригласил ездока. Ветеринар залез на телегу и сел в короб со своим чемоданчиком, в котором были всякие медицинские инструменты.

Подъехав к реке, они увидели, что моста нет, но ветеринар спешил и велел Андрею переправляться вброд. Кони вошли в воду, и пошли к другому берегу, Андрей, стоя на телеге погонял коней. Телега всё глубже погружалась в воду, бурные потоки воды подхватили с телеги ящик с ветеринаром и понесли по реке.

Ветеринар сидел в ящике, как в лодке наполненной водой, держался за борта и панически кричал.

Андрей спрыгнул в воду, взял коней под уздцы и вывел их на другой берег. Если колхозные кони пропадут, его посадят, это Андрей знал. На берегу он бросил коней и побежал вслед за ветеринаром, которого несло по реке, и догнал его уже возле мельницы.

Андрей скинул мокрую одежду, бросился в ледяную воду, доплыл до ящика и спас ветеринара, а чемоданчик с инструментами все-таки утонул.

Домой они вернулись мокрые и простывшие. Их отогрели, растерли, попарили в бане, напоили самогонкой и уложили спать. Отоспавшись, ветеринар уехал, а у Андрея с тех пор стали сильно болеть ноги, ему трудно было ходить даже с палочкой. По состоянию здоровья он перешёл работать на ферму.

У нас дома была молодая и сильная немецкая овчарка по кличке Друг. Андрей научил её ходить в упряжке и таскать сани. Утром запряжет собаку, сядет в сани, и она везёт его на работу.

На ферму привезли немецкую доильную установку, он сам во всём разобрался, собрал ее и отрегулировал. Когда приходили доярки , он включал установку, и доярки начинали работать. А когда заканчивали дойку, Андрей все разбирал, мыл, чистил и опять собирал, чтобы все было готово для следующей дойки. От доярок он всегда требовал, чтобы был немецкий порядок.

Я последний год работала дояркой и ушла на пенсию в 1976 году, в возрасте 50 лет, потому что у меня было 5 детей, за что я получила медаль материнства.

Когда Андрею исполнилось 60 лет, в 1984 году он тоже ушел на пенсию. Мы устроили праздник, вся деревня два дня гуляла. Уже было тепло, мы поставили во дворе столы. Людей пришло много, пили, ели, песни пели, а как гармошка заиграла, все пошли плясать. Во дворе стало места мало, пришлось калитку открыть на задний двор, и там гости продолжали плясать и веселиться. Такой праздник получился, что любо дорого!

Это событие там вспоминают до сегодняшнего дня. Вообще в Бескише всегда весело гуляли, хоть свадьбу, хоть день рождения. Бывало, всякие фокусы устраивали – и переодевались, и дурачились, чего только ни делали.

Мой Андрей всегда переодевался в девчонку. Он выдавал такие шутки, что все хохотали так, что некоторые выскакивали на улицу, чтобы отдышаться на свежем воздухе.

Андрей всю жизнь был очень трудолюбивым, шустрым и легким в работе. Мужа моего хвалили всегда и везде где бы он ни работал. Он всегда был для других хорошим примером. Всегда получал за работу почетные грамоты, премии, и даже был награждён орденом и медалью «Ветеран труда».

СЕСТРА АНДРЕЯ

К нам в Сибирь в гости приезжала сестра Андрея, Анна Шрайбер с мужем Фёдором. Они, как и мы, познакомились в трудармии на Сахалине, поженились и уехали к родителям мужа в Семипалатинск, в

совхоз Приречный.

– Мы очень соскучились и захотели с вами повидаться, – говорила сестра.

Мы сидели за столом в нашем новом доме и говорили о жизни. Вспоминали, что нам всем пришлось пережить в трудармии.

Анна посмотрела, как мы живём, какой у нас чистый, большой и хороший дом, крепкое хозяйство, достаток, много детей, все сыты, одеты, воспитаны, в гараже новые «Жигули». На груди у Андрея медаль и орден за ударный труд, и говорит:

– Андрей если бы я всё это не увидела собственными глазами, я никогда бы не поверила, что ты так хорошо живёшь, и такой дом построил. Всё мне у вас нравится! Ты живешь лучше, чем Александр. У Александра один сын, а у тебя пятеро и всё в доме есть. Ты просто молодец!

Я вспоминаю, какой ты был шкодливый пацан, как у нас на нервах играл, и всё время что- нибудь вытворял нам, девчатам, назло. Мы только полы вымоем, а ты в грязных сапогах по мокрому специально пробежишь, чтоб нам досадить. Как мы за тобой с тряпкой гонялись.

И Анна стала вспоминать все его шалости. Все так смеялись.

– А теперь смотри, какой ты стал хозяин, даже не верится.

Андрей говорит:

–За это надо в первую очередь благодарить мою жену, в этом не только моя заслуга!

ПЕРЕСТРОЙКА

– Что перестраивать, если ничего не построили? – Спрашивали люди друг друга.

Говорливый Горбачёв развязал народу язык, первыми предателями коммунизма были профессиональные коммунисты вроде Ельцина. Он обещали лечь на рельсы, если не создаст в стране человеческие условия жизни, а сам положил на рельсы свой народ и развалил крепкое, богатое государство.

Партийные начальники были недовольны тем, что они в Советском Союзе живут хуже рабочих на западе.

Большевики построили то, что мы имели в СССР, а меньшевики построили свой золотой запад.

У нас кто не работает, тот не ест! А там все едят, причём, очень хорошо и туалетной бумаги хватает на всех. На границе за кусок колбасы никого не ловят, все свободны, как птицы и едут, куда хотят. С жильём вопрос решён, личный транспорт у всех есть. Советский народ на Запад не пускали, чтоб не расстраивались.

Те, кто съездил в отпуск к родне в Германию, вернувшись, душой болели по полгода и говорили о том, что там видели, будто сказки рассказывали.

Беда России не в дорогах и не в дураках, а в дураках, указывающих дорогу.

Сегодня через 20 лет видно, что в России пора говорить о новой перестройке. Современная Россия – самое антисоветское государство в мире. Зачуханный стал народ, опустился, осатанел. Мораль опустилась ниже плинтуса. Внутренний духовный мир человека через деньги сатана разрушил до основания. Закон велосипеда – не будешь двигаться вперед, упадёшь и пропадёшь.

НЕМЕЦКОЕ ДВИЖЕНИЕ

С наступлением перестройки советские немцы тоже зашевелились и хотели восстановить Немецкую Республику на Волге. Хотели остаться в своей стране и преданно служить России, но только они желали вернуться в отчий дом, на землю своих предков в Поволжье. Они мечтали о том, что обещало государство Российское в лице Екатерины Второй.

Свободное поселение в любой местности Российской империи, где кто пожелает.

Гарантия иностранным поселенцам право на местное самоуправление.

Свободу вероисповедания и право на сооружение своих церквей.

Мечтали о возрождении Немецкой Республики в России. Мечтали о немецкой культуре, о национальном воспитании, сохранение немецкого языка, о достатке, о немецких детсадах, школах, институтах. Мечтали о земле, которую хотели обрабатывать, мечтали пожить для себя и что-то оставить детям. Не мечтали, а грезили.

Они хотели восстановить образцовую Немецкую Республику. Тысячи людей хотели вернуться на Волгу, если Республика будет воссоздана. Все молились за автономию.

Но власти боялись объединения немцев в России и вне России, они считали, что незачем создавать на земле третье Немецкое государство, если уже есть ФРГ и ГДР.

Мы были по-прежнему народом с содранной кожей, и нас же обвиняют в том, что не отстроили республику заново где-то в Казахстане, в Капустином яру или на Дальнем Востоке, в представлении некоторых российские немцы – это такая организованная, компактная, трудолюбивая, строительная колонна. Говорят, что однажды Горбачёв будто сказал:

– Если бы я остался у власти, мы бы восстановили Немецкую Рес-

публику.

Спасибо ему за то, что он отменил советским немцам крепостное право и отпустил в Германию.

NEUES LEBEN

Дошли и до нашей глубинки хороши вести, и принес их кто-то вместе с немецкой газетой из Москвы «Neues Leben», в переводе с немецкого это означает «Новая жизнь». Я прочитала её залпом от начала до конца, сразу её выписала и с нетерпением стала ждать следующий номер. Это была наша газета! При Горбачёве там уже писали про нас немцев чистую правду. Я так рада была, что наконец-то люди узнают правду о российских немцах. Мне очень понравилось это стихотворение Лео МАЙЕРА:

ПРИЗНАНИЕ

Я – немец с искореженной судьбою,
Уставший от наветов и неправд.
О родина, я чист перед тобою.
За это и лишен гражданских прав.

Нет преступлений, а грехи – без счета.
Я виноват по оговорам злым
в том, что язык Бетховена и Гёте
стал с колыбели и моим родным.

Я изгнан, очернен и оклеветан,
С моим народом сослан в лагеря.
О Волга! Я встречал твои рассветы
До роковых закатов сентября.

Не мог ведь мой народ предать Поволжье,
где путеводной стала жизни нить.
Ума не надо, чтобы грязной ложью
Святой колодец правды замутить.

Я внёс частичку в общую победу.
Я лес валил в таёжных лагерях.
Я голодал, но я молчал о бедах
И жарил вшей тифозных на кострах.

От холода зимой, от гнуса летом

Страдали мы, и свет нам был не мил.
Голодные, худые, как скелеты,
Мы надрывались и лишались сил.

Почти босые на заре неяркой
Мы шли в болота на лесоповал.
По-волчьи зубы скалили овчарки.
Хмельной конвой отряд сопровождал.

Мы замерзали на холодных нарах.
Эх, доходяги – вот и вся любовь!
Больные люди корчились в кошмарах,
Когда клопы и блохи пили кровь.

А до побудки трупы мы грузили –
Лёд на ресницах, головы в снегу…
Их сбрасывали в общие могилы,
А всех ходячих гнали вновь в тайгу.

Шесть лет не мог я досыта наесться,
Когда домой вернулся весь больной.
Шесть лет не мог я снова отогреться,
и зорко комендант следил за мной.

А вдруг захочет спецпереселенец
Куда-нибудь податься из села?
Смотри, в тюрьму заткну, паршивый немец,
На двадцать лет, в чём мама родила!

Я – немец, я ведь это не скрываю,
Но я же человек, понять сумей.
Люблю Россию, ей добра желаю,
Одной и вечной родине моей.

Я верю, что когда-нибудь свобода
Развеет клевету и боль обид.
Святая правда моего народа
Тупую ложь и подлость победит!

1949 год (Перевод с нем. Роберта Вебера)

В газете писали, что когда с фронта из Красной армии убрали всех советских немцев, один наш немец был разведчиком, он сумел остать-

ся и воевал преданно и смело всю войну.

У него дома была жена и две дочки 2 и 5 лет. После войны, вернувшись домой, он не нашёл там ни жены, ни детей, в его доме жили чужие люди. Он стал искать свою семью, написал в газету «Neues Leben». Долго искал и всё-таки нашел.

Жена рассказала ему, что когда их выслали, то людей погрузили на небольшой, старый пароход, там уже было много поволжских немцев. Пароходик отчалил и тяжело поплыл, потом он часто ломался, приставал к берегу, подолгу ремонтировался, дальше пыхтел и опять ломался.

В трюме было душно, народу много, люди стали болеть и его две девочки заболели. Врача не было и обе их девочки тоже умерли. Пароходик подплыл к берегу, всех умерших и обеих девочек солдаты вынесли на берег. Жена тоже хотела пойти и похоронить своих дочек, но её не пустили. Она была вне себя от горя. Пароход поплыл дальше. Теперь она даже не знает, где они закопаны. Потом она сама чуть не умерла от голода, работы и болезней.

Так солдата, который каждый день на фронте рисковал жизнью, родина отблагодарила. Так поступила с его семьей. Теперь он никогда не узнает, где покоятся его дети.

В другом номере газеты я встретила статью нашего родственника из Семипалатинска Шрайбера, мужа Андреевой сестры.

Он писал, что ездил со своим внуком-школьником на свою Родину, на Волгу, в деревню Шиллинг, что рядом с Бальцером. Хотел посмотреть сам и показать внуку дом, который построил его дед, в котором он сам родился. Он еле узнал свой кантон. Всё было сильно запущено и совсем не походило на ту опрятную немецкую колонию, которая осталась в его памяти. Они долго бродили по улицам, но всё-таки нашли свой дом. Он тоже был неухоженным, сильно постарел, покосился и на дверях висел большой навесной замок. Шрайбер постоял, повздыхал и постучал к соседям, чтобы прояснить ситуацию. Соседи сказали, что хозяева получили новую благоустроенную квартиру и переехали туда жить, а дом этот они хотят продать. Так что, если хотите, можете купить, – предложила соседка. Тут у Шрайбера отнялся язык. Он не знал, что сказать в ответ. Он молча постоял около родительского дома, из которого его вышвырнули, и поехал со своим внуком домой, на место своей вечной ссылки.

Приехав домой, он потерял сон, бессонной ночью написал об увиденном длинное письмо и послал в газету «Neues Leben». В своём печальном рассказе он спрашивал: «Что творится у нас на Родине? Дом строил его прадед, там родился дед, отец, он сам, его братья и сестры, там жила его мать, а теперь этот дом, его собственность, чужие люди продают ему самому. Как это всё понимать? Это ли не пра-

вила разбойников? Мы, русланддойче, были самые несчастные люди на свете».

Много правды писалось в нашей немецкой газете, я читала и плакала и тоже решила написать в газету про всю свою жизнь.

Написала всё, как было, как нас выслали, что пришлось пережить, как теряли навсегда родных и близких. Целый год писала, получилась настоящая книга, и я решила отправить её в Москву, чтоб всё напечатали.

Ну, думаю, как отправить, чтоб рукопись не потерялась. Моя дочь Нина работала в Красноярске в экспедиции, она как раз приехала к нам на выходной в деревню. Я её попросила отправить написанное в Москву. Она сказала, что её сосед по лестничной площадке лётчик, и он наверняка знает адрес, куда можно отправить такое послание. Лётчик этот сначала прочитал всё сам и дал Нине адрес, по которому она отправила рукопись в Москву.

Мы долго ждали ответа, но из Москвы ни привета, ни ответа так и не было. Все мои труды бесследно потерялись. Мне потом сказали, что такие вещи по почте не отправляют. Я там всё откровенно и подробно написала, тогда память у меня была хорошая. Я тогда точно указывала число, месяц, год, фамилии свидетелей, названия мест.

Но и Горбачёв во своей перестройкой так ничего и не сделал для нас, российских немцев. Так мы и не смогли вернуться на нашу родину, на Волгу.

ПЛАНЫ

В России вместо перестройки получился пшик! Русским немцам показали кукиш! Грёзы превратились в слёзы. Обвалились все планы немецкого движения за автономию. Российские немцы сильно обиделись, и спасибо канцлеру Колю, что уговорил Горбачёва поломать Берлинскую стену, объединить Германию и выпустить на историческую родину всех немцев из России, кто пожелал.

В девяностые годы XX века наши немцы стали один за другим уезжать в Германию.

Неожиданно мы узнали, что сестра Андрея, которая жила в Семипалатинске, тоже со своей семьей уезжает в фатерланд. Я опять Андрея спрашиваю:

– Ну а мы что? Рыжие?

– Нет!– Говорит Андрей.– На Волгу нас не пускают и не пустят никогда. Да мы уже здесь привыкли. Нас теперь уже никто не обзывает. Наши люди работают управляющими и начальниками. Наконец-то у нас все есть! Опять что ли всё оставим? И начнём с нуля? Нет, не поеду!

Он очень боялся тронуться с места. Мне тоже было жалко нажитое и я боялась, но виду не подавала и говорю:

– Если бы нас взяли в Германию, когда у нас ничего не было, и мы были босые и голодные тогда, мы бы поехали без разговора. А теперь, когда мы только на ноги встали, снова всего лишаться?

Хотя, с другой стороны, мы становимся старше. Дрова колоть, воду таскать, снег убирать мы уже не в состоянии, а там всё благоустроено и медицина хорошая. Нет! Тут надо крепко подумать!

Никто не знает, какой это был тяжелый шаг. Мы сильно мучились вопросом: ехать – не ехать, ехать – не ехать?

На нашей улице, напротив нас, жила Паулина, старшая сестра Андрея. В 1990 году они, недолго думая, первыми из нашей деревни уехали в Германию и сразу послали нам вызов, но мы его не получили.

Нам его даже не дали, начальство скрыло это от нас. Паулина написала письмо, а потом звонила, но вызов мы не получили.

Тогда её сын Карл, у него уже была легковая машина, приехал из Германии в Красноярск своим ходом, привёз нам вызов и лично вручил из рук в руки.

Теперь надо было перевести все документы на немецкий язык, к переводчику пришлось ехать в Абакан, там был один грамотный немец.

Но Андрей всё равно ехать не хотел. Два года он думал, тем более, что на детей вызова почему то не было. Дети сказали, езжайте без нас, придут документы, мы все оформим и приедем следом, после этого они отнесли вызов в ОВИР.

ПОЕХАЛИ

Осенью 1992 году мы все же поехали в Германию на ПМЖ. Со слезами оставили все своё хозяйство, большой дом, за который мы не получили ни копейки. Никто в деревне дом покупать не хотел, все имели свои.

Если бы наш дом стоял в городе, или хотя бы в районе, мы бы за него хорошие деньги выручили, а так – ничего. За так оставили всё своё хозяйство, как наши родители на Волге.

Но тут мы сами решили ехать добровольно, никто нас не выгонял. С одним чемоданом собрались в дорогу. Ничего не разрешали брать.

А вот Екатерина Вторая от имени государства Российского обещала немецким колонистам право выезда из России в любое время и со всем нажитым капиталом. А вот наше государство это ни одно своё слово не сдержало!

Все в деревне спрашивали:

– Почему вы уезжаете? У вас самый лучший дом в деревне! У вас есть автомобиль «Жигули»! Большой огород! Крепкое хозяйство! Две коровы, свиньи, куры, гуси, собака. У вас всё есть, и нам без вас будет скучно! Кто будет на Новый год выступать на елке?

Мы, конечно, сильно плакали, но потом сквозь слезы я сказала:

– Мы уезжаем от обиды. Наша Родина нас сильно обидела. В этой стране за одно столетие нас трижды обобрали до нитки и ни разу не извинилось. Вот и сейчас мы опять остались с одним чемоданом. Вы все люди хорошие, вы ни в чём не виноваты. Мы с вами прожили вместе 45 лет, мы подружились, привыкли к вам и никогда вас не забудем, все время будем вспоминать вас добром. А тех, которые нас обзывали, мы их простили. Мы ещё приедем к вам в гости! Наша историческая родина Германия! Она зовёт нас! Там мы все будем жить как братья! Как равные среди равных, как немцы среди немцев. Мы будем говорить на родном немецком языке, и никто нас за это не будет обзывать!

МОСКВА

Провожать нас поехали наш сын Виктор и зять Валентин Смирнов. До Красноярска доехали на машине, а потом на самолёте в Москву.

В аэропорту ребята нашли частника, пожилого мужчину, чтоб он отвёз нас из аэропорта Домодедово в деревню Домодедово. Там знакомый Виктора заказал недорогой номер в гостинице. Мы быстро погрузили чемоданы в багажник, сели в машину, а для Валентина не оказалось места, и он поехал в гостиницу на электричке.

Шофер, уловив наш акцент говорит:

– Нам надо быстро уезжать отсюда, пока мафия не наехала. Здесь каждый день уезжающих в Германию на ПМЖ грабят. Вчера на вокзале опять ограбили целую немецкую семью.

Он сел за руль, но к нам уже прицепились рекетёры и потребовали деньги. Шофёр дал газ и быстро поехал, а куда? Мы дороги не знаем, вдруг не туда везёт? Сидим, дрожим, боимся, молимся про себя. За нами погналась какая-то машина.

– Это рэкетёры, – сказал наш шофёр и прибавил газ. Мы ехали так, как показывают в кино. Снег был мокрый, дорога скользкая, на дороге много машин, темнело, наш шофёр свернул с дороги, заскочил в посёлок, потом в какой-то тёмный переулок, заглушил мотор, выключил свет, и рэкетёры проехали мимо. Я так боялась, я так плакала, мне было так страшно!

Потом шофёр тихонько довёз нас в гостиницу, мы расплатились, и

он уехал. Гостиница была настоящим бараком. Мы сняли там комнату и прожили 14 дней.

ПОСОЛЬСТВО

Виктор с Валентином каждый день, как на работу, ездили на электричке в Москву, в посольство Германии, чтобы открыть визу на ПМЖ.

Они рассказывали, что возле немецкого посольства было очень много народу. Царил бардак и неразбериха. Люди составляли какие-то списки, писали на ладошках номера, делали перекличку, если не отзовешься, вылетаешь из очереди.

Две недели стояли Виктор и Валентин на улице перед воротами посольства и не могли открыть визу. Там слонялись всякие московские проходимцы и очень подозрительные люди. Они продавали места в очереди, предлагали сделать срочную визу за хорошие деньги, могли поменять рубли на валюту и обещали всякие другие услуги.

На недовольство отъезжающих немцев отвечали, что сейчас свобода совести: хочешь – имей совесть и стой в очереди, а хочешь – не имей, но всё получишь быстро и без очереди.

И не знаешь, как поступить – или дать деньги и сразу получить визу или честно стоять в очереди две недели, а это тоже денег стоит, надо в эти дни кушать, ездить, ночевать. А сутки в Москве прожить всей оравой, это ж какие деньги надо иметь? Говорят, что наглость – второе счастье, в Москве оно – первое.

Мы уехали, а дом не смогли продать, всё раздали, так кое-что по мелочам продали. Наскребли денег на дорогу да заначку прихватили, что всю жизнь копили, но в Москве пришлось почти всё деньги оставить.

В конце второй недели у нас уже кушать нечего было, хотя мы взяли с собой очень много еды, но три мужика каждый день хотят, что-то пожевать, а в магазине всё дорого.

Виктор привёз из московского магазина мелкую картошку, эта небольшая сеточка стоила сумасшедшие деньги. Я нашим свиньям каждый день по шесть вёдер картошки варила, она была покрупнее и вкуснее.

Мне стало жалко зятя и сына, они сильно измотались, устали, похудели, приболели. У меня были с собой деньги, я достала заначку и дала им. На другой день они сразу открыли визу.

Потом надо было достать билет на самолёт, и тоже надо было дать взятку, иначе можно сидеть ещё три недели. Заначка наша сильно похудела, но в Германии она была не нужна, нам обменяли только по 30 рублей на человека, и то надо было милиционеру сунуть, чтоб в

банк без очереди пустил. Отъезжающие немцы были очень недовольны. Всенародная обида была видна повсюду, а отсюда и авторитет государства, как внутри, так и снаружи. Мы хотели как можно быстрее расстаться с нашими мучителями и вымогателями.

ИСХОД

Каждый день за ужином ребята рассказывали новости, услышанные в толпе перед посольством, всякие случаи исхода советских немцев из России.

Один рассказывал, что после того, как он, уже в который раз, сдал документы в ОВИР, ему позвонили из КГБ и предложили встретиться на нейтральной территории в городском парке. Там ему солидный дядечка, предъявив документы, стал промывать мозги, нагнал страху и объяснил, что реализация его плана равна нулю и даже может иметь негативные последствия. Но если он перепишет свою трёхкомнатную квартиру в центре города на указанную фамилию, ему мгновенно откроют зелёный коридор, и уже через месяц он сможет беспрепятственно уехать в свою Германию. Пришлось пойти на уступки и всё пошло как по маслу.

Многие рассказывали, чтобы не отказали в выезде на ПМЖ в Германию, носили в ОВИР кто коньячок, кто целую свиную ляжку, кто деньги, кто руганью пробился, кто по блату через знакомых, каждый продирался, как может, через этот официальный государственный заслон.

Ещё один немец рассказывал, что когда он продал свою машину и с глазу на глаз получил все деньги, то сказал покупателю:

– Если кто-либо будет интересоваться, почём ты купил машину, не скрывай, только скажи, что денег ты мне не давал, а деньги за машину в валюте отдадут мне в Германии твои родственники. Так обоим спокойнее будет!

Многие знакомые и незнакомые потом интересовались деньгами, даже те, на кого никогда бы не подумал, но уговор дороже денег, и он сработал без последствий.

Другой мужчина, весь побитый, приехавший из казахстанской деревни, рассказывал, что когда они уже всё продали – дом, мебель, машину, скот и спали последнюю ночь почти на чемоданах – в дом забрались двое в масках и потребовали с хозяина все вырученные деньги. Немец, конечно, не отдал, разбойники сильно избили хозяина, но он всё равно деньги не отдавал, хотя и выглядел как кровавый бифштекс. Видя, что его волю не сломить, бандиты привели внука, вытащили острый нож и без намека на шутку сказали, что если он немедленно не выложит все деньги, они для начала отрежут внуку ухо.

Русский немец отдал все, что у них было и грабители, потеряв всякий интерес к отъезжающим, мгновенно исчезли со всеми деньгами.

На другой день немцам надо было улетать. Оставив заявление в милиции и заняв денег на дорожные расходы, перепуганная семья без сожаления уехала в Германию.

Семипалатинский немец рассказал, что когда они тоже продали дачу, машину, мебель, сняли заначку с книжки, на дорогу набрались кое-какие денежки, которые не давали покоя местным людям, бывшим друзьям, коллегам, соседям, которые очень хотели лёгко разбогатеть. Все в округе знали что он, жена и дети уедут на пару дней в другой район попрощаться с престарелыми родственниками, но оттуда он спонтанно решил вернуться домой, потому что запланировал много дел перед отъездом в Германию. Он мирно спал дома один и вдруг проснулся от странного звука, как будто кто-то открыл дверь на балкон.

Сам он бывший десантник, мужчина в рассвете сил, не испугался, тихо надел трико и босиком на цыпочках пошёл в зал. При лунном свете увидел, что с балкона в комнату вошёл незнакомец в чёрной бандитской маске на лице и стал что-то искать в их шкафу.

Хозяин тихо вырубил гостя с одного удара, снял с него маску и одел на себя, потому что увидел как на балкон пятого этажа, с крыши по веревке спускался ещё один соучастник грабежа. Хозяин в маске вышел на балкон и стал вроде помогать. Как только тот коснулся ногами пола, вырубил и его с одного удара.

По крыше кто-то побежал. Хозяин быстро по их веревке залез на крышу хрущёвки и бросился в погоню. Он быстро догнал грабителя. Убегающий остановился, вытащил огромный нож и кинулся на немца. Десантник перехватил удар, вывернул ему руку и в борьбе, падая, проткнул бандита насквозь его же ножом.

На суде немцу дали 8 лет за превышение самообороны. Жена и дети уехали в Германию без него, а его увезли в зону строгого режима. Вот он освободился и тоже стоял в толпе, чтобы открыть визу и уехать вслед за семьёй на историческую родину, но теперь у него были проблемы из-за статьи уголовного кодекса.

Многие говорили, что их грабили не только дома, но и на вокзалах, и в поездах. В России все всегда хотели снять с немцев сливки, но никто перед нашим народом за его страдания не извинился, ни Москва, ни Кремль, ни правительство, ни президент, ни начальство, ни воры, ни бандиты. Было очень обидно за себя, за всех ограбленных и погибших.

Наслушавшись страшилок, мы спали беспокойно. Утром ребята отвезли нас в Шереметьево-2. Мы долго прощались, остатки денег я

незаметно отдала сыну и зятю, чтобы они дома всем поделили поровну. Виктор с Валентином посадили нас на самолет, и мы с Андреем полетели в Германию, а ребята вернулись в далёкую Сибирь.

В САМОЛЁТЕ

В самолёте было большинство немцев из России едущих на постоянное место жительство в Германию. Немецкие стюардессы были очень вежливые и внимательные, кормили всю дорогу, раздавали газеты, журналы, всякие проспекты. В одном журнале лежал чей-то листок бумаги, на котором было написано стихотворение. Оно мне очень понравилось, до слез тронуло за душу.

АЭРОПОРТ

Эдуард АЛЬБРАНДТ

Аэропорт. Горою чемоданы.
И дети спят на выстывшем полу...
Мы улетаем... Ждут другие страны.
Решились! Не хватайте за полу!..

Печать тоски на лицах отрешенных,
В глазах надежды робкой огонек...
Мы улетаем, с нами наши жены
Да старики, кто в землю не полег.

Спасибо Вам за все, товарищ Сталин:
Вы подсказали нам, как надо жить.
Мы ждали много лет, мы ждать устали,
Пока вернут, что нам принадлежит.

Язык теряем, веру и обычаи,
И надо что-то делать поскорей...
Но Ваш закон на нас колючкой бычит,
Как проволокой Ваших лагерей.

Мы помним все. Не стерлось! Не забыли,
Как ни за что загнали нас в тайгу.
Как сосны – мы, болезни – нас валили.
И дети умирали на снегу.

Как нас считали, ставя на колени.
Да по затылкам хаживал приклад.
Мы погибали, веря в светлый гений,
что нас вернет на Родину – назад.
Прошли сквозь сито смерти на две трети.
Рассеялись горстями по земле,
Но ждали, ждали, ждали полстолетья,
Что вспомнят вдруг о немцах там – в Кремле.

Минуло полстолетия... Как страшно,
Что смотрят до сих пор, как на врага.
А время Островов немецких наших
Нещадно размывает берега.

А мы еще надеемся на что-то.
В глухую стену бьемся головой.
Оставить жалко землю, дом, работу...
И так охота быть самим собой.

По сути дела здесь и там чужие,
Но немцы мы, и нам не все равно!..
Терпенью научила нас Россия,
Но, черт возьми, кончается оно!

Собраться вместе надо бы скорей нам.
Покуда в нас хоть капля жизни есть.
А многие не Волгою, а Рейном
Любуются и нас жалеют здесь.

А там. на Волге, злобою сгорают,
Тревожатся, боятся до сих пор.
Но разве страшен тот, кто умирает?
А путь к здоровью тяжек и не скор.

И вот опять родные улетают.
Подумать можно: на подъем легки.
Но слезный спазм гортань пережимает,
И плачут, уезжая, старики.

Изверились. И снова раз за разом,
Давя раскатным ревом на виски,
Летит в закат крылатая «Люфтганза»,
Уносит тела нашего куски.

И новый рейс. И снова слезы льются.
«Прощай!» – гудит по залам и углам...
Те – улетают. Эти остаются...
Душа и сердце рвутся пополам.

Как точно написано, удивлялась я. Народ жив, пока помнит свой язык и чтит свои традиции, пока имеет свою литературу, свою бессмертную общественную память.

В самолете было шумно, погоду делали несколько хорошо выпивших русских туристов. Стюардесса нам сказала, что имидж русских за границей хуже некуда, иностранцы очень любят русских за их кошельки, но нисколько не уважают их за отсутствие культуры и безобразное поведение.

Мне за такое мнение почему-то стало очень больно.

ГЕРМАНИЯ

Самолёт приземлился во Франкфурте-на-Майне. Германия встретила нас хорошо! Нас привезли в большой лагерь Раштадт, в бывшую французскую воинскую часть, дали комнату, кровать, постельное бельё. В столовой кормили отлично.

Мы с Андреем вместе ходили смотреть Германию, видели чистоту, красивые дома, разговаривали с хорошими местными людьми.

Город Раштадт находится на юге Германии, в земле Баден-Вюртенберг, недалеко от города Карлсруэ, на самой границе с Францией. Мы видели старинные замки, средневековые узкие улочки. Городок небольшой, но очень колоритный.

Всё вроде замечательно, а на душе было как-то страшновато, что-то всё не так. Смотрю на небо и думаю: нет, это не наше небо. Природа очень красивая, но другая. Улицы такие чистые, ухоженные, море цветов. Старички и старушки аккуратненькие. Машины все новенькие. По утрам вокруг дома зайцы бегают, у нас в лесу мы столько не видели, косули на лугах пасутся, дикие утки в парке в пруду плавают и людей не боятся, в воде рыба видна крупная, с месячного поросёнка. Птицы поют как в лесу – красиво! Всё хорошо, а душа не на месте!

И тут мне Андрей, который так не хотел ехать, говорит:

– А мне тут нравится!

Это он так меня успокаивал. Потом нас перевели небольшой лагерь в Микимерлау возле Грюнберга, на земле Hessen. К нам в лагерь приходили местные немцы, приносили хорошие вещи, и спрашивали, что нам ещё нужно, стали с нами знакомиться, приглашали в церковь.

В церкви нас приняли очень дружелюбно, каждый хотел как-то помочь. Я даже стала вязать носки, рукавицы и отправлять моим детям посылки с немецкими вещами. Дети радовались, писали добрые письма, и у меня на душе становилось хорошо.

Рядом, в соседнем городке Грюнберге, жила сестра Андрея Паулина со своими детьми. Они нас часто навещали, возили везде на своей машине. Показывали местные достопримечательности, учили, как оформлять документы.

Только мы привыкли к этому месту, лагерь закрыли, нас привезли в нотвоунунг, в Алендорф, что возле Гиссена. Там тоже были очень хорошие люди.

Церковь, в которую мы ходили, находилась совсем рядом. Пастором в ней была женщина. Она была такая внимательная и хорошая, так старалась нам угодить, всегда спрашивала, что нам нужно?

Она организовывала для русланддойче вечера. Люди дома стряпали, приносили свежие кухены, мы пили кофе и разговаривали. Потом нас приглашали в другую комнату, а там на длинных скамейках были разложены всякие хорошие вещи, и мы могли бесплатно брать всё, что хотим. Я опять стала посылать детям посылки.

Русланддойче в лагере все подружились и были как родные братья и сёстры. Там были семьи нашего возраста, с которыми мы особенно сблизились.

К нам приходил один очень хороший местный немец Willi Voss, и мы с Андреем удивлялись, какие приветливые люди эти местные немцы. Они не жадные, все нам помогают, мы с ними можем говорить обо всё на свете, они были такие же, как мы! Почему в России их называют фашистами? Этого я никак понять не могла.

Местные объясняли: немцев обвиняют, что они если не работают, то воюют, если не воюют, то работают. Но это неправда. Немцы предпочитают работать! Воевали они меньше всех в Европе. Так говорит историческая правда! Всё остальное – пропаганда, которая делает из немцев образ врага, на кого можно свалить все свои грехи.

Последняя война, в которую столкнули немцев, давно кончилась, но войны на земле не прекратились. Значит, не немцы являются зачинщики войны, а другие, которые вынуждали Германию браться за оружие во все исторические времена. Значит, другие играют с миром, а потом валят всю вину на немцев.

А ещё большую вину валят на нас, российских немцев, будто мы в ответе за немцев и за русских вместе взятых, сделала и я свой вывод.

НЕМЦЫ

Я прочитала в газете, что в ФРГ (после России наиболее населён-

ном государстве в Европе) проживает более 40 миллионов мужчин и более 42 миллионов женщин (Женщин почти на два миллиона больше). А за рубежом проживает ещё примерно 85 миллионов немцев. На один квадратный километр в ФРГ приходится 230 человек, в Европе – 116, а в Казахстане – только 7, в Канаде – 3, в Австралии и в Коми АССР – 2 человека, в среднем по России – 8.

В ФРГ 4 миллиона неграмотных иностранцев, не умеющих ни читать, ни писать по-немецки. В стране 2.879.000 человек получают социальное пособие, 3 миллиона безработных.

В ФРГ 23 атомных электростанции, 400 различных банков, 50 баушпаркасс, 130 страховых компаний, 41 вид налога. В ФРГ растёт 15.000 сортов яблок. Там продают 200 сортов хлеба.

На дорогах 15 миллионов легковушек. В стране 57 крупных развлекательных парков с аттракционами. В ней много чего интересного.

Немцы, думающий народ. На их счету изобретения, изменившие жизнь всего человечества и каждого человека на земле: двигатель внутреннего сгорания, дизель, электролампочка, электродвигатель, автобан, автомобиль, трамвай, троллейбус, подводные мини-лодки, дирижабль, самолёт-невидимка, гравитационная пушка, ракеты, счётчик Гейгера, металлоискатель, противогаз, водолазный костюм, ртутный термометр, граммофон, швейная машинка, киноформат 3D, теорию континентального дрейфа материков, протестантство, лютеранство, социализм, коммунизм Они открыли рентгеновское излучения. И многое, многое другое, которое не замечают люди.

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ

Наши образованные земляки-активисты доказывали, что в географии России полно русско-немецких названий городов. В Германии есть город Ораниенбаум – в России тоже был Ораниенбаум, только потом его переименовали в Ломоносов, в ФРГ есть Петергоф и в России Петергоф, позже переименованный в Пушкин. Есть в России город Оренбург, в переводе «Ушная крепость», крепость Шлиссельбург, Кронштадт?

Что много немецких фамилий всплывает в истории России. Что Российская Научная Академия первоначально состояла только из немцев. Ломоносов в ней был первым русским.

В 1716 году немец Иван Дмитриевич Бухгольц основал город Омск.

В 1860 году в бухту Золотой Рог вошёл военный транспорт «Манжур» под командованием капитан-лейтенанта Ф. Л. Шеффера. По его приказу солдаты основали военный пост, положивший начало городу Владивостоку. В Москве кондитерскую фабрику «Рот фронт»

основал немец.

В 1867 году немец Карл Петцольд основал в Казани пивоваренный завод «Восточная Бавария». Сегодня это третья по величине пивоварня России «Красный Восток» – она выпускает один миллион бутылок пива в год.

Железную дорогу Москва – Петербург финансировал немецкий банк. В Петербурге на Невском проспекте каждый четвёртый магазин был немецким. Васильевский остров был немецкой колонией. Немцы привезли в Россию новые профессии – сюда ехали садовники, лесники, аптекари, учителя, гувернантки, нотариусы, часовщики, фотографы и т.д.

К обрусевшим немецким фамилиям принадлежали: декабрист Пестель, писатель Денис Фонвизин, поэт Александр Блок, архитектор Фёдор Шехтель, гуманист – доктор Фёдор Петрович Гааз, драматург Николай Эрдман, писатели Вадим Шеффер и Борис Пильняк, режиссёры Всеволод Мейерхольд и Сергей Эйзенштейн, пианист Святослав Рихтер, бас Большого театра Николай Петров (настоящая фамилия Краузе).

Немкой по матери была мать Александра Герцена. Прабабка Александра Пушкина была немка. Поволжской колонисткой была бабушка Ленина – Анна Григорьевна Гросскопф.

Антон Антонович Дельвинг – автор русских песен и романсов, самый его известный романс «Соловей, мой соловей».

Составитель русского толкового словаря Владимир Иванович Даль.

Павел Львович Шиллинг – учёный-востоковед, создатель электромагнитного телеграфа и электрической мины, изобретатель множества технических новинок;

Борис Семенович Якоби создал в Петербурге первый в мире буквопечатающий телеграфный аппарат.

Карл Эрнест Бер (1792–1875) организовал русское географическое общество.

Константин Андреевич Тон (1794–1884) – архитектор. Автор проекта Большого Кремлёвского Дворца, здания оружейной палаты, Ленинградского вокзала, Храма Христа-Спасителя воздвигнутого в честь победы 1812 года.

Клод Пётр Яковлевич Клод (1805–1867) – барон, скульптор. Автор известной композиции коней на Аничкином мосту в Сан Петербурге, памятнику Крылову в Летнем Саду, фигуры Имератора Николая Первого на Исаакиевской площади, квадриги на фронтоне большого театра в Москве.

Сергей Витте. (1849 –1915) – граф, государственный деятель России, председатель Совета министров России, в 1897 году провел де-

нежную реформу, превратившую рубль в самую устойчивую валюту мира.

Фердинант Петрович Врангель– мореплаватель, исследователь российского Севера, открыл остров, названный его именем.

Фадей Беллинсгаузен – первооткрыватель Антарктиды.

Генрих Фридрихович Ленц – открыл закон Ленца-Джоуля;

Изобретатель гвардейского реактивного миномёта «Катюша», которого на западе называли «Сталинский орган», Г. Э. Лангемак и организатор антифашистской организации «Белая роза» в Мюнхене Александр Шмарель.

Фридрих Артурович Цандер – инженер-конструктор, учёный и изобретатель, основатель и первый руководитель группы изучения реактивного движения, один из пионеров реактивной техники, создал реактивные двигатели ОР-1 и ОР-2, разработал проект ракеты ГИРД-Х. С. П. Королёв начинал в его группе чертёжником. Результатом работ стал реактивный миномёт системы «Катюша», затем 40-ствольная мобильная установка «Град».

Борис Раушенбах – Герой Социалистического Труда, академик, профессор, заведующий кафедрой Московского технического института, математик, писатель, лауреат Ленинской и Демидовской премий, родоначальник советской космонавтики. Им созданы системы управления и ориентации космических аппаратов.

Разведчики Рихард Зорге, Рудольф Иванович Абель (он же Вильям Генрихович Фишер), лётчик Николай Гастелло и одинадцать Героев Советского Союза.

А потомственный морской офицер Петр Петрович Шмидт, известный также как лейтенант Шмидт – революционный деятель, один из руководителей Севастопольского восстания 1905 года, командир крейсера «Очаков». Он пользовался такой любовью народа, что даже мошенники кормились его именем, как дети лейтенанта Шмидта.

Знаменитая киноактриса Ольга Андровская, урожденная Шульц, взяла псевдоним в память о погибшем в гражданскую войну брате Андрее, она играла в фильмах «Медведь», «Школа злословия», «Горе от ума».

Апполон Аркадьевич Цимлянский – поволжский немец, физик, учился в Германии, в Эссене. Придумал тепловую пушку, современный лазер. По его идее была написана книга «Гиперболоид инженера Гарина», которая ему не понравилась. Он предсказал цепную реакцию атома, подал идею атомной бомбы.

Михаил Михаилович Шульц – советский химик, член Академии наук СССР, изучал химию стекла и термодинамику, в 1973 году получил Государственную премию.

У основания Казанского университета стояли российские немцы.

Из семнадцати профессоров пятнадцать были немцами. Идею отмены крепостного права преподали будущему царю его немецкие учителя.

Последним русским царём, женившимся на русской, был Пётр I. Все остальные брали в жёны немецких принцесс.

А сколько в современной России немцев – наших современников: артистка Алиса Фрейлих, поэт Евгений Евтушенко, нобелевский лауреат Андрей Гейм, бывший губернатор Калининградской области Георгий Босс, губернатор Томской области Виктор Кресс, бывший губернатор Свердловской области Эдуард Россель, президент, председатель правления Сбербанка Герман Греф., глава правления «Газпрома» Алексей Миллер, руководитель первого канала Российского телевидения Константин Эрнст.

Но эти новые немцы в большинстве случаев ведут себя как в казахской пословице: «Реку перешли – и до свидания!» Большинство из них не вспоминают о своём народе, не заботятся о нём, не помогают ему, а, наоборот, дистанцируются и отдаляются. А поскольку они вхожи в кабинеты власти, могли бы замолвить словечко в высших инстанциях за свой многострадальный народ – российских немцев.

Многие добившиеся успехов в России россияне (и немцы и не немцы), вкладываются в недвижимость, в бизнес за границей и по полгода живут в Германии (и Европе), а то и семьи живут там, и дети все их учатся там же. Из Германии уехать любому – всегда зелёный свет. А вот если границы России откроют, то думаю, на границах в сторону Европы будут большие пробки.

Сколько пользы не приноси, Россия всё равно «Спасибо!» не скажет, да и Германия тоже замалчивает достижения немцев из России. Она ни слова не сказала о немецком хоккеисте, немце из России Роберте Дитрихе из городе Кауфбойрен в Баварии, игроке юношеской лиги, защитника Ярославского «Локомотива», который вместе с командой разбился 28 сентября, 2010 году на самолёте Як-42.

Ни слова не сказали о спортсменах-немцах из России, героях Олимпиады, которые принесли Германии золотые медали.

Если немцы из России делают что-либо хорошее для страны, они просто немцы, а если что-то ненехорошее, то сразу везде подчёркивают, что это немцы из России.

70 лет депортации немцев в России никак не было отмечено в СМИ Германии, зато через два месяца целую неделю по всем телеканалам отмечали 50-десятилетие перезда турок в Германию.

ГИССЕН

Два года прожили мы в разных лагерях. В нотвоунунге, в Ален-

дорфе, прожили полгода и нам предложили хорошую благоустроенную квартиру в Гиссене, в большом 11-этажном доме. Мы поехали смотреть квартиру, она оказалась хорошей, но сам дом мне не понравился, очень большой и шумный. Willi Voss отсоветовал нам селиться, потому что там живёт всякий сброд. А мой Андрей говорит

– Возьмём квартиру. Нам уже два раза предлагали, а тебе всё не ладно.

Мы переехали и живём там до сих пор, но в городе люди были уже не такими приветливыми, как в деревне. Теперь я начала хлопотать, чтобы дети побыстрее приехали из Сибири.

Потом стала оформлять пенсию и через некоторое время её назначили. Андрею дали пенсию совсем маленькую, колхозный стаж ему не засчитали, хотя он работал с десяти лет, прошёл всю трудармию и ни разу не был в отпуске. Мне дали пенсию как многодетной матери.

На Германию нам грех обижаться! Мы тут не работали, но нам всё равно дали пенсию, на которую мы вместе могли хорошо жить. У нас есть крыша над головой, хорошее медицинское обслуживание. Мы можем красиво одеваться и вкусно кушать.

Много раз в кругу друзей и перед сном в молитве говорили мы Господу, Германии, всем немцам и лично Колю огромное спасибо. Он старался для нас русланддойче и для Германии. Мы это чувствовали, ценили и очень ценим. Жизнь наша как-то наладилась и вошла в свою колею.

Мы много гуляли по городу, любовались красотой и чистотой. Интересовались его историей. Каждое воскресение мы ходили в церковь, каждую субботу на фломарк, по-русски на базар. Там собиралось много русскоговорящих. Однажды на фломарке от нашего земляка нам достался листочек со стихотворением о нашем любимом Гиссене. Нам это было особенно приятно, потому что предки мои родом именно из этой немецкой земли.

ПОЭМА О ГИССЕНЕ

Райнгольд ШУЛЬЦ

На свете много городов,
Как звёзд в ночной степи.
На карте Гиссен без очков,
Пожалуй, не найти.
Хоть город Гиссен не звезда,
В истории веков.
Ровесница ему – Москва,
Из знатных городов.

Тут Шифенбергский монастырь
Давал приют убогим.
Казармы, крепость под псалтырь
С законом жили строгим.

Здесь через Gießen – Lahn течёт,
Бежит через века.
Начало в Hessene берёт
Спокойная река.

Лан много видел и слыхал,
И в средних тех веках.
Кости еретиков смывал,
Сожженых на кострах.

Он, не спеша, впадает в Рейн
У Кобленца в огнях,
И в Роттердам бежит вода
В красивых берегах.

А Роттердам – он как порог
Европы к всем мирам.
А за порогом – паруса
Положат мир к ногам.

И если в Гиссене венок
Вы бросите в реку,
То приплывёт он сам в Росток,
А, может, в Петербург.

У Гиссена, мой друг, была
Нелёгкая судьба.
В пожарах он сгорал дотла,
Ккосила всех чума.

Трудился город, воевал.
Детей и женщин защищал.
Да и австрийцам под обстрел
Он не сдавался, хоть горел.

Французам он давал отпор,
Наверно, помнят до сих пор!

Но только мир здесь наступал,
В своём труде он расцветал.

Здесь Отто, первый местный граф,
Впервые уравнял
Всех жителей в своих правах,
Кто Гиссен защищал.

Здесь Ломоносов проходил,
И Гёте чай гонял,
И Карла Либкнехта отец
Родился и мечтал.

Профессор наш Вильгельм Рентген
Всю землю удивил,
Когда особые лучи
Для всех людей открыл.

Тут профессура, доктора,
Общественности цвет.
И здесь живёт ваш скромный «Я»,
Влюблённый в жизнь поэт.

Гиссен Америка бомбила,
Сравняла всё с землёй,
Но из руин он вновь восстал,
Старик стал молодой.

Как много в Гиссене церквей,
Все молятся за мир.
Чтоб Бог проник в сердца людей
И зло там удалил.

Теперь над Гиссеном стоит
На страже городской,
И охраняет день и ночь
Всех ангел золотой.
Наш Гиссен – город побратим,
Знаком по всей земле.
Хоть в Ватерлоо полетим,
Хоть – в Ненцу в Израиле.

И Шереметьево в Москве

Блистает в гиссенской красе.
Весь кафель, что увидишь там,
Обязан гиссенским рукам.

И много разных городов,
И много судьб людских
Скрестила жизнь из всех веков
На наших мостовых.

Сегодня Гиссен молодой
Всем уделит внимание.
Город- студент, он всем родной,
И это – центр в Германии.

Гостей встречает он тепло,
Пред Вами снимет шляпу.
Одессу мамою зовут.
Пусть будет Гиссен – папой.

Есть мнение у русаков,
Теория такая,
Что в Гиссене через фломаркт
Проходит ось земная.

А на фломаркте вообще
Весь мир и все культуры.
Здесь собираются с утра
Русак, поляк и турок.

Здесь часто «трефунги» гремят,
На русском там поют.
Со всей Германии сюда
Российский едет люд.

И если Вы нашли друзей
На трефунге у нас,
То жить Вам будет веселей,
В единстве душ есть «шпас».

Здесь издают газету «Шанс»,
Знакомую всем, всем.
А коль твой шанс поёт романс,
Пришлют в подарок тем.

Здесь 20 тысяч русаков
Приют себе нашли.
Их родина из тьмы веков
Приветствует в тиши.

Пусть все завидуют тебе,
Что ты прописан здесь.
Он лучший город в ФРГ,
Он будет, был и есть.

Благодаря этому стихотворению мы теперь знали о нашем городе почти всю его историю! Он стал нам родным и любимым. Откуда бы мы не возвращались, из любой поездки, заезжая в Гиссен мы радовались, что наконец-то мы дома и говорили всем, что это самый лучший город в Германии! Это наш дом!

КОТЛАС – ВОРКУТА

В Гиссене, раньше часто организовывали «Трефунги» – встречи немцев из России. Съезжались тысячи переселенцев со всей Германии. В огромных залах стояли столы с названиями русских городов, где раньше проживали наши немцы. За столами собирались земляки и проходили незабываемые встречи людей не видевших друг друга десятилетиями. В присутствии молодёжи, шли долгие и откровенные разговоры, воспоминания стариков трудармейцев.

Северную железную дорогу в невероятных условиях строили заключённые, ссыльные немцы и трудармейцы. Путь от Котласа до Воркуты усеян трупами. Вдоль всего железнодорожного пути были лагеря и зоны. Мёрзлый грунт железнодорожной насыпи постоянно оседал, местами рельсы извивались и провисали в воздухе. Машинист паровоза ехал с открытыми с обоих сторон дверями. Если паровоз падал с насыпи влево, машинист выскакивал в правую дверь, если вправо – наоборот.

Потом он шёл вдоль путей до ближайшей зоны. Зеков или трудармейцев поднимали по тревоге, и они шли ставить паровоз на рельсы. Сто, двести человек с вагами ставили на рельсы кукушку и платформы. Рассыпанный уголёк грузили обратно. Поезд двигался со скоростью пять километров в час, и пока он доходил до Котласа, опрокидывался четыре, пять раз. Спрашивается, кому нужен был такой уголь?

Они рассказывали, как на лодках подвозили уголь к стоящим на рейде морским кораблям и вёдрами грузили его в трюмы. Адский

труд невинных людей.

– За что сидишь? – спрашивали люди друг друга.

– За ткусь полытыку! А я, сынок, её ей Бо не бачил! – отвечали другие.

Политика – слишком крепкое вино, чтобы давать его народу неразбавленным. В Коми крае стон стоял повсюду, почти все немцы побывали там во время войны. До сих пор в секрете держатся многие государственные тайны, о которых, однако, знают те, кто побывал в сталинском аде. Вся планета знает, что армяне и евреи подвергались геноциду - уничтожению по национальному признаку, а о геноциде немцев в России скромно умалчивается, хотя именно у них потери в трудовой армии и в спецпоселениях были больше, чем на фронте. Они молча страдали, работали и вымирали массово. Из полуторамиллионной диаспоры уничтожено 600 тысяч человек.

Вопрос о геноциде не выгоден властям России и Германии. Если геноцид официально признают, закрутится такой маховик, который сметёт все бумажные баррикады, запреты, законы, параграфы на пути возвращения российских немцев. Со свистом отлетят языковые тесты, разорванные семьи воссоединятся беспрепятственно. Как это сделала Германия, Россия будет обязана выплатить российским немцам фантастические компенсации, начиная с 1914 года за выселение, раскулачивание, потерю огромного имущества, бесплатный каторжный труд в годы войны, за гибель родных и близких в спецпоселениях, трудармии и тюрьмах. За моральный ущерб. Если из этой суммы создать благотворительный пенсионный фонд «немцам из России» и «немцам в России», то даже потомки получали бы вместо мизерных подачек солидный куш для новой и достойной жизни. Такой напрашивался вывод.

БЮРОКРАТИЯ

Когда мы с Андреем приехали в Германию вдвоём без детей, я поначалу думала, что с ума сойду, ведь документы на детей всё ещё не были готовы. Власти долго решали можно ли нашим детям приехать, ведь у них были смешанные браки с русскими.

Для меня ожидание всех этих документов на разрешение было очень тяжёлым периодом. Я думала, что этого не переживу: так медленно шли дела, так долго тянулось время. Андрей говорил:

– Ты хотела переехать, теперь терпи! Дети обязательно приедут и всё наладится.

Наш Виктор документы подал ещё раньше нас, мы уже давно в Германии, а его документы всё ещё не готовы. Его жена Гильда была учительницей немецкого языка, она заполняла в деревне всем немцам

антраги, все уже уехали, а им все не было ответа. Я ходила по всем конторам, стучала во все двери и нашла, где застряли их документы. Они были в Гиссене. Там была центральная контора для оформления вызовов.

Я этим бюрократам популярно объяснила, как надо работать, чтоб люди были ими довольны, они долго извинялись и документы были сразу готовы.

Скоро Виктор с семьёй приехал в Гиссен. У Виктора жена была немка Хильда Кунц, с ними проблем больше не возникало

Потом приехала Эмма со своей фамилией. У Эмминого мужа, Славы Кривенко мать была немка Эмилия Розе, а отец украинец, но своего отца он не помнил, потому что его посадили ещё при Сталине, и он умер в тюрьме. Это был умный и честный человек, который писал и говорил правду.

В Германии он взял фамилию матери и стал Роберт Розе.

За Эммой приехала Нина со своим русским мужем Валентиом Смирновым и двумя детьми –Танечкой и Настенькой, потом приехала Ирма. Она разошлась со своим мужем и приехала с двумя детьми – Аллой и Толиком. Её дочка, наша внучка, была уже замужем и приехала с русским мужем Александром Романенко и сыном Виталиком.

У Володиной жены, Вали Почтарёвой, отец был русский, а мать Мария Шрайнер немкой. Володя специально ездил в Москву сдавать тест на знание немецкого языка. Люди говорили, что тест принимали разные немцы. «Если попадёте к злому и худому, тогда – прощай, Германия!» Он всех заваливал. Володя попал на приём к худому и шпрахтест не сдал. Так и живёт до сих пор в Сибири, в городе Абакане. Сначала обиделись на Германию за придуманные правила и барьеры для своих же немцев, а теперь успокоились и сами не хотят переезжать.

Когда дети не без приключений, но всё же перебрались к нам, мне стало легче, хотя пришлось с ними ходить по всем кабинетам оформлять документы. Это была такая нервотрёпка, а ничего не поделаешь, дети мои язык не знали. Их всех направили на шпрахкурсы, чтобы они выучили язык. Теперь мы с Андреем могли видеть детей, когда хотели, мы радовались, что все опять были вместе и понемножку помогали им из нашей пенсии.

Наш Виктор шпрахкрсы не окончил, сразу нашёл себе работу и переехал жить в Лоллар. Там он познакомился с бауером. Виктор у него поработал немного и этот бауэр помог ему устроится на работу, в ADAC. Там Виктор ремонтировал и лакировал машины, а потом устроился шофёром на грузовую машину.

У моих девчонок была большая проблема после шпрахов. Куда бы они ни пришли устраиваться на работу, несмотря на их дипломы, стаж

и опыт им предлагали только место пуцфрау – уборщицы. Они работы не боялись, так все трое и сноха стали коллегами по новой профессии. Они сказали, поработаем на этих работах пока не найдём лучшую.

Витина жена поработала немного и пошла учиться, язык она знала хорошо, и ей помогли устроиться в детский сад воспитательницей. Их старшая дочь Линда выучилась на штоербератора, младшая Лиля выучилась на парикмахера и теперь хочет учиться дальше.

Нина работает пуцфрау у зубного врача в Вецларе. Её дочь Татьяна с мужем Эдвином и сыном Элвисом живёт там же. Дочь Настенька выучилась на помощника зубного врача, получила диплом, вышла замуж, забеременела и заболела лейкемией – белокровием. У неё вызвали искусственные роды, и родился сын Никита, а через некоторое время Настенька умерла в возрасте 21 года. Это для всех нас был страшный шок!

Ирма до сих пор работает пуцфрау и плачет, потому что она уже своих рук не чувствует. Там в России она давно была бы уже на пенсии, а здесь так тяжело, надо ещё так долго работать. Её подруга младше её и давно уже в России на пенсии, а Ирме ещё надо работать, а сил уже никаких нет!

Много раз наши дети приходили к нам с горькими слезами, и я их утешала и уговаривала, что всё постепенно наладится. Москва не сразу строилась. Когда нибудь и у Вас будет любимая работа, добрый начальник и хорошие коллеги. Другие русланддойче рассказывают, что встречаются такие люди, которые тебя ненавидят и доводят наших людей до слёз, так что и работе не рад. Кому повезет, а кому и нет.

Я, как мать, опять несу ответственность за всю Германию. Ведь я хотела для детей сделать, как лучше, а страна моя меня опять подвела и у меня в душе одно расстройство. Много слёз я пролила и здесь, в Германии.

Внучка Алла в России окончила медицинское училище и работала в аптеке фармацевтом, здесь она работает непонятно кем – куда позовут: то булочки в школе продает, то чай и кофе школьникам доставляет, то убирает в этой школе. Её муж Александр Романенко, смышлённый парень, открыл в Гиссене русский магазин «Равиаль», но не дали ему подняться, теперь работает на немецкой строительной фирме, кроет черепицей крыши на домах.

Брат Аллы, Анатолий, не работает, сидит на социалке. Эмма долгие годы работала уборщицей, а потом устроилась продавцом, сама ящики разгружает, сама на кассе сидит, сама товар распаковывает и по полкам кладёт. Бывает такие ящики тяжёлые, что кряхтит, плачет и делает. Её муж и все сыновья работают.

Мужики наши тоже хорошую работу не находят, а только тяжё-

лую. И чем тяжелее работа, тем легче её найти, на стройку их берут везде, шоферами или грузчиками.

Там у них работа была по душе, а здесь такой нет. Я опять стала за них переживать. Опять чувствую себя без вины виноватой. Каждая мать всегда переживает за своих детей и хочет, чтобы её детям было бы хорошо жить. Теперь, слава Богу, все уже выучили язык и все работают. Я об одном Всевышнего молю, храни людей, которых я люблю!

ЯЗЫК

На своем родном немецком языке теперь мы в Германии можем говорить сколько хотим, везде и не стесняясь. Свершилось то, чём я все время мечтала, когда в России мы говорили только по-русски и скрывали свой родной язык.

Но произошло непонятное: в Германии мы все равно говорим по-русски. И сами дома, и когда встречаемся со своими русскими немцами, и на улице, и в магазине. Мы все время говорим по-русски, и я сама не знаю, почему. Это уже, наверное, наша привычка. Ведь мы там выросли с русским языком.

А немцам не нравится, что мы говорим по-русски, они про нас так и говорят – русские приехали!

Вот так и получается, там нас обзывали фрицами, тут обзывают русскими, а нам всё время приходится терпеть и помалкивать. Без вины мы, а будто виноватые. Доброе слово в наш адрес трудно выговаривать, зато обозвать и нагадить в душу может каждый. Сильно нас обидели на этом свете, но Бог терпел и нам велел!

ПИЛОТ

Мал язык, да всем делом владеет. От приветливых слов язык не отсохнет. Ходит среди земляков легенда по Германии, что летел из Москвы в Ганновер полный самолёт одних немцев переселенцев, специальный рейс. Когда самолёт пошёл на посадку, симпатичная бортпроводница поимённо назвала весь состав экипажа и, пожелав добра, передала микрофон командиру воздушного судна. И мы услышали:

– Уважаемые пассажиры! Моя фамилия Зайцев, я русский и обращаюсь к вам от имени моего народа. Мы знаем, какую цену заплатили немцы за те безобразия, которые творились и творятся в нашей стране. Мы тоже прошли с вами через эти суровые испытания. Не держите на нас зла, не таите обид. Вы навсегда покинули СССР. Теперь нас будут разделять государственные границы, но даже они не

смогут разорвать узы дружбы и братства между нашими народами. Российские немцы всюду и всегда являют собой образцы стойкости духа, законопослушания, долготерпения, самопожертвования и трудолюбия. Вы во всём остаётесь для нас как добрые соседи, надёжные друзья, коллеги. Как желанные родственники, наконец. Российские немцы вписали много золотых глав в историю России и СССР. Простите за наши бездарные правительства, которые не хотели и не хотят это понимать. Дай вам Бог безмерного счастья на вашей новой исторической родине. ES SEGNE EUCH DER LIEBE GOTT!

В этом коротком радиообращении у пилота была искренняя, взволнованная интонация и справедливые слова, которые проникли в души пассажиров.

В салоне послышались тяжёлые мужские вздохи, и женский плач навзрыд. На лицах вмиг повзрослевших детей застыла тоска, и слёзы накатились на глаза всех пассажиров.

БРАТЬЯ ПО КРОВИ

Приехав в Германию, все немцы из России кинулись зарабатывать денежки, их всегда не хватает, а первое время на новом месте они вообще дефицит. Переселенки даже с высшим образованием, независимо от престижных профессий – инженеры, учителя, партработники стали повсеместно пуцать – превратились на исторической родине, о которой всю жизнь грезили, в обыкновенных уборщиц.

Наших женщин сразу приметили местные бабушки, желающие навести в своей квартире блеск.

В СССР эксплуатация человека человеком была запрещена конституцией, а в Германии деньги эксплуатируют человека без зазрения совести, и человек ради них рад стараться без ограничений, не жалея времени и здоровья.

Младшая моя доченька тоже нашла себе пожилую парочку, по фамилии Кляйн, у которых надо было капитально убирать.

День был очень жаркий, и она в первый раз пришла на работу легко одетая, в футболке и шароварах. Бабушки дома не оказалось, встретил хмурый хозяин, сказал, что жену вчера увезли в больницу. Дед был какой-то подозрительный, неустанно ходил за ней следом и следил за каждым движением. Работать под наблюдением было тяжело и неприятно. Дочка еле доработала до конца дня и подумала, если всегда будет такая слежка, то и денег не надо, придётся отказаться. Дед рассчитался и проводил её до порога.

На другую неделю она пришла, чтобы продолжить уборку, дверь ей открыл хмурый хозяин и с порога заявил прямо в глаза.

– Вы украли у меня 20.000 марок, всё золото и копилку.

– Шутите? – Не веря своим ушам, переспросила Эмма.

– Нет! Не шучу! Я уже заявление в полицию написал!

Работать она не смогла, что-то оборвалось внутри и ком застрял в горле. Стало так обидно! Она повернулась и побежала. Пришла к нам домой, говорить не может, плачет, слезами заливается, вся трясётся.

– Что случилось? – Переполошились все в доме. – С детьми что-то? В аварию попали?

– Нет! Нет! Нет! – Упала она на пол, тяжело рыдая.

– Да что случилось? Говори, давай! – Разволновалась я.

– Немец, у которого я пуцала, сказал мне, что я у него украла 20.000 марок, всё золото и какую-то копилку!

– Да ты что? – Удивилась я. – Разве такое на тебя можно подумать. Он что с ума спятил?

Эмма лишь трясла головой и плакала.

У нас как раз сидел сосед, местный немец Райхельм Гюнтер, который напрашивался дружить с нами, он сразу говорит:

– Давай, Лидия, поехали к нему. Я ему покажу, как честных людей обижать! Наверное, у него жена всё спрятала, перед тем как в больницу леч, а ему не сказала. Не переживай! Найдутся деньги.

– Чего он себе позволяет?! Как нас на новой родине встречают? За кого принимают? Были бы мы в России, я бы ему вмиг совесть почистил и память восстановил, – сжимая кулаки, ходил из угла в угол разъярённый муж Эммы.

– Давай напишем на него заявление в суд. За оскорбление. За моральный ущерб. – Предложил он.

– Я свой век прожила, но на суде не была и сейчас не пойду, – ответила я.

Мы быстро собрались и пошли к Кляйну. А он говорит:

– Чего тут рассусоливать? Российские немцы – все алкоголики, расхитители и хулиганы! Мимо не пройдут, если что плохо лежит, обязательно прихватят! Нам по телевизору про вас многое показывали. Теперь всё! Поздно уже! Я все документы в полиции оформил. Будет суд! Там разберутся!

Гюнтер говорит:

– Я за этих людей ручаюсь. Я каждый год, когда еду в отпуск, всегда им ключи от своей квартиры оставляю, чтобы они цветы у меня поливали. Ничего я не прятал, все нетронуто так и оставалось! Она очень честная женщина!

Дед такую ехидную улыбку скривил, что я прямо обалдела от такой наглости, тупизны и бескультурья.

– Вот зомбированный телезритель! – Подумала я, вышла вперед и как мама говорю ему:

– Как вам не стыдно? Вы старый человек! Подумайте! Что вы та-

кое говорите? Да за такие слова Бог вас обязательно накажет! Я за своих детей отвечаю. Я их работать учила, но не воровать! В России нас немцев очень сильно обижали, и власть и бессовестные люди, это были не наш народ, но вы наш народ, и вы ещё больше нас обижаете! Это намного обиднее! Разве немцы так поступают? Заберите свои слова обратно! Бесстыжий вы человек! Одумайтесь! И прекратите поливать нас грязью. Или я прокляну Вас!

Мы поехали домой, но успокоиться я не могла. Вечером села и написала ему длинное письмо про всю нашу трудную, но честную жизнь. Поздно вечером отнесла и бросила его в почтовый ящик. Так обидно было. Как он нас ни за что ославил.

На другой день к нам приезжала полиция, вежливо расспросили про его пропавшие деньги. Мы ничего разъяснить не смогли. Но из вопросов полицаев поняли, что такую сумму в фарфоровой копилке «Шпаршвайн» нормальные люди не держат, видимо, у старика проблемы с головой.

– Что вы думаете, что все русские воры? Что если мы, немцы, приехали на свою историческую Родину из России, то нас можно унижать и обвинять в воровстве? Сколько мы там унижений пережили? И здесь про нас всякие небылицы распространяют. Что это за политика такая? Мы, русланддойче, самые несчастливые люди на свете, – выговаривала я полицаям.

Полицаи молчали, слушали и терпели наши возмущения, а затем извинились и спешно уехали. Я тоже была на грани срыва, думала, что сума сойду от такого позора. Во мне всё кипело и клокотало.

– Мама! Ну что вы так переживаете? Это же опасно для жизни. Найдутся его деньги. Жена куда-то перепрятала. Не переживайте вы так!

Полиция нас больше не беспокоила, хотя этот случай и дочкину фамилию занесли в свой компьютер. Всё потихоньку успокоилось. Мы этот дом стороной обходили и обходим. Нашёл он, наверное, свои денежки, раз молчит, а может, и не было их у него вовсе, но притих он и нас больше никто не беспокоил. Вскоре прошёл слух, что у немца этого в больнице умерла жена, а дети живут далеко и его к себе брать не хотят.

Только один раз у него моя дочка была, но на всю жизнь он охоту отбил убираться в чужом доме. До сих пор это вспоминается, как кошмарный сон. Вот на что способны местные немцы, наши по крови братья! Честь свою надо отстаивать, не взирая ни на что и там и тут. Честь – это внешняя совесть, а совесть – это внутренняя честь. Так перед нами никто и не извинился. Тогда я поняла, что тут тоже есть люди, которые нас не хотят видеть на своей земле и против нас действуют. Они не рады, что мы приехали, и думают, что мы сидим у них

на шее. Но в этом вина правительства, что немцы не знают нашей истории, да и своей тоже.

МЕСТНЫЕ

При общении с коренными немцами меня часто спрашивали:

– Откуда у Вас, русских, такие немецкие фамилии, где вы их получили. Сколько и где вы заплатили, чтобы их получить или вам их дали за то, что у вас была немецкая овчарка?

Почему нас в Германии называют русскими? Разве русским быть это оскорбление? Почему для нас это так обидно? Очень обидно слышать это от своих, от людей одной с нами нации.

Когда сын пришёл на занятия в автошколу, он услышал, как два местных его сокурсника шептались между собой.

– Слышал? Русский себе машину купил, – завистливо сообщил местный сногсшибающую новость.

– Что тут удивительного? КГБ им хорошо платит. – Ответил второй.

Это мнение больно резануло сына по сердцу, но он сделал вид, что не услышал разговор завистников.

В другой раз, перед контрольной, этот же местный, зайдя в класс, громко заявил, что не подготовился, и сядет с этим русским, он всё знает, даст списать. И шлепнулся рядом.

– Кто здесь русский? – Спросил его сын. – Ты это в серьёз или пошутил?

– Пошутил! Пошутил! – Отмахнулся немец.

– Видишь эту стеклянную дверь? – Спросил его сын и, не дожидаясь ответа, продолжил,– если я ещё раз услышу такую шутку, я выброшу тебе сквозь неё, не открывая. Это будет моя шутка! Понял?

Немец от неожиданного отпора проглотил язык, смущённо пересел на другое место, а после набивался в друзья.

Как-то на строительстве дома в субботу племяннику помогали родственники и друзья. На стройке все громко разговаривали по-русски, работа кипела и ладилась. Стены дома росли по часам. Прохожие завистливо поглядывали на вновь рождаемый теремок.

Вдруг подошла старушка с палочкой и на местном диалекте стала нравоучительно кричать на всех строителей.

– Что вы тут по-русски разговариваете, аж уши режет. Раз вы приехали в Германию, то должны говорить не по-русски, а по-немецки! Вы тут у нас свои порядки не устанавливайте, это Вам не Россия!

Мимо проходила другая бабушка и стала стыдить первую.

– Яна! Что ты на людей кидаешься? Работают себе люди и пусть работают. Какое тебе дело, на каком языке им удобнее общаться. Видишь, как у них по-немецки, красиво и быстро идёт работа. Когда ты

после войны приехала в Германию, ты тоже больше по-польски говорила, мы же тебе замечаний не делали?

Опозоренная старушка подхватила свою палочку и быстро засеменила вдаль.

– Готес зеген! – Громко сказала местная немка и улыбнулась застывшим на лесах строителям.

– Данке шён! – радостно и дружно ответили со стройки.

ОТПУСК

Я из Германии два раза ездила в Сибирь в отпуск, это же моя вторая родина – и больно смотреть, душа плачет. Сейчас стало ещё хуже. Всё развалено, хуже, чем от войны, на нашей улице остался стоять только один наш дом. Контора напротив, куда все ходили на работу, развалена, остались только стены без окон и дверей. Кругом всё заросло сорняками, и свиньи гуляют, где хотят.

Молодёжь вся уехала, а старики доживают свой век в селе, не живут, а мучаются. За хлебом надо идти в соседнюю деревню Чёрная Кома. Воду таскают из речки, дрова из леса. Старым людям это всё уже не под силу. Вот такой стала картина сибирской деревни в XXI веке современной России. Что сделали с Бескишом, в котором мы прожили 45 лет. В деревне, в которой я вырастила пятерых детей. Мне было так жалко на всё это смотреть.

Я часто вспоминаю, как растила детей. У меня ни один ребёнок ни разу не получил ни одного укола, я ни с одним ребёнком никогда не лежала в больнице, и ни один ребенок не носил очки.

Все были весёлыми, здоровыми, несмотря на все трудности жизни. У них была свобода. Они шумели, играли, баловались, бегали повсюду босиком, много смеялись, дышали свежим воздухом, купались в речке, ходили на рыбалку, за грибами, бегали на лыжах, катались с горки. У них было счастливое детство. В деревне жить для здоровья лучше, чем в городе. Мы никогда не боялись, что детей украдут, изнасилуют и убьют.

Сейчас дети рождаются уже больными, их пичкают уколами, малыши носят очки, у них отдельная комната полная игрушек, но они не умеют радоваться. В городе дети природу видят только по телевизору, сидят дома, не двигаются, дышат спёртым воздухом, не умеют общаться, напрягать память, учить наизусть стихи, думать, у всех компьютеры, калькуляторы и страшная зависимость от них и других современных пороков. На улицу одних детей родители не выпускают, потому что это стало очень опасно. У моих детей было мало игрушек, но много радостей. Родится телёнок, все радуются, гладят его, любуются, любят, потом играются с ним на лугу, кормят его, заботятся о

нём. Потом рождаются хорошенькие, маленькие котята, щенята, поросята, цыплята, утята, гусята.

Гусят первую неделю нельзя пускать на речку, они ещё слишком маленькие и слабые, мы их пасли за огородом. Я ставила на землю большую сковородку, наливала туда воды, чтоб гусята могли напиться, они бегали по земле и щипали травку, спешили, падали на спинку, махали лапками, не могли перевернуться и подняться. Это была работа для маленьких детей, они смеялись, нежно брали птенчиков в руки, переворачивали, ставили их на ножки и отпускали. Гусята пищали и убегали на свободу. Дети смеялись и посматривали, чтобы взрослые гуси не увели гусят на речку и заодно следили, чтоб их самих не пощипали. Особенно сердитым и грозным был большой старый гусак, он всегда сторожил своё маленькое семейство. Когда маленькие гусята окрепли, все они подались на речку, это было так интересно наблюдать. Старые гуси стразу поплыли на глубину, и за ними потянулись маленькие гусята. Дети кричали, волновались, боялись, что гусята утонут, потому, что ещё не умеют плавать и первый раз на воде, но оказалось, они прекрасно плавают, хотя их этому никто никогда не учил. Это всё было так интересно и познавательно для детей, они весь день разговаривали о том, как какой гусёнок себя вел. Они любили каждого в отдельности, ведь все они были живые существа. Божие создания! Колхозные гуси, куры и утки, которых растят массово на птицефермах без любви, ходят грязные, худые, голые, общипанные, на них страшно смотреть!

А наши гусыни осенью гордо возвращаются с речки, высоко подняв головы, а за каждой семенит 17-20 молодых гусят, это такая красота природы. Летом их кормить не надо, мы только вечером посыпали им зерно, и они всегда сами охотно шли домой ужинать.

В начале зимы, когда мы их кололи, было столько мяса и внутреннего жира, а какой у них был пух. Я всем дочерям сделала на приданое пуховые подушки и перины.

Стало лучше, когда у нас в деревне был немецкий управляющий Андрей Филиппович Кунц, тогда наша деревня расцвела. При нём построили клуб, базу для коров, гараж для тракторов и ещё ряд хозяйственных построек. Он велел всем, чтоб у их домов были палисадники, чтоб там обязательно сажали цветы, чтоб возле домов росли деревья, чтоб была чистота во дворе и дома. Для молодых семей и молодых специалистов стали строить хорошие дома. Совхоз в районе стал занимать первое место по производству молоку и мяса. Жизнь стала интересней, оптимистичней. Люди с надеждой стали смотреть в будущее и строить планы. А когда Андрей Кунц уехал, всё потихоньку стало разваливаться, и сегодня страшно смотреть на нашу умирающую деревню.

ВИКТОР

Мой младший брат Виктор, которого так ждал мой папа, унаследовал отцовский характер. У него были золотые руки. Он сам, ни у кого не учась, делал дома замечательные скрипки. Это были не скрипки Страдивари, но такие же красивые и голос у них был почти человеческий. Они прекрасно звучали, музыканты их охотно покупали и делали новые заказы. Виктор купил себе баян и сам выучился на нём играть.

Закончив школу, он поехал в Томск, поступать в институт, чтобы стать конструктором и выдумывать всякие механизмы, которые бы облегчали людям работу. В институт его не приняли.

Он так расстроился, что приехал домой и поменял фамилию, вместо Попп он стал Попов. На следующий год он снова поехал в институт поступать, но его всё равно не взяли. Сказали, что по конкурсу не прошёл, хотя отметки в школе были хорошие, и знал он всё не хуже других.

А друзья сказали, что фамилию то он поменял, а национальность в паспорте осталась, вот она и помешала.

На вокзале он с такими же невезучими немцами выпил с горя и к ним привязались жулики, хотели отобрать деньги. Завязалась драка. Виктора избили так, что у него стало плохо с головой.

Когда он служил в армии, в городе Бийске, он сильно заболел и даже лежал в лазарете. Врачи вызвали из дома сестру Нину, она его кормила с ложечки, выходила, поставила на ноги и его комиссовали.

С новой фамилией жить было легче, кто в паспорт не смотрел, тот принимал его за своего. После армии Виктор устроился на завод и скоро стал мастером. Люди его очень уважали. Все думали, что он русский. В 1963 году он поступил в Барнаульский политехнический институт на заочное отделение и через семь лет получил диплом инженера-механика.

Он в одиночку построил себе дом, потом женился на русской женщине Валентине, у них родился сын Костя. Жена болела сахарным диабетом, у неё отнимались пальцы на ногах, она умерла в больнице.

Мы им оформили вызов. Виктор собирался приехать, чтобы здесь вылечить жену, а потом, когда Валя умерла, отказался, решил остаться со своей Валей. Теперь он на пенсии и со своим сыном Костей живёт в своём доме под Новоалтайском, в селе Зудилово.

СЕСТРЁНКА

Моя сестрёнка рассказывала, что, когда нас забрали в трудармию,

она, как малолетка, осталась дома и продолжала работать вместе с тудармейцами на строительстве железной дороги в Драчёнине, потом их всех перевели в Новоалтайск. Там она приобрела профессию штукатура-маляра и работала на стройках города.

После работы калымила, ремонтировала квартиры начальникам, штукатурила, белила, красила, клеила обои. Встретила русского парня Дмитрия Привидёнова, у него брат был большой военный начальник, а сам Дима работал шофёром, возил начальника. Они подружились, и Нина вышла за него замуж. У них родилась дочь Люба и два сына, Вася и Сергей. Неожиданно Дмитрий умер, и Нина совсем молодая осталась одна с тремя малыми детьми. Вырастила! Всех на ноги поставила.

Старший сын женился и тоже работал шофёром, возил начальника. Однажды на дороге, на них наехал пьяный водитель на грузовой машине. Вася и его начальник погибли на месте. Похороны были на весь Алтай. Весь город пришёл на кладбище. Мы с Андреем тоже приезжали из Сибири, но на похороны опоздали.

Пьяного шофера, который на них наехал, так и не посадили, а перевели в другое место и всё замяли. У него где-то наверху была сильная, волосатая рука. Брат Димы брался за это дело, но оно ему оказалось не по зубам. В России блат выше наркома.

Младший сын Серёжа был влюблён в девочку из соседней деревни и каждый вечер ездил к ней на мотоцикле на свидание. Один раз ночью он ехал домой очень быстро. Было темно. На мосту его хотели остановить, но он резко дал газ, не справился с управлением, упал с моста в реку и убился насмерть. Утром Нина услышала по радио в новостях страшную новость, потому, что назвали имя и фамилию погибшего.

ЮБИЛЕЙ

Моё 80-десятилетие в 2006 году дети хотели интересно и весело отметить. Мечтали собрать вместе всех родственников, особенно тех, кто в России. Там мы с Ниной нет-нет да встречались. То она к нам в Сибирь приедет, то мы к ней на Алтай.

А когда мы уехали в Германию, то 15 лет только переписывались, и очень нам обеим хотелось повидаться. Она звала нас к себе на Алтай, но я написала: «Ты моложе, ты приезжай, с деньгами поможем, зато своими глазами увидишь Германию и повидаешь всю нашу родню».

Они решили ехать втроём – Нина, её дочь Люба и внучка Света. В середине марта они из Барнаула поехали в Москву, чтобы попасть в

немецкое посольство и открыть визу по гостевому вызову, который мы им отправили, и потом сразу ехать в Германию.

Возле посольства ФРГ, как всегда, было много народу и огромная очередь. Все, как бараны, подолгу стояли на улице перед воротами. Среди них были старые люди, беременные женщины и маленькие дети. Раньше посольство в культурном отношении было высшим светом, теперь от него несло презрением к народу. Там просто издевались над людьми, их не пускали в тепло под крышу, на улице не было никакого навеса и не было даже скамеек, чтоб присесть. Весь день люди стояли на ногах под открытым небом. Было холодно, дул холодный ветер.

У Нины сильно болели ноги, она всю жизнь работала на тяжёлых работах. Она очень устала, обессилела и присела на камень, видать сильно простудилась и заболела. Когда виза была готова, она ещё думала, ехать-не ехать? Хотя ей нездоровлось, но все же поехали.

Приехали в Германию, мы её встретили, как высокого правительственного гостя и повезли домой. Она жаловалась, что раньше ей сносу не было, такая она была крепкая, а сейчас видно постарела. Что ей нехорошо. Мы показали её врачу, оказалось, она простудила бронхи, ей выписали таблетки, и мы её лечили дома. Она была весёлая и активная.

Дети сняли в Лолларе хале. Приехало много гостей, и мы справили мой 80-летний юбилей. Всем очень понравилось. Дети подготовили хороший концерт, была большая праздничная программа. Вечер замечательно вёл специально приглашённый всеобщий любимец переселенцев, член правления землячества немцыев из России, всем известный артист бывшего немецкого театра Якоб Фишер. Он пел, шутил и танцевал, поздравлял и наставлял. Все дети красиво говорили и поздравляли. Все внуки чудесно выступали и переодевались, как артисты. Всё было замечательно. Было очень приятно.

Нине сильно понравилось, она была очень довольна, что всех повидала и со всеми поговорила.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

На моё 80-летие моя дочь Нина в присутствии многочисленных гостей поздравила меня такими тёплыми словами.

У каждого в жизни дорога своя,
И это зовётся судьбою.
И Родина-мама и мама моя,
С полярною слились звездою.

Судьба немки Российской - особый рассказ,

У матери нашей вся жизнь без прикрас.
Там радость шла рядом с бедой,
Нужда была в ней тамадой.

И не раз за десятки прожитых лет,
Глаза умывались слезою.
Мечтала ты в детстве в небе летать
Над приволжской родною землёю.

Но ты в трудармию попала,
И юность Родине отдала.
Там уготовлено было судьбой,
Окунуться в беду с головой.

Папу нашего ты там повстречала,
И любви своё сердце отдала.
В Красноярский край он привёз с собой
Тебя молодой и любимой женой.

Всего не опишешь, как вы там прожили.
Трудились, смеялись, со всеми дружили.
В деревне Бескише ты долго жила.
Счастливой старалася быть, как могла.

Там назначено было судьбой
Многодетною стать Вам семьёй.
Наградил Бог обильем с лихвою,
Данневольфов со всей малышнёю.

Всё ты делать училась сама,
Была печником и портнихой.
С хозяйством справлялась одна,
И пекла пирожки с черникой.

Внуков, внучек растила любя,
Они часто оставались с тобою.
Ты молилась за них, и желала одно,
Чтоб их зло обошло стороною.

А теперь у внучат свои дети растут,
Пусть живут под счастливой звездою.
Может кто-то из них будет в небе летать,
Вдохновлённый твоею мечтою.

Мамочка милая наша!
С папой ты жизнь прожила,
Ты светилась теплом и заботой
Он был рядом с тобою всегда.

А теперь мы живём все своею судьбой,
Помогая друг другу в несчастье.
Ты по-прежнему рядом с большою душой,
Рядом с нами и в горе, и в счастье.

Мама, бабуля, прабабушка,
Тёща, свекровь, сестра и жена,
Ты как будто из песенки «Ладушка»
Любима, прекрасна, скромна.

Все мы любим тебя такую.
Ты была и будешь для нас
Самой близкой и самой родною,
В этот добрый, торжественный час.

В этот светлый, весенний день,
С днём рождения тебя поздравляем!
Здоровья, добра и счастья
От души с чистым сердцем желаем.

Нина и Валентин Смирновы.

ШОК

Когда всё прошло и надо бы ей уже собираться в обратный путь, мы сидели вечером и смотрели телевизор. Нина вдруг сказала, что плохо себя чувствует и хотела бы прилечь. Мы уложили её в постель спать. Люба легла к ней в комнату на раскладушке.

Утром я встала, а Люба усталая и не выспавшаяся просит:

– Тётя Лида, дайте свежую ночнушку. Я всю ночь не спала, прикладывала ко лбу ей мокрые компрессы. Мама всю ночь так болела, она вся мокрая, её надо переодеть.

Я достала новую красивую ночнушку. Мы её переодели и посадили, а у неё левая рука безжизненно упала. Мы подняли другую руку, и она упала. Нина хотела назвать меня по имени, но успела сказать только Ли… и умерла.

Я думала, я сума сойду. Люба кричит, Света плачет. Меня саму стали откачивать. Никто не знал, что делать? Немного пришли в себя. Позвонили в скорую. Приехала бригада реанимации, делали электрошок, искусственное дыхание, но ничего не помогло. Пришли дети, внуки, родственники.

Дочь Нины решила маму домой увезти, чтобы похоронить её на Алтае рядом с папиной могилой.

Мы заказали красивый гроб, сделали здесь похороны. Пастор был и хор из церкви, её отпели. Было много людей, сделали поминки. Всё как надо.

Отправить гроб багажом с пассажирским самолётом, как в России, здесь было нельзя, надо нанимать специальный самолёт, а это стоит огромных денег, которых ни у кого не было.

Нам предложили тело сжечь и увезти урну с пеплом. Это было для нас очень трудное решение. В нашей родне так ещё не поступали, всегда хоронили как по Библии, предавали земле. Но выхода не было. Похоронная фирма всё это сделала, выдала урну и документы с печатями.

Дочка с внучкой улетели назад и увезли прах матери в Россию. Это стоило столько хлопот, денег и здоровья. Немецкие служащие в аэропорту прониклись сочувствием, выразили соболезнования, взяли под козырёк, и всё прошло нормально.

В России, в аэропорту преданные закону дураки вымотали девчатам все нервы. Правду говорят, что дуракам закон не писан, а коль писан, то не читан, а коль читан, то не понят, а коль пронят, то не так!

Люба звонила и говорила, что наша страна выпустила ее без сложностей, а как прилетела в свою, затаскали по инстанциям. Все нервы вымотали, и она даже заматерилась, а потом заплакала. Пришлось ей таскаться с урной по всем начальникам, везде недоверие, проверки, сказали, что я наркотики везу, грозили статьёй, брали анализ, проверяли, действительно ли там прах, узнавали, на каком кладбище похоронен отец. Всё обзвонили, всё пронюхали, всё узнали. Это было ужасно!

Все преграды прошла Люба, но так ничего от неё законники не получили. Раньше в беде люди помогали друг другу, а сейчас готовы последнее отобрать и нажиться.

На Алтае Нину похоронили, теперь и памятник поставили.

Вот такую историю пришлось нам пережить. Не дай Бог никому!

МЕДИЦИНА

Когда мы 28.12.1992. приехали в Германию, то в первую очередь сделали себе хорошие зубы.

Медицина нам показалась удивительной, только наши болезни портили впечатления. Мы сразу полностью прошли медицинское исследование. Андрею сделали несколько операций.

Андрей в молодости всегда был очень лёгкий и весёлый, охотно плясал, а когда в речке простыл, спасая ветеринара, у него появился ревматизм. Его лечили и он вроде поправился, а когда вышел на пенсию уже не мог ходить без палки, а потом с костылями. С ногами стало совсем плохо. Это на него тяжёлая работа и трудармия повлияла.

11.12.1995. Была первая операция в католической больнице по удалению грыжи.

19.01.1996. Вторая операция на правое бедро в ортопедической клинике Гиссена.

21.06.1996. Третья операция на правое бедро.

15.07.2003. Четвертая операция на левом бедре.

Операции на ноги были не всегда удачные, в результате Андрей стал ходить на костылях, а потом вообще пересел в инвалидную коляску.

У меня в кишечнике нашли 11 полипов и сделали много операций по их удалению, потом появилась опухоль в кишечнике и убрали половину толстой кишки. Доктор Штайн большой специалист, он спас мне жизнь и сейчас у меня, слава Богу, всё хорошо. Потом мне сделали на одном колене операцию мениска, а на другой я не дала, хотя ноги сильно болят. Хоть и говорят: старость не радость, но жить каждому охота.

Андрей всегда был жизнерадостный, бодрый и весёлый, часто смеялся, много шутил, но 28 декабря 2010 года, самый Новый год, умер от рака лёгких. Он курил с малолетства.

Теперь я осталась одна в квартире, хотя весь день звонит телефон, и постоянно приходят в гости мои заботливые дети, которые все для меня делают и содержат в чистоте квартиру, закупают продукты, возят меня по гостям и больницам. Врачи стали моими лучшими друзьями. Слава Богу, пока всё хорошо!

Хотя бывают и длинные, бессонные ночи, и всякие воспоминания лезут в голову.

ГОРОД ДЕТСТВА

Память – единственный рай,
из которого нас не могут изгнать.

Поволжские немцы в Германии очень горюют по своим безвременно погибшим предкам, они не забывают историю своего народа,

чтут родину, место, где они появились на свет, многие пытаются съездить в своё детство или, точнее, в город своего детства. Едут и возвращаются расстроенные.

– Лучше бы не ездил, – рассказывал вернувшийся из поездки земляк. – То, что я там увидел – страшно! Когда в Бальцере жили немцы, это был рай на земле, парадиз на Волге!

Среди всех городов немецкой автономии Бальцер был самым немецким городом в Поволжье – даже в Энгельсе, в столице региона, процент немцев среди местных жителей был меньше.

Бальцер особенно хорош был в начале лета и осенью. В нем было много зелени, дышалось необыкновенно легко и радостно. Жители шутили, что воздух в Бальцере можно продавать в разлив стаканами, вёдрами, бочками, вагонами. У этого маленького городка не было понятия далеко. Там всё рядом.

Перед войной в Бальцере жили 16.000 человек, более 90 процентов были немцы. Действовал кинотеатр на 350 мест, Дом культуры, бюджетный, самодеятельный драматический театр, ткацкая фабрика, где работали 1200 человек, трикотажная фабрика на 960 человек. Были школа, больница, магазины, 12 красилен, 20 колёсных мастерских, 10 кузниц, водяная мельница, 10 кожевенных производств, 3 кирпичных заводика, 8 сарпичных предприятий. Сарпинку увозили в Москву, модницы наряжались в неё, радовались и были счастливы от немецкого качества и собственной красоты.

После депортации память о немцах стерли со всех географических карт страны, Бальцер тоже переименовали в Красноармейск. В дома, построенные кантонистами и их потомками, въехали национально безопасные советские граждане.

Новые жители долгие годы чувствовали себя там не в своей тарелке, чужими на чужом месте. В городе до сих пор витает немецкий дух. Всюду чувствуется аура немецкого прошлого. На новых жителей смотрят дома с немецким разрезом окон. Булыжная мостовая говорит, что перед каждым камнем, вложенным в дорогу, стоял на коленях немец, который этот камень с любовью положил в это место. Каждая вещь в городе говорит всем: это сделали немцы! Здесь жили немцы, вы живёте в чужих домах, на чужом месте! Не всем удобно в такой атмосфере дискомфорта.

После Чернобыльской аварии многие беженцы оттуда приехали в Красноармейск. Для них построили пятый микрорайон из пятиэтажных хрущёвок. Там была построена вторая больница. Теперь всё опустело. Всё разломали, разворовали, растащили. Из десяти улиц остались две и те стали похожи на Чернобыль.

В период перестройки в городе строили большой завод на 9 гектарах земли. Он должен был выпускать сельскохозяйственную технику.

Деньги строители потратили, завод не построили, ни одного агрегата он не выпустил. Потом эту территорию скупил АЗЛК. Набрали рабочих, запустили один цех, за два года работы зарплату никто не получал. Всё распалось.

Территорию фабрики имени Карла Либкнехта скупил какой-то бизнесмен. Построил себе огромный особняк, сделал большой пруд и живёт за высоким забором. Что там делается, никому не ведомо.

Из фабрики имени Клары Цеткин сделали базар. Заводы не работают, всё стоит, работы у людей нет. Земледелие заброшено, сельское хозяйство в страшном состоянии. Ничего хорошего в Поволжье сейчас нету. Сегодня Бальцер представляет собой печальную картину.

– Раньше, при немцах, всё было не так, – вспоминал земляк. – Все хорошо жили. Городок был ухоженный, аккуратный, чистенький, с красивым парком. Поражало обилие цветов, деревьев. Каждый следил за участком дороги перед своим домом. Регулярно подметали улицу и дорожки в саду, тропинки посыпали песком или битым кирпичом. Постоянно вычищали русла ручейков и речек. Сегодня речка превращена в помойку, улочки забыли, когда их последний раз подметали, на многих до сих пор нет асфальта. От былого великолепия не осталось и следа.

В конце 80-х-начале 90-х годов прошлого века советские немцы начали движение за возрождение Республики немцев Поволжья, за свою реабилитацию, за возвращение на Родину, на Волгу. Они хотели восстановить райский сад на земле!

Пьяный Ельцин взамен предложил военный полигон на Капустином Яру: «Пусть снаряды выкапывают. И Германия пусть поможет…».

– Лучше СПИД, чем немцы! – Кричали подпевалы. – Отстояли от немцев Волгу в 41-м, отстоим и сейчас.

– Теперь, через 20 лет, – спросил я местных жителей, – как бы вы отнеслись, если бы на Волгу вернулись российские немцы? Опять бы бунт подняли?

– Да, Господи! – Отвечали люди. – Кто бы тут поднимал бунт. Вы же видите, здесь все развалено.

Территория бывшей немецкой Республики, это сплошная нищета, все заброшено. Благодатнейший край, но во что он превращен!

Если бы в 1991 году вместо Капустина Яра был бы правильно решен национальный вопрос, половина их тех, кто рванул в Германию, оказались бы здесь, на этой приволжской земле. За эти двадцать лет превратили бы эту землю опять в цветущий сад, но сбылась мечта Ельцина, сегодня цветущий сад похож на брошенный военный полигон. Такая память о нём по всей России.

На бальцеровском кладбище в ходе той антинемецкой компании

как Мамай по немецким могилкам прошёлся. Могилы колонистов стёрли с лица земли. Некуда принести цветы своим предкам.

Изгнали немцев с Поволжья не только живых, но и мёртвых. Какой-то ветеран войны нанял трактор, привёз домой несколько каменных надгробий с немецких могил и спрятал их в своём дворе. Так они сохранились, а могил-то уже не найти.

Старое кладбище забито до предела, да и на новом кладбище каждый день по 5-6 новых могилок появляются.

Мрут люди, как мухи, причём от безцелия спиваются в основном мужики, в расцвете сил, которым по 40 лет, до пятидесяти не доживают. Всюду разруха, народ обозлён, все пьют и вымирают без СПИДа. А всё могло бы быть по-другому.

Безмолвно смотрят на прохожих сохранившиеся немецкие дома, помнящие другое население, другую культуру, другую речь, другой народ. Там был достаток, чистота уважение и немецкий порядок, мечты и грёзы и любовь!

Давно это было, при немцах-колонистах, других немцев в Бальцере не было.

РОДОСЛОВНОЕ ДЕРЕВО семьи ПОПП

живших до депортации в республике немцев Поволжья в городе Бальцер на улице Шиллера 33.

Составлено 19.06.2011.

Сторона отца. Фамилия ПОПП.

Дедушка Попп Иоганес (Иван) родился в Бальцере, умер в Астрахани.

Бабушка (Дев. Фольц) Попп Катерина умерла в 1933 г. в Бальцере. У них было трое детей. Иоганес 1899 г.

Райнгольд 1903 г.

Катерина 1906 г.

Первый сын Попп Иоганес Иоганесович (Иван Иванович) родился 03.03.1899 г. в г. Бальцер. Заключил брак с Лау Лидией Адольфовной рожденной на Волыни.

Репрессирован по национальному признаку. Выслан 16.09.1941 г. в Барнаул с группой № 892.

В трудармию направлен 15.02.1942 г. из Барнаула в Пермскую область, г. Соликамск. АМ-244.

Погиб в трудармии 20.10.1942 г. Причина смерти – «Гемоколгет»

Погребён на кладбище села Бондюг, Чердынского р-на Пермской обл. Точное место захоронения неизвестно. В трудармии его погубили

за 8 месяцев и 5 дней. Он скончался в возрасте 43 лет.

Посмертно реабилитирован 20.11. 1998г. Источник: ИЦ УВД Саратовской обл. (http.://lists.memo.ru/index16.htm6)

Его жена **Попп (Лау) Лидия Адольфовна** 07.08.1906 – 20.09.1970.

Родилась на Волыни. Умерла – Алтайский край, г. Новоалтайск.

I. Дочь Попп (Данневольф) Лидия Ивановна 31.03.1926 г. – Бальцер. *Главная героиня и соавтор повести «Слёзы и грёзы».*

Брак оформлен 14.03.1947 г. Муж – Данневольф Хайнрих (Андрей) Готлибович родился 04.05.1924 г. в Саратовской губернии, Марковский р-н, деревня Шаффарауза. Умер в ФРГ в Гиссене 28.12.2010 г.

Дети: Виктор 02.01.1948 г. Место рождения Красноярский край. Новосёловский р-н, дер. Бескиш;

Ирма 28.09.1950 г. Место рождения Красноярский край. Новосёловский р-н, дер. Бескиш;

Володя 16.06.1952 г. Место рождения Красноярский край. Новосёловский р-н, дер. Бескиш;

Нина 08.04.1954 г. Место рождения Красноярский край. Новосёловский р-н, дер. Бескиш

Эмма 22.11.1957 г. Место рождения Красноярский край. Новосёловский р-н, дер. Бескиш.

2. Попп Мина (Нина) Ивановна 24.03.1928 г. Место рождения г. Бальцер. Муж – Приведённый Дмитрий 15.05.1932 – 02.01.1969.

Дети: **Люба** 14.05.1950 г.

Света

Антон

Инга

Даша

Сергей 1956 – 10.08.1977.

Василий 29.04.1963 – 7.09.1992.

Сергей

3. Попп Олинда Ивановна, 1930 г. р. Место рождения – г. Бальцер. Умерла в 1936 г.

4. Попп Эрна Ивановна, 1932 г. р. Место рождения – г. Бальцер. Умерла в 1936 г.

5. Попп Виктор Иванович, 07.06.1938г. Место рождения – г. Бальцер.

6. Попп Элеонора Ивановна, 1941 г. р. Место рождения – г. Бальцер. Умерла в 1943 г. Алтай.

II. сын Попп Райнгольд Иоганесович родился в 1903 г. в городе Бальцер. Погиб в трудармии в 1942г. в возрасте 37 лет. Его жену звали Катя. Дети:

Попп Борис Райнгольдович. Место рождения г. Бальцер. Умер – Алтай.

Попп Нина Райнгольдовна. Место рождения – г. Бальцер. Нашлась в ФРГ.

Попп Виктор Райнгольдович. Место рождения г. Бальцер. Умер – Алтай.

III. Дочь Попп Катерина Иоганесовна 1906 г. р., родилась в г. Бальцере.

Имела троих детей. Имена неизвестны. Её муж был Rerich Heinrich.

Место нахождения неизвестно.

Связь потерялась при высылке в 1941г.

Хайнрих	Место рождения г. Бальцер.
Имя неизвестно	Место рождения г. Бальцер.
Имя неизвестно	Место рождения г. Бальцер.

РОДОСЛОВНОЕ ДЕРЕВО семьи ЛАУ

Составлено 19.06.2011.

Сторона матери. Фамилия ЛАУ

Дедушка **Лау Адольф** приехал в Бальцер из Волыни предположительно в 1921 году. Умер в Бальцере.

Бабушка Лау Амалия имела пятерых детей. Умерла в Бальцере.

Дети:

1. Лау Лида Адольфовна вышла замуж за Попп Иоганеса Иоганесовича 03.03.1989 г. рождения. Умерла 20.09.1070 г. на Алтае.

2. Лау Вилуж Адольфович арестован в 1937 году в Бальцере. Его жену звали Эмилия, у них были 2 девочки. Имена неизвестны.

3. Лау Лота Адольфовна имела 3 детей. Имена неизвестны.

4. Лау Матильда Адольфовна. Замужем не была. Бездетная. Умерла в трудармии в Бурятии.

5. Лау Густав Адольфович 1915 г. р. Место рождения – Волынская

Губерния. Жил по адресу: Краснодарский край. Тибилинский р-н. 352340, станица Тибилинская, ул. Школьная 87. Там умер и там же похоронен.

Имел 4 детей. Ирма, Саша, Эдик, Виктор 1938 г. р. Умер в Краснодаре. Станция Тибилиская.

РОДОСЛОВНОЕ ДЕРЕВО семьи Данневольф

Данневольф Готлиб 1891 г. р. Умер – 08.02.1949 г. Красноярский край. Село Бескиш.

Данневольф, жена Готлиба 1892 г. р. Красноярский край. Село Бескиш. Умерла 01.07.1949 г. У них было 13 детей. Семеро умерло в младенчестве.

1. **Паулина** Кунц 1915–03.08.2007. 5 детей Живут в Грюнберге у Гиссена.

2. **Анлисбет** Шрайбер. 21.10.1921–15.09.2004. Саратовская губерня. Марковский р-н. Д. Schaffhauen. Умерла в Германии.

3. **Амалия**. Потерялась во время войны.

4. **Александр** Данневольф 24.10.1929–23.05.1982. Красноярский край. Новосёловский р-н, д. Бескиш.

5. **Хайнрих** (Андрей) Готлибович Данневольф 04.05.1924–28.12.2010. Родился в Саратовской губерне. Деревня Шафауза. Умер в Германии.

Жена **Лидия Ивановна Попп (Данневольф)** 31.03.1926. Родилась в городе Бальцер. *Главная героиня и соавтор повести «Слёзы и грёзы».* Дети:

1. **Виктор** 02.01.1948 г. р. Место рождения – Красноярский край. Новосёловский р-н, дер. Бескиш. Жена – Гильда Кунц.

Линда – 28.12.1977;

Дженифер – 12.05.2010;

Лиля – 21.08.1981;

Аделина – 08.04.2008.

2. **Ирма** 28.09.1950 г. р. Место рождения – Красноярский край. Новосёловский р-н, дер. Бескиш. Муж – Анатолий Успенкин.

Алла – 05.10.1971. Муж – Александр Романенко.

Виталик – 20.02.1992;

Герман – 30.12.1998;

Анатолий – 21.10.1972;

Николай – 01.11.2001.

3. **Володя** 16.06.1952 г. р. Место рождения – Красноярский край. Новосёловский р-н, дер. Бескиш. Жена – Валя Почтарёва.

Андрей – 04.12.1978;
Рита – 15.08.2009;
Артём – 1982 Живёт в Нюрнберге.
Фабиан – 29.07.2004;
Оливер – 16.03.2010;

4. **Нина** 08.04.1954 г. р. Место рождения – Красноярский край. Новосёловский р-н, дер. Бескиш. Муж – Валентин Смирнов.

Таня – 29.06.1976.
Элвис –23.08.1998.
Настя –08.11.1979. Умерла 11.03.2003.
Никита – 24.01.2002.

5. **Эмма** 22.11.1957 г. р. Место рождения – Красноярский край. Новосёловский р-н, дер. Бескиш. Муж – Слава Кривенко.

Женя – 15.01.1982;
Даниель – 05.12.2005;
Элеонора – 12.07.2008;
Денис – 03.01.1987;
Андриан – 22.08.2009;
Elisabeth – 02.02.2012.

6. **Фрида** (Данневольф) Кусякова 23.03.1935–21.11.2002. Родилась в Саратовской губернии, деревня Шафауза. Умерла в Смоленской области. Руднянский район. Село Понизовье. Муж – Анатолий Кусяков. Дочери: Галя и Лена.

Внуки Данневольфов

У Виктора:	Linda 28.11.1977,	Lilia 21.08.1981.
У Ирмы:	Alla 05.09.1971,	Anatolij 21.09.1972.
У Володи:	Andrej 04.12.1982,	Artem 27.06.1982.
У Нины:	Tanja 29.06.1076,	Nastja 08.11.1979.
У Эммы:	Eugen 15.01.1982,	Denis 03.01.1087.

Правнуки Данневольфов:

Adelina, Jennifer, Vitalik, Herrmann, Fabian, Oliver, Elwis, Nikita, Daniel, Eleonora, Andrejan, Rita, Nikolas, Elisabeth.

С детьми приходит зрелость, а с внуками вторая молодость. Венец стариков – сыновья сыновей. Пожилые люди тоже жаждут счастья, но чаще обходятся счастьем своих внуков.

Пусть наши потомки будут счастливы!!!

От автора

РАЗЫСКИВАЮ!

Уважаемые читатели!

Я, Райнгольд Шульц из Гиссена, при подготовке повести о поволжских немцах «Слёзы и грёзы» узнал, что у главной героини книги Лидии Иоганесовны Данневольф, которой сейчас 86 лет, уроженки города Бальцера, до сих пор не найдены её ближайшие родственники, потерявшиеся во время депортации с Волги 16 сентября 1941 года.

Убедительно прошу каждого немца из России помочь в этом благородном деле.

Разыскиваются:

Тётя по отцу Попп Катерина Иоганесовна, 1906 г.р., родилась в Бальцере. Муж Rerich Heinrich. Имела троих детей, все родились в Бальцере. Имена их неизвестны. Связь потеряна при высылке в 1941 г.

Дядя по матери Лау Вилуж Адольфович, родился на Волыни в 1921 году, переехал в г. Бальцер на Поволжье. Арестован в 1937 г. и пропал без вести. У него была жена Эмилия, у них было двое детей, имена не известны. Связи нет.

Тётя по матери Лау Лотя Адольфовна, родилась на Волыни в 1921 г., переехала в г. Бальцер, Поволжье. Семья имела троих детей, имена которых не известны. Потерялись при депортации 1941 г.

Обо всех этих родственниках она ничего не знает и часто думает, где они сейчас? Живы ли?

Как сложилась их судьба? Помогите найти их или их потомков.

Звонить по телефону 0641–5 81 72 26
E-Mail: *papa-schulz@gmx.de*

ЧТЕНИЕ – ЛУЧШЕЕ УЧЕНИЕ

Почти каждый человек в цивилизованном мире умеет читать и писать. Народная мудрость гласит: «Чтение – лучшее учение», «Кто не читает, тот мало знает.»

Мы живём в компьюторный век, который быстрыми темпами начал вытеснять книгу из жизни подростающего поколения. А ведь интересная книга с захватывающим содержанием, словно живой собеседник. Она уводит нас в мир грёз, пробуждает и развивает наши представления об окружающем мире, расширяет словарный запас, учит мыслить и понимать, где истина, а где ложь. Чем раньше дети берут в руки книгу, тем больше надежды, что и в будущей, взрослой жизни, они будут страстными читателями. В этом им могут своевременно помочь родители, воспитатели, учителя и хорошие писатели.

Мне хочется сказать добрые слова в адрес одного из самых популярных писателей-современников, живущем уже 22 года в Германии. Имя его – Шульц Райнгольд Асафович.

Впервые об этом писателе я узнала из очередного печатного издания «Кругозор». Ранней весной 2010 года, открыв очередной номер газеты, прочитала о том, что вышла в свет новая книга Райнгольда Шульца с христианскими рассказами под общим названием «ВОСКРЕСЕНИЕ». Меня заинтересовало краткое описание её содержания, где понятие «воскресение» является синонимом второго рождения человека, победа над грехом и смертью. Тут же набрала номер указанного в газете телефона и приятный мужской голос представился по имени Райнгольд Шульц.

Сначала от волнения мне трудно было говорить, но потом как-то довольно скоро волнение улеглось и у нас полилась беседа. Я себе и представить раньше не могла, что вот так после первого звонка смогу говорить с человеком, которого ни разу не видела и не слышала, доверительно, как-будто мы уже давно знакомы. Моя душа чувствовала, что он добрый человек и мне хотелось очень многое у него спросить, узнать, рассказать...

Вот так и состоялось у меня первое знакомство с Папой Шульцем, которое перешло в дружеское общение. Автор по моей просьбе прислал мне очень быстро свою книгу «Воскресение». Читала её и не переставала восхищаться, восторгаться выразительностью литературного языка автора, красочностью описания природы, бесконечной доброты, человечности, любви к ближнему. Мы все живём под одним небом, но многого не замечаем, проходим мимо красоты окружающей нас природы. А иногда из эгоизма и корыстолюбия уничтожаем безвозвратно богатства земли – матушки, кормилицы нашей. В спешке

проходит наша жизнь, единственная и неповторимая и некогда оглянуться, посмотреть вокруг себя.

Я уверена, что тот, кто прочитал книгу «Воскресение» будет по иному смотреть на окружающий мир. Более осторожно и заботливо относиться к природе, к её растительному и животному миру.

В современном веке каждый день в мире издаются тысячи новых книг. Одни из них ничего не дают ни уму ни сердцу, другие западают глубоко в душу и заставляют основательно задуматься над их содержанием. И чем ближе к истине сам писатель, чем достовернее его произведения, тем больше у него читателей. К таким писателям по праву я могу отнести Шульц Райнгольда Асафовича, написавшего за свою жизнь более 1000 разножанровых произведений.

В 2001 году была издана книга-воспоминание «ИЗБРАННОЕ», в которую вошли рассказы, притчи, стихи, басни, юморины, верлибры, газетные интервью и семейные фотографии автора.

Психологи подсчитали, что человеку полезно смеяться не менее шести минут в день, чтобы быть душевноздоровым.

Начните читать «АНЕКДОТЫ ПАПЫ ШУЛЬЦА», где можно часами смеятся от души и с духовным здоровьем у вас всё будет в порядке. Не зря существует смехотерапия. Чувство юмора делает нас добрее и счастливее.

К вышеназванной книге по смехотерапии можно отнести с полным правом и его «Смеходром», где название говорит само за себя. Я читала эту книгу перед сном и так громко и задорно смеялась, что мой сын заволновался, всё ли в порядке со мной. После трудового дня такие произведения, полные доброго юмора, полезны и приятны для чтения. Засыпается легко и свободно. Сны снятся радостные и радужные.

Но наша жизнь состоит не только из смеха. Есть в ней и много печали. Наши родители и прародители пережили в своей жизни много горя, терпеливо переносили все превратности судьбы. История о многом умалчивает и искажает факты о жизни российских немцев. В том числе и моих родителей. Мы мало знаем о том, сколько испытаний выпало на их долю. И если бы не такие писатели, как Райнгольд Шульц, что знали бы многие из нас о многострадальной судьбе волынских, поволжских, кавказских, алтайских, казахстанских немцах?

В своей автобиографической повести «ПЕРЕЛЁТНЫЕ ПТИЦЫ» автор описывает на примере пяти поколений историю своих предков и наследников. Читая эту печальную повесть, слёзы боли, обиды, негодования за растерзанные судьбы ни в чём не повинных людей, застилают глаза. А ведь каково было тем, кто всё это пережил? Представить себе трудно, как могли люди выжить в таких условиях!?

Это и моя история, много схожего в описаных событиях «Пере-

лётных птиц» происходило и в судьбе моих родителей и прародителей. Так же ни за что, ни про что, прямо с работы забрали моего дедушку Ефрема, оставив бабушку с четырьмя маленькими детьми – погодками на произвол судьбы. И больше его никто никогда из родных не видел. Он сгинул в Архангельских лесах, на лесоповале. Недавно в разговоре со мной одна русская женщина родом из Архангельска сказала мне:

– Ты ведь знаешь, какой дружный народ у нас на севере.

–Да, знаю, – ответила я. – Мой дедушка там лежит, невиннозамученный...

Она всё поняла и у неё пропало желание говорить на эту страшную тему дальше.

Совсем недавно вышла в свет новая книга писателя Шульц Райнгольда «СЛЁЗЫ И ГРЁЗЫ», где он является соавтором главной героини автобиографичной повести Лидии Данневольф.

В литературе зачастую повести пишутся о героях, которых уже нет на свете. А в данной истории героиня жива и сама может подтвердить правдивость описанных событий, произошедших по воле судьбы или по вине властвующих людей с ней, её родными, близким и знакомыми в годы войны и в мирное время. Когда я читала эту книгу, у меня было столько переживаний, боли, беспомощного сочувствия ко всем, кто вынужден по приказу правительства и под дулом автомата за считанные часы покинуть свои дома и оказался в рядах изгнанных российских немцев, которых в скотских эшелонах, битком набитых стариками, женщинами и детьми, отправили в суровые, непригодные для нормального человеческого существования, места, где за кусок хлеба валили лес, невзирая на холод и голод, полураздетые, слабые, больные. А самое обидное, это то, что унижение и оскорбление велось за принадлежность к немецкой нации.

В истории не раз повторялся этот геноцид. Но каждый раз российские немцы, переселившиеся более 200 лет из Германии на территорию России, надеялись на своё трудолюбие и на лучшие времена, на мирное сосуществование с другими народами многонациональной России. Теперь, повторив исторический путь обратно в Германию, надеемся, что такие страшные уроки истории никогда больше не возвратятся.

Райнгольд Шульц продолжает писать и выпускать одну книгу за другой. Его произведения были неоднократно переизданы.

Сборник рассказов «ПОЛНЫЙ ВПЕРЁД» состоит из 122 отдельных житейских историй, поведанных автору людьми разного возраста и сословия, а также его личные истории, которые он пережил в различное время своей жизни.

К шестидесятилетию со дня рождения Райнгольда Асафовича

друзья подготовили сюрприз писателю, который в интересной, юмористической форме представлен в двухтомном издании «ОБЩИЙ КОТЁЛ».

Много интереснейших фотографий автора в разных странах и городах, его снимки с известными всем нам людьми. Диву даёшься, когда можно всё это успеть?! Доставлять гуманитарную помощь в Россию, написать такое множество интересных произведений, посетить многие города и страны, давать интервью журналистам, выезжать на дружеские встречи как в Германии, так и за рубежом. Жизненной активности Райнгольда можно только позавидовавть в добром смысле этого слова.

Я никогда ни у какого писателя не встречала в произведениях столько искренности и истинности, столько доброты и сердечности, доброты и нежности, порядочности и благородства. Райнгольд Шульц – писатель современности.

Мудрость, высокая гражданская нравственность, смелость суждений и отстаивание своих убеждений – это не каждому по плечу. Я благодарна судьбе, что она предоставила мне возможность узнать этого замечательного человека и писателя. За короткое время я успела полюбить его творчество.

Начните читать его произведения и сами убедитесь, как хочется снова и снова читать, зачитывая их «до дыр».

От всей души желаю Райнгольду Асафовичу Шульцу творческих успехов, крепкого здоровья и большого человеческого счастья!

Ваша благодарная читательница
Лидия Шульц
(Однофамилица) 28.05.2012, г. Зигбург.

ШУЛЬЦЕВСКИЙ ПРОЕКТ

В русскоязычном мире появилась новая книга «Слезы и грезы» о судьбе российских немцев. Ее автор Райнгольд Шульц уже широко известен не только в среде российских немцев Германии, где он сегодня живет, но и на всей постсоветской территории. Остается только удивляться плодовитости и творческому таланту бывшего сотрудника гражданской авиации из Сыктывкара. Похоже, что по количеству печатной продукции (книг, очерков, публицистики и стихов), издаваемой в последнее десятилетие немцами из бывшего СССР, Райнгольд выходит на первое место. Впрочем, я таким подсчетом не занимался, но впечатление такое возникло. При этом количество у него постоянно сопровождается повышением качества творческой продукции.

Года три-четыре назад Шульц обратился через переселенческие СМИ Германии к старшему поколению российских немцев, к так называемым трудармейцам (в действительности, – узникам сталинского ГУЛАГа) с просьбой присылать ему свои воспоминания, с тем чтобы помочь в подготовке оных к публикации.

Этому чрезвычайно важному делу Шульц посвятил уже много времени и сил. Благодаря ему, многие воспоминания «трудармейцев» сегодня стали достоянием общественности и способствовали восстановлению исторической правды о судьбе безвинно репрессированного народа.

Судьба одной героини шульцевского «проекта», 86-летней Лидии Данневольф, настольно воздействовала на автора, что он посвятил ей целую книгу, названной «Слезы и грезы».

По роду моей общественной деятельности я старался впитать в свою память все, что проходило через СМИ бывшего СССР и его бывших национальных республик, а также в Германии по депортации и геноциду российских (советских) немцев.

Наиболее солидной, обобщающей книгой, составленной по данным более сотни выживших «трудармейцев», является книга Герхарда Андреевича Вольтера «Зона полного покоя», изданная в 1992 году в Москве тиражом в 50 тысяч экземпляров. В 1998 в там же вышло ее 2-е, расширенное издание. Второй по значимости книгу, этой же направленности, я считаю произведение Лео Германа «Смилуйся, господи!», изданную в Берлине в 2003 году. В этих книгах на фактах и документах показан весь ужас депортации и геноцида немцев Советского Союза, инициированных и проведенных высшим руководством страны с 1941 года.

Ценность книги Р. Шульца состоит в том, что он на судьбе одного отдельного человека показал все этапы драматической судьбы нашего репрессированного народа. Думаю, что очень многие, имеющие отношение к российским немцам, не обойдутся без носового платочка при чтении этой книги. За остальную публику сказать не могу. Тут, как говориться, – у кого что болит…

У российских немцев эта боль не отпускает и, видимо, будет сохраняться, как у Лидии Данневольф до самой смерти. А ведь она, по собственному утверждению, относительно неплохо жила в сибирской глубинке, откуда в конце-концов подалась на историческую родину от обиды на центральную власть России за несправедливое отношение к своим гражданам немецкой национальности. Однако примечательно, что эта женщина сохранила в себе самые добрые чувства к соседям, односельчанам и всему русскому народу. Не хлебом единым сыт человек. Израненные души российских немцев нужно лечить иными средствами. Но этого не хотели видеть и понимать российские власти.

Итог известен.

Обо всем правдиво и честно рассказано в книге Р. Шульца и Л. Данневольф. Судьба Лидии Данневольф, наполненная горем, нуждой и драматизмом военных лет и послевоенного лихолетия, вполне типична для российских немок. Такой же была судьба моей мамы Берты Гергенредер, депортированной из окрестностей того же Бальцера, – районного центра АССР немцев Поволжья, где родилась Лидия. Мои родители, также как и семья Данневольф очень долго тянули с переездом в Германию, все еще надеясь на справедливое решение немецкой проблемы в России. Теперь они оба покоятся не там где хотели, так и не дождавшись реабилитации. Записать их воспоминания мне всегда мешали другие приоритеты, – бесконечные письма в различные инстанции СССР, России, Украины и Германии по поводу реабилитации российских немцев и столь же бесконечная борьба за это на различных общественных форумах «Видергебурт», общенациональных съездах немцев СССР, России, Украины, Казахстана, Киргизии, да и в самой Германии. А теперь их уже нет. Поздно, не спросишь, не уточнишь, не узнаешь…

Не появись книг Г. Вольтера и Л. Германа, а также таких как «Слезы и грезы» Р. Шульца, то нашим потомкам вообще не удалось составить себе представление о целой эпохе истории российских немцев. Дай Бог силы Райнгольду Шульцу и многим другим, кто сегодня работает над сбором и описанием последних воспоминаний еще живущих «трудармейцев» и немцев – изгнанников, не попавших в ГУЛАГи из-за малолетства.

Генрих Гроут, *Берлин, 12.04.2012 г.*
Председатель Международного конвента российских немцев

«СЛЁЗЫ И ГРЁЗЫ»

«Чтобы стать умным,
достаточно прочитать всего 10 книг,
но чтобы найти их, нужно прочитать тысячи»

(Автор эпитета неизвестен)

Я держу в руках новую книгу Райнгольда Шульца «Слёзы и грёзы». Это документально-художественная повесть о судьбе российской немки Лидии Ивановны Даневольф (дев. Попп), рож. 31.03.1926 года в городе Бальцер. Перед тем, как прочесть книгу, мне стало интересно, войдёт ли эта книга в те десять, которые нужно прочесть, чтобы стать умным. Дочитав до пятидесятой страницы (а в книге всего 216 страниц с иллюстрациями Светланы Видергольд, фотографиями из

семейного архива, с географической картой сельской местности Поволжья, с родословным древом семьи Даневольф и Попп, аннотациями к книгам Райнгольда Шульца (уже12 книг) и с объявлением от автора «Разыскивается!»), – я поумнела и поняла. У Лидии Ивановны Даневольф очень тяжёлая судьба.

Эта книга – исповедь человека, испытавшего всё: и голод, и холод, и издевательства нашего советского государства. Тяжёлый до изнеможения физический труд, ликвидация нажитого добра, невыносимые человеческие условия в трудармии, отлучение детей от матери, унижение и уничтожение человеческого достоинства, невероятно зверское отношение, (как-то «господин-раб»), Родины-мачехи к своим трудолюбивым и покорным детям, смерть родных и близких людей – вот причина, по которой главная героиня книги взяла в руки «писательское перо» и обратилась к литературным талантам Папы Шульца.

Райнгольд Шульц пишет: «Современная Россия - самое антисоветское государство в мире. Зачуханный стал народ, опустился, осатанел. Внутренний духовный мир человека через деньгии сатана разрушил до основания... Беда России не в дорогах и не в дураках, а в дураках, указывающих дорогу».

Отчаянье и боль Лидии звучат почти в каждой строчке, и я приведу один из примеров: «Екатерина. Вторая от имени государства Российского обещала немецким колонистам право выезда из России в любое время и со всем нажитым капиталом. А вот наше государство слово своё не сдержало... В России все всегда хотели «снять с немцев сливки», но никто перед нашим народом за его страдания не извинился, ни Москва, ни Кремль, ни правительство, ни президент, ни начальство...»

В книге приводится очень много фактов, рассказов очевидцев, описание судеб других семей депортированных немцев. Да, в России за каждую копейку приходилось расплачиваться потом и кровью. И то – за трудодни ставили всего лишь палочки...

В Германии пожилая чета Лидия с Андреем Даневольф получала пенсию, на которую можно спокойно жить и не нуждаться ни в чём.

Сложные жизненные ситуации, лишения и несчастья не сломили главную героиню. При отъезде в Германию было потрачено много и слёз, и нервов. Выстоялись куча очередей, давались взятки, страх и ужас вселялись в сердца желающих поскорее покинуть этот хаос и беспредел. Лидия заметила, что почти все немцы были очень недовольны ситуацией. Народная обида была видна повсюду. Оскорблённые и униженные хотели как можно скорее расстаться со своими мучителями и вымогателями. Это надо же: столько лет гноили и обзывали «фашистами», а как ехать на этническую родину в Германию – сплошные палки в колёса. Немцев грабили не только в собственных

домах, но и на вокзалах, и в поездах. Лидии было очень обидно и нестерпимо больно за всех невинно пострадавших.

Главная героиня не перестаёт удивляться несправедливости и возмущается не благодарностью. Ведь такой сильный и мудрый народ – немцы. Столько сделали для своей Родины немецкие учёные, музыканты, исследователи, писатели, офицеры, перечислять – пальцев не хватит, а страна их не оценила, и, мало того, жестоко обидела и «надругалась».

После депортации память о немцах стёрли со всех географических карт страны. Бальцер, где жила Лидия Ивановна, переименовали в Красноармейск. В конце 80-х годов советские немцы начали движение за возрождение Республики немцев Поволжья, за свою реабилитацию, за возвращение на Родину, на Волгу.

Всегда пьяный Ельцин взамен предложил военный полигон на Капустином Яру: «Пусть снаряды выкапывают. И Германия пусть поможет...» Райнгольд Шульц пишет, что сейчас на том месте, где был городок Бальцер всё находится в ужасном состоянии, сплошная нищета, на месте, где была фабрика – сделали базар, заводы не работают, речка превращена в помойку, улицы не подметаются, всё разломали, разворовали, растащили, из десяти улиц остались только две, люди мрут, как мухи, спиваются, не дожив и до пятидесяти лет, старое кладбище забито до предела.

Последние же главы повести: «Германия», «Немцы», «Русские немцы», «Гиссен», «Бюрократия», «Язык», «Братья по крови», «Местные», «Юбилей», «Шок» и «Медицина» – о жизни уже в Германии. В 2010 году Лидия Ивановна потеряла мужа, с которым воспитывала шестерых детей. Он умер от рака. Она – мать-героиня, он – победитель социалистического соревнования 1975-го года, ветеран труда 1984-го года. В книге даны копии документов.

К успокоению своей совести можно добавить, что в наше время уже много написано о депортации советских немцев (но, к сожалению, не снят ни один фильм!), эту тему глубоко осветили такие известные писатели, как Виктор Дизендорф, Герхард Вольтер, Герольд Бельгер, Гуго Вормсбехер, доктора исторических наук Ирина Черказьянова, Николай Бугай, доктор филологических наук Елена Зейферт; поэты Вольдемар Гердт, Нелли Ваккер, Генрих Шнайдер, Эдуард Альбранд, Лео Майер, Агнесса Гизбрехт.

Память – вечна. А боль – не утихает и не утихнет никогда. Может быть, не всегда будет так тревожно на сердце, как пишет Евгений Евтушенко:

И все тревожней год от году
кричат, проламывая мрак,

душа – душе, народ – народу:
«Зачем ты так? Зачем ты так?»

В 2011 году Лидия Ивановна отметила своё 85-ти летие. В Германии живут и трудятся пятеро её детей. У неё есть10 внуков и 13 правнуков.

Прочитав книгу Райнгольда Шульца, я поняла, что для Лидии Ивановны главное – верить. Она всегда верила в Бога и знала, что он ей поможет.

Не у кого нет такой хорошей памяти, как у книги. Лидия Ивановна всегда мечтала написать книгу и однажды она даже передала рукопись в Москву: там было много фактов, дат, имён, фамилий. Не дождавшись никакого ответа, Лидия Ивановна решила, что рукопись потерялась или её «потеряли» специально. Но книга вышла, и, благодаря внутреннему голосу сильной и мужественной женщине. Мечта российской немки из Гиссена осуществилась, а её воспоминания о тяжёлой судьбе российских немцев, надеюсь, найдут своего читателя. Ценность книги не в том, сколько за неё уплачено, а в том, сколько из неё получено ценностей.

Мари Шансон, *Мюнстер*

О КНИГЕ Р. ШУЛЬЦА «ГРЁЗЫ И СЛЁЗЫ»

Передо мной новая книга Райнгольда Шульца «Грёзы и слёзы». Прочел книгу с волнением, за сутки, не отрываясь.

Автор очень известен в Германии своими книгами. За ним твердо укрепился имидж юмориста, и действительно, такие его книги, как «Анекдоты папы Шульца» или «Смеходром», дают к тому повод. Но вот несколько лет назад Шульц издал серьезную, драматическую по сюжету книгу «Перелетные птицы». Книгу о судьбе российских немцев и о собственной судьбе. Книгу, которую тяжело читать, и одновременно очень светлую.

И вот теперь еще одна книга – на ту же тему, но несколько в ином жанре. Если предыдущая книга была автобиографического плана, то нынешняя – о другой жизни, о жизни одной из многочисленных семей потомков давних немецких переселенцев, приехавших в Россию по зову Екатерины II…

Книга написана от лица главной героини и состоит из маленьких главок, сплетенных в долгое повествование. Это волнующая повесть о сложной, драматической, а порой трагической судьбе живших в СССР немцев Поволжья. Депортация с началом войны волею властей загна-

ла волжан в степи Казахстана, в Коми, в Сибирь обрекла их на долгие жестокие страдания, нередко на вымирание. И лишь не столь многие уцелевшие, перемогшие невзгоды семьи смогли со временем вернуться к нормальной жизни, а через много лет вернуться на историческую родину – в Германию.

А ведь немецкие колонии в СССР – это были образцовые колонии с хорошо обустроенной жизненной средой, с развитыми культурными традициями, с наработанными трудовыми навыками, с очень низким уровнем преступности… Советские немцы – такая вот ныне не очень понятная национальность…

Тут я хочу сделать небольшое отступление. В молодости я работал на заводе, на Урале, в Оренбургской области. Летом нас направили на уборку урожая в знаменитый в те годы Адамовский район, славившийся огромными посевными площадями и высокими урожаями пшеницы. Привезли нас в колхоз на севере Казахстана, на границе с Оренбургской областью. Вскоре выяснилось, что колхоз населен наполовину казахами, наполовину немцами. И вот что мы увидели. Немецкие дома были добротными, ухоженными, улицы на этой половине села были мощеные, чистые, внутри было электричество, радио, хорошая мебель, чистота. Председателем колхоза, по счастью (для колхозников) был немец, настоящий работяга, он буквально пропадал на полях. На другой же половине села стояли убогие, запущенные дома, смотревшие на не замощенные, в непогоду трудно преодолеваемые улицы, внутри дома поражали бедностью, в них не было даже электричества. Заместитель председателя, казах с непомерным пузом, не упускал случая наведаться в наше общежитие к обеду и сесть к столу, а вот на току, где мы работали, его не было видно. Все указания нам он давал за обедом. Эта картина осталась в памяти, она очень характерна для немецкого менталитета.

Она подтверждает слова автора книги о высоком уровне жизни немецких поселенцев до депортации, но она говорит также о том, что это свое умение разумно обустраивать жизнь немцы сохранили и в трудных условиях после депортации. Хотя времена, о которых я вспомнил, – это были уже времена, когда страшные притеснения, трудовые лагеря и прочее сходили на нет. «Всё проходит» – сказал древнееврейский царь Соломон. Прошли и эти тяжелые годины. Рубцуются раны, слабеет память, и потому книги, подобные той, о которой я говорю, незаменимы: память должна быть сохранена. Героиня книги Лидия Данневольф, слава Богу, здравствует, живет нынче в Германии, в Ветцларе. И поклон ей за то, что нашла в себе силы и мобилизовала свою память, рассказала Р. Шульцу долгую историю своей жизни, из которой и родилась эта книга. Ее имя законно заняло свое место на обложке книги, она равноправный ее соавтор.

Пересказывать книгу – дело неблагодарное, да и зачем? Те, кому тема книги дорога, сами прочтут ее, погорюют, порадуются, задумаются. Скажу лишь, что книга необыкновенно трогает душу, написана она от сердца, безыскусным, простым языком, заставляет пережить вместе с ее героями все перипетии их жизни. Не могу не отметить изумительные иллюстрации к книге Светланы Видергольд и Виктора Гурра. В книге – многочисленные фотографии рода Попп-Данневольф (Попп – девичья фамилия героини).

Словом, спасибо авторам за отличную книгу.

Борис Бейнфест

Уважаемый Райнгольд!

Спасибо Вам большое за предоставленную возможность познакомиться с книгой «Слезы и грезы». С огромным интересом прочли ее все сотрудники нашего небольшого коллектива. При кажущейся простоте повествования книга потрясает глубиной переживаний и удивительным чувством человеческого достоинства, не утраченного автором в тяжелейших условиях.

Книга имеет для нас и огромное профессиональное значение, мы надеемся, что Вы не будете возражать, если фрагменты из воспоминаний Лидии Ивановны мы будем использовать в своих экскурсиях и лекциях, поскольку они имеют невероятную историческую, познавательную, морально-нравственно ценность.

Очень важны для нас, и за это мы выражаем Вам особую благодарность, сведения о коренных бальцерских семьях и жителях, включенные в книгу. Ведь это еще одна вновь открытая страничка истории нашего города и района, которую мы непременно донесем до наших посетителей.

Несколько огорчили нас впечатления автора о сегодняшнем Красноармейске (или Красноармейске почти двадцатилетней давности), как нам показалось, краски в описании города несколько сгущены, но впрочем, это вполне понятно и оправдано. Нам представляется , что не так все плохо в нашем городе сейчас, в начале двадцать первого века, он живет, население его составляет более 25 тысяч человек, мы любим свой город, знаем его славную историю и гордимся ею, а самое главное - надеемся, что у Бальцера-Красноармейска есть будущее, а иначе и не может быть!

Еще раз огромное спасибо Вам за подарок, замечательную книгу.

С наилучшими пожеланиями и уважением от имени сотрудников Красноармейского краеведческого музея.

Заведующая музеем ***Лобанова Антонина Александровна***.

P.S. Извините, письмо набрала на компьютере, у меня очень плохой почерк, не хотелось обременять Вас чтением неразборчивого письма.

Всего Вам самого доброго!

Красноармейск, август 2012 год.

Книга почтой автора Райнгольда Шульца

1. **«Избранное»** вышла в 2001 году в Омске, в издательстве «Газетный двор». Здесь под твёрдой обложкой собраны воедино красочные воспоминания автора, его рассказы, юморины, притчи, стихи, басни, верлибры, газетные интервью. Книга знакомит читателя с оригинальными мыслями и откровениями Райнгольда Шульца о пройденном пути, о жизни. Жизнь есть борьба за каждый завтрашний день. В книге Вы найдёте много фотографий из семейного альбома автора, рассказывающих о трудной истории немецких колонистов в России. Немецкая тема на всех страницах звучит главной стержневой мыслью. К сожалению, в наличии этой книги уже нет, она давно стала библиотечной редкостью.

2. **«Анекдоты Папы Шульца**. В Германии переселенческие анекдоты Папы Шульца рассказывают всюду. Если весь смех, который они вызвали, перевести в молоко, мясо и яйца мы бы давно догнали и перегнали Америку. Смех – это народное достояние! Одна минута смеха восстанавливает организм, как час физической тренировки. Потребление юмора на душу населения – важнейший показатель благосостояния народа. Смех держит нас в режиме счастья, в это время люди не ссорятся, не старятся, не болеют, они счастливы и беззаботны, и Бог это время в срок жизни людям не засчитывает. Смех – наше любимое занятие. Смех – это здоровье! Будь человек хоть семи пядей во лбу, но если у него нет чувства юмора – он дурак. Приобретите эту книгу. Смех объединяет человечество! Смех - это язык счастья. Будьте взаимно счастливы! Смейтесь на здоровье! Книга пользуется устойчивым спросом у читателя и уже неоднократно переиздавалась. ISBN 3-933 673-34-8

3. **«Перелётные птицы»**. У этой книги очень точное название. Только птицы эти – особенные: Пережив много зимовий в России, они

однажды поднялись на крыло и улетели – без возврата, навсегда, на родину своих предков, в Германию. Да, речь идёт о немецких переселенцах, о судьбах которых – невероятно трудных, драматичных, а очень часто и трагичных Райнгольд Шульц написал книгу. Ведь пережить подобное тому, что описано в книге, пришлось многим немецким поселенцам в России, но найти в себе силы, чтобы рассказать об этом правду, довелось единицам. Автор раскрылся в совершенно неожиданном свете. В книге описаны малоизвестные и шокирующие исторические факты. Содержание её потрясающе и безумно интересно. Эта сага достойна стать настольной книгой немецких переселенцев: в ней воплощена и их память тоже. ISBN 3-933 673-35-B

4. **«Zugvögel»**. Das Buch hat einen sehr treffenden Titel. Bloß das sind ungewöhnlich besondere Vögel. Viele Jahre überwinterten sie im Norden und Sibirien Russlands, und eines Tages machten sie ihre Flügel breit und flogen – ohne zurückzukommen auf immer – in die Heimat ihrer Vorfahren, nach Deutschland. Ja, im Busch geht es über die Deutsche, die nach Deutschland übergesiedelt sind. Über ihr dramatisches, schweres, oft auch tragisches Schicksal hat Reinhold Schulz ein Buch geschrieben. Viele Deutsche in Russland mussten das erleben und überleben, über das, was im Buch erzählt wird. Aber nicht alle hatten die Kraft und die Möglichkeit die Wahrheit zu erzählen, nur sehr wenige haben das gemacht. Für den Autor öffnete sich unerwartet eine ganz neue Welt. Im Buch geht es um schockierende, wenig bekannte Fakten aus der Geschichte des Deutschen Volkes in Russland. Der Inhalt des Buches lässt niemand in Ruhe und ist trotzdem interessant. Das Buch muss jeder Russlanddeutsche Übersiedler haben, das sind auch seine Erinnerungen. ISBN 3-933 673-35-BZ

5. В книге **«Воскресение»** очень много изумительных персонажей. В ней нет длинных, нравоучительных историй, и как раз в этом ее преимущество. Любой человек, читая эту книгу, найдет в ней что-то для себя, непременно и не раз радостно или грустно улыбнется, а у кого-то на глазах появятся слезы. Таланту научиться нельзя, с этим даром рождаются на свет. Проза у Шульца очень емкая, добрая, солнечная. Слова ласкают душу и зовут все выше и выше, к прекрасному свету Божественных истин. Открыв эту книгу, Вы услышите стук большого, пылкого, нежного и ранимого сердца автора, которое переполнено любовью к Богу и любовью к вам, дорогие читатели. Издавна по названиям и количеству книг в доме определяли интеллект хозяев, их взгляды на жизнь, их образ жизни, их культуру, их душу. Мудрость человека – в душе его и в его книгах. Нельзя душой нам блекнуть и ржаветь. Обязательно прочитайте эту книгу. ISBN 3-933 673-37

6. Только что вышла из печати новая книга Райнгольда Шульца

«**СМЕХОДРОМ**». Презабавнейшая книжка получилась! Другого эпитета, пожалуй, и не подберешь! Очень понравился стиль писателя. Простой, интересный. Он не лезет в дебри. Рассказы яркие и короткие. Пишет смешно, понятно, сатирично, со здоровой иронией. Юмористические рассказы переселенцев близки каждому. Как живем, так и шутим. Смех – лучший друг души и желудка. Книга читается легко и увлекательно. У папы Шульца такой красивый и сладкий язык, что смакуешь во рту каждое слово, каждую букву. Прочитал, не отрываясь. Хорошее настроение гарантировано, юмор в рекламе не нуждается. Смех удержать невозможно. Потрясающая книга! Прочитайте, не пожалеете. Прочитал сам, передал другим, и книга пошла по рукам, все в восторге! ISBN 3-933 673-38

7. Книга **«Общий котёл-1»** состоит из двух томов. Она подготовлена друзьями, коллегами, читателями к шестидесятилетнему юбилею интересного человека, который любит и умеет писать. Хотелось сделать что-то значительное и приятное юбиляру. Перебирая его труды и обширную переписку, набралось много интересных вещей, не умещающихся в одну тему. Здесь документальные и исторические вещи, рецензии и критика, очерки, – всё вместе ни в какие направления и жанры просто не вписывается. Папа Шульц пишет, в основном, о том, что хорошо знает и чувствует. Он пишет о своих друзьях, знакомых, о том, что видел и прожил сам или от кого-то что-то слышал. Но в основе всех его творений лежат реальные события. Обдумав множество вариантов, мы пришли к мнению, что лучшее название для книги будет «Общий котёл». В первый том вошли его репортажи, концертные обзоры, отзывы на книги друзей, отзывы читателей и писателей о его работах, эпиграммы, шуточные поздравления к юбилею писателя. ISBN 3-933 673-47-X

8. **«Общий котёл-2»** вобрал в себя многочисленные интервью, которые приходилось давать писателю разным газетам и журналам, ведь в одно время он работал директором международной христианской гуманитарной благотворительной организации по оказанию помощи для населения России. Всё это удалось собрать под одну обложку. Сюда же вошло интервью по поводу вручения ему в Москве, в Центральном Доме литераторов, премии по итогам Международного литературного конкурса Национальная премия «Золотое перо Руси». В этом томе также разместились публикации о хороших и бескорыстных людях, его впечатления о посещении двух столиц – Москвы и Берлина, и замечательный фотоальбом с редкими и очень интересными фотографиями из жизни писателя, запечатлевшие его встречи с интересными и знаменитыми людьми. ISBN 3-933 673-47-X

9. Повесть **«Юралла»** написана о замечательных простых людях блокадного поколения ленинградцев. Эту седую влюблённую парочку невозможно разлепить. Когда они под ручку выходят на ежедневную прогулку, все прохожие просто любуются ими, их соответствию и харизматической красоте. Они, как ангелы, светятся изнутри любовью. У всех людей есть фамилия, имя, отчество, у некоторых есть кличка или псевдоним, у этой парочки одно имя на двоих и буква «А» у них общая связующая. Их невозможно разлепить, Юра-Алла. Они никогда не ссорятся, живут душа в душу, а душа – главный орган человеческого организма и бездонное вместилище всех жизненных впечатлений. О непростом жизненном пути семейной пары дружно дошедшей до своей золотой свадьбы рассказывает эта книга.

10. Книга **«Полный вперед!»** составлена из интересных жизненных рассказов, повествующих о судьбах немцев из России. Пропагандируя книги Папы Шульца, мы пропагандируем российских немцев, причём, правдиво, с хорошей стороны. Его яркие, содержательные повествования очень привлекают современных читателей. У него такая доходчивая, добротная, легко читаемая проза. Неудивительно, что его работы неоднократно отмечались немецкими, российскими и международными премиями. Как только видишь его книги, остро чувствуется, что они очень, очень нужны, от них идёт тихое свечение добра и душевной теплоты. В них есть свет изнутри, и хотя это отдельные рассказы, но такое чувство, что конец одного рассказа является началом другого. Очень хорошие книги пишет Папа Шульц. Читайте! И вы, действительно, получите истинное наслаждение!

11. В издательстве Роберта Бурау, у берлинского автора Александра Райзера и Папы Шульца вышла совместная книга, одновременно на двух языках **«99 Anekdoten von Aussiedlern»**. Новые юмористические истории про переселенцев взяты из самой жизни. Эти два современных сатирика и юмориста очень весело и интересно обыграли и изложили проблемы интеграции поздних переселенцев, беженцев и эмигрантов – всех выходцев из бывшего Советского Союза. Они подчеркнули игру слов и разный смысл двух языков в условиях новой жизни. От России переселенцы уже отделились, а в Германии ещё по-настоящему не прижились. Люди ещё пребывают в состоянии эмоциональной разорванности, телом здесь, а душой там. Разные случаи из новой жизни, рассказанные друзьями знакомыми и роднёй, мастерски обработаны и превратились в весёлые анекдоты об этом новом временном состоянии бывших советских людей. ISBN 3-935

000-51-0

12. **«Обама»** – это не о знаменитом американском президенте Бараке Обаме, а о никому неизвестном, простом чёрном парне из жаркой Флориды, живущем сейчас в Германии, Друзья зовут его этим высоким именем – Обама. Но разочарованы Вы не будете. Жизнь этого обычного афроамериканца, служившего в армии США, наполнена захватывающими, радостными и драматическими, невероятными и поучительными событиями. Остаётся в который раз удивляться, как всё это вместила жизнь человеческая. И как он, участвуя в военных конфликтах в горячих точках планеты, всё это перенёс, выстоял и остался в свои года сильным и красивым, гуманным и оптимистичным, готовым открывать новые страницы своей судьбы. По ширине охвата событий этот очерк можно назвать маленькой сагой, но, несмотря на обилие событий, имён, географических названий и других жизненных и исторических реалий, читается он очень легко – за счёт лёгкости слога писателя и увлекательности изложения. Прочтите и убедитесь в этом сами.

13. Повесть **«Слёзы и грёзы»** – это исповедь человека, которая захватывает с первых страниц и не отпускает до конца книги, а потом заставляет переживать и вспоминать ту или другую картину из прочитанного, которая виртуально переносит нас в жестокое и несправедливое прошлое. Сквозь строчки текста видны слёзы и грёзы простых людей из числа немцев России. Как болело материнское сердце героини от ответственности за судьбы детей и внуков на исторической родине. Как сниться ей детство по ночам. Как Родина, место, где она родилась, не даёт покоя, как старается она оставить после себя добрую память в виде книги о прошлом своего народа и своём трудном многострадальном пути в этой нелёгкой земной жизни.

***

Книги – парусные корабли мысли, странствующие по волнам времени и бережно несущие свой груз от поколения к поколению. Книга – это духовное завещание одного поколения другому. Скажи мне, какие книги ты читаешь, и я скажу, кто ты. Книга источник знания, она окрыляет ум и сердце, делает человека добрее. Книги лучшие друзья. Книга в доме, что окно в избе. Дом, в котором нет книг, подобен телу, лишенному души. Ценность книги не в том, сколько за неё уплачено, а в том, сколько из неё получено. Кто много читает, тот много знает. Книга лучше телевизора, телевизор могут смотреть даже животные, а читать и размышлять, способны только люди. Чтение – вот лучшее учение! Чтобы знать свою историю, проявлять национальную солидарность, чтобы любить и уважать предков, самого себя, своё прошлое, своё настоящее и своё будущее, каждый немец из России, каждый немец в России и в других республиках бывшего Союза должен и обязан иметь в своём доме книги Папы Шульца, потому-то они – зеркало нашей тяжёлой и непростой жизни.

***

Подробнее познакомиться с творчеством автора можно в интернете, набрав на русском или немецком языках псевдоним Папа Шульц, настоящее имя Райнгольд Шульц, или названия его книг и рассказов. Он победитель многих литературных конкурсов.

На сайте «Одноклассники»: Роман Шульц, 62 года.

Автор наладил общедоступную для всех систему распространения **«Книга-почтой».** Всего за один евро почтальон принесёт вам книгу прямо на дом.

Книги с автографом можно заказать круглосуточно по электронному адресу: *papa-schulz@gmx.de*

Или вечером по телефону **0641 – 5 81 72 26.**

ЗВОНИТЕ!

Литературное объединение «Немцы из России»
представляет своих авторов

Райнгольд ШУЛЬЦ родился в 01.11.1949 г. на севере СССР, в г. Сыктывкаре в семье высланных из Карелии житомирских немцев-колонистов. Служил в ВВС в Великом Новгороде, затем в Крыму, в филиале Центра подготовки космонавтов, после демобилизации работал в Коми в Управлении гражданской авиации. Окончил Сыктывкарский государственный университет. Имеет двух дочерей и внуков. В ФРГ с 1990 года, живёт в Гиссене, работает на базе NATO.

Райнгольд Шульц – член Землячества «Немцы из России», член Всегерманского интеграционного совета «Немцы из России», член литературного объединения ФРГ «Немцы из России», Международной ассоциации писателей и публицистов, Берлинского литературного общества «Berliner-Literaturbund» и Международного Сообщества Писательских Союзов – правопреемника Союза писателей СССР.

Писатель, публицист, юморист; является активным членом современного общества. Пишет историческую прозу, юмористические рассказы, христианские и житейские истории, репортажи, сказки, стихи, басни, пародии, анекдоты.

Литературный псевдоним – Папа Шульц.

Райнгольд Шульц написал около тысячи произведений, в том числе, более пятисот рассказов. Он печатался более чем в 30 альманахах, у него более 950 публикаций которые удалось проконтролировать в СМИ, не считая интернетовских. Его работы активно публиковались в России: в журналах «Дальний Восток» и «Работница», в газетах «Neues Leben»; «Аргументы и факты», «Сибирская газета», «Заполярная Правда», «Красное знамя», «Дым Отечества», «Московская немецкая газета». Например, евангелическая газета «Забытый Алтарь» читается в 37 странах мира.

Его произведения печатали в Казахстане, Белоруссии, Украине, Польше, Швейцарии, Франции, Финляндии, Норвегии, Греции, Австрии, Австралии, Канаде, США, во многих русскоязычных газетах и журналах Германии. Появились также переводы его рассказов в немецкоязычной прессе. В христианской редакции «Свет во тьме» рассказы Райнгольда озвучены и записаны на дискеты для незрячих людей.

Его «Шульц-фильмы» неоднократно показывали в Германии по телевидению. На радиостанции «Немецкая волна», радио «Берлин-Бранденбург» действовал юмористический радиоклуб «В гостях у Папы Шульца».

Он автор многих интересных брошюр «самсебеиздата», которые копируются читателями-переселенцами. Изданы следующие его кни-

ги: «Избранное», «Анекдоты Папы Шульца», «Смеходром», «Перелётные птицы», «Воскресение», «Общий котёл» – два тома, рассказы, очерки, интервью. «Юралла», «Обама», «Слёзы и грёзы». Подготовлены к печати книги: «Полный вперёд!» – рассказы и «Марбург» – путеводитель для туристов.

Папа Шульц обладатель юмористического «Лах Ордена», (орден смеха), ценных призов, Почётных грамот, многочисленных откликов благодарных читателей и победитель многих литературных конкурсов, в том числе и первого Всегерманского конкурса прозы и публицистики «NEUER HAFEN» в 2007 году в Дрездене.

В 2008 г. в Москве в Центральном Доме литераторов по итогам международного литературного конкурса Национальная премия «Золотое перо Руси», в специальной номинации «Русское в нас» ему присудили победу за эссе «Чья во мне душа?»

Его имя вошло в авторский энциклопедический словарь «Немцы России», Autorenlexikon и в немецкую энциклопедию «Russlanddeutsche Schrifsteller», Берлин, NoRa.

В 2009 г. Министерство национальной политики Республики Коми, республиканский информационно-образовательный центр российских немцев, Союз писателей Республики Коми, Государственный Университет и Республиканский Дом творчества пригласили Папу Шульца в составе немецкой делегации в качестве почётного гостя на его Родину, в столицу Республики Коми – город Сыктывкар на празднование Дней российско-немецкой культуры. Они проводились по инициативе Посольства Германии в России и республиканского Министерства иностранных дел. Там Папа Шульц многократно выступал перед общественностью, на радио и телевидении, дал множество интервью локальным и республиканским газетам. На обратном пути в Москве на Мосфильме у него состоялись деловые встречи с известными кинорежиссерами России Кареном Шахназаровым и Станиславом Говорухиным.

В 2010 г. по итогам Берлинского литературного конкурса «Книга года», организованного библиотечным фондом «Литературное наследие», работы Папы Шульца были признаны лучшими сразу по шести номинациям.

В сентябре того же года писателя-переселенца пригласили в Ульяновск на двадцатый общероссийский фестиваль культуры российских немцев. Он принимал активное участие во многих мероприятиях фестиваля, в работе Литературного клуба Международного союза немецкой культуры, выступал в Литературной гостиной, в центре по возрождению и развитию национальных культур, в клубе немецкого райцентра Чердаклы, в областном драматическом театре, на заключительном гала-концерте фестиваля в большом зале Ленинского мемо-

риала.

На обратном пути в Москве у него состоялась встреча с московскими читателями в Российско-Немецком Доме на Малой Пироговской улице.

В Москве творчество Райнгольда Шульца во второй раз было отмечено на Международном конкурсе Национальная литературная премия «Золотое перо Руси» литературной медалью на ленте «За высокую гражданскую позицию» и дипломом устроителя конкурса Александра Бухарова «За верность русским традициям».

За активную общественную работу Администрация города Гиссена вручила Райнгольду Шульцу пластиковую карту «Ehrenamts-Gard», на основании которой обладателю предоставляются различные льготы по всей земле Hessen.

В 2011 году Оргкомитет Содружества литературных сообществ «Золотое Перо Руси» при содействии Союза писателей-переводчиков принял решение наградить в рамках Национальной литературной премии «Золотое Перо Руси» Райнгольда Шульца медалью и дипломом «За солнечную деятельность».

В этом же году он снова оказался в списках победителей Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» сразу по двум номинациям. В военно-патриотической номинации за рассказ «Самоволка» его наградили дипломом имени Твардовского с вручением специальной медали «За высокую гражданскую позицию и патриотизм».

В спортивной номинации за интервью «Самбо» он отмечен специальной грамотой Государственной Думы Федерального Совета Российской Федерации, подписанной председателем комитета по спорту А. Т. Сихарулидзе.

Первое место и звание Лауреата литературного конкурса «Открытая тема 2011» Райнгольду Шульцу присудили за произведение «Сеносплав», с размещением соответствующего Диплома на Интернет-странице победителя, с зачислением 1000 баллов на его лицевой счёт и вручением ценного подарка.

За вторую победу в этом же конкурсе и ещё одно призовое место, звание Призера Райнгольду Шульцу присудили за юмористическое произведение «Пай-пай», с размещением соответствующего Диплома на Интернет-странице победителя, с зачислением 500 баллов на лицевой счет и вручением ценного подарка.

Творческие встречи писателя интересно и весело вспоминаются в Бад-Годесберге, Барселоне, Берлине, Бонне, Вайльбурге, Ветцларе, Висбадене, Вюрцбурге, Гааге, Гельзенкирхене, Гиссене, Детмольде, Дрездене, Касселе, Кёльне, Корбахе, Лейпциге, Марбурге, Марсберге, Москве, Мюнхене, Ульяновске, Регенсбурге, Сыктывкаре, Нюрнбер-

ге, Оерлинсхаузене, Фульде, Франкфурте-на-Майне и в других по алфавиту городах.